

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ**

OSTKRAFT

• научное обозрение • www.ostkraft.ru •

Памяти Леонида Фридовича Кациса (1958–2022)

• Модест Колеров • Москва • 2023 • №7 •

УДК 94(470):821.16"18/19"
ББК 63.3(2)+83.3(2)
О-88

Редакционная коллегия:

Л. Ф. Кацис (главный редактор),

М. А. Колеров,

С. Г. Шиндин.

О-88 ОСТКРАФТ / Литературная коллекция. Научное обозрение № 7.
М. : Модест Колеров, 2023. 232 с. (www.ostkraft.ru)
ISBN 978-5-905040-85-6

ISBN 978-5-905040-85-6

© Авторы статей, 2023

© Модест Колеров, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Ивинский. Памяти Лёни Кациса</i>	5
<i>Д. П. Ивинский. Пометы князя П. А. Вяземского на полях собрания сочинений В. Г. Белинского</i>	9
<i>Валентин Парнах. В русском мире словесности</i>	105
<i>Михаил Выграненко, Галина Петрова. Петербург Иннокентия Анненского</i>	112
<i>Иоанна Делекторская. Осип Мандельштам — читатель Андрея Белого (стихотворение «Не говори никому...», 1930)....</i>	141
<i>Зеев Бар-Селма. Кавказская пленница</i>	146
<i>Леонид Кацис. «Три богатыря» литературного антисемитизма: «нутряной», «политический», «экологический». Максим Д. Шраер. Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы: Астафьев, Белов, Распутин. СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 111 с. (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»)</i>	155

<i>И. В. Назаров, Н. Г. Филиппенко. Уроки русского политического идеализма: приглашение к разговору (о книге М. А. Колерова «Манифесты русского политического идеализма»)</i>	166
<i>Е. А. Руденко, Е. А. Терентьева. Джереми Скейхилл. Blackwater. Самая могущественная наемная армия в мире / Пер. А. Ю. Колгашкина. М., 2015</i>	201

<i>Л. И. Владимирова, Е. А. Терентьева.</i> Э. Блант. Теории искусства в Италии. 1450–1600 / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина под ред. Е. В. Гориной. М., 2016	204
<i>Д. В. Суржик.</i> М. Ли. Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина под ред. Е. В. Гориной. М., 2017. (Серия «Реальная политика»)	208
<i>Д. Ю. Исповедников.</i> Э. Ривера, М. Дэвис, Д. Буневич. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина; под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой. М., 2019	215
<i>Яна Ворожеина, Анатолий Курганский.</i> М. Ларуэль, Э. Ривера. Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа / Пер. с англ. А. Колгашкина. М., 2019 (Реальная политика)	218
<i>Андрей Правов.</i> Неизвестный Филби / Пер. с англ. и болгар. М. Ю. Богданова и Т. Бояджиева. М.: Издательство «Кучково поле», 2020	222
<i>В. В. Воротников.</i> Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой. М., 2020	228

ПАМЯТИ ЛЁНИ КАЦИСА

Скоропостижно, как принято говорить в таких случаях, скончался Леонид Фридович Кацис, доктор филологических наук, профессор, заведующий Учебно-научной лабораторией мандельштамоведения ИФИ РГГУ и кафедрой теологии иудаизма, библеистики и иудаики РГГУ, заместитель председателя Экспертного совета ВАК при Министерстве образования и науки РФ по теологии. Этот перечень, возможно неполный и во всяком случае не учитывающий его членство в разного рода редколлегиях и обществах, что-то отражает в этой завершившейся так внезапно жизни, но меньше всего сейчас хочется обсуждать именно такого рода перечни.

Обидно, что не будет задуманных Лёней книг — второй части исследования о «русском» Владимире Жаботинском, третьего — расширенного до двух томов — издания монографии о Маяковском (впрочем, кое-что он успел напечатать статьями), книги о Бродском и Мандельштаме, книги о поэтике Мандельштама, которая должна была составить своеобразную параллель к его «политической биографии», которая давно сдана в печать и, хочется верить, из нее вскоре выйдет. И мало чего еще не будет: не думаю, что этими темами — сюжетами Леня исчерпал свои возможности в деле создания той новой истории русской литературы XX в., которую считал необходимой и которая в основных чертах уже проглядывала сквозь его печатные публикации¹, лекции и доклады

¹ Перечислим здесь его монографии и сборники статей: 1) Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи (М.: Языки русской литературы, 2000 [Studia Philologica]; 2-е изд. М.: РГГУ, 2004); 2) Русская эсхатология

на конференциях, некоторые из которых были записаны на видео², рассказы в неформальной обстановке.

Эта история литературы ориентировалась на историю, причем очень непростого до-, пост- и просто революционного времени, в которой так много умолчаний, недосказанного, купированного и просто лакун, обусловленных не какими-то запретами со стороны «руководящих инстанций», а элементарным отсутствием исследовательского интереса к тем деталям биографий русских поэтов, журналистов и публицистов, философов, которые уводили в сторону от «чисто филологической» /публикаторской деятельности — в миры политики (отнюдь не только «литературной»), идеологии (отнюдь не только «единственно правильной»), религий и разного рода мистических учений и кружков.

Историю гуманитарных наук (прежде всего филологии и истории литературы, языкознания, философии) он изучал целенаправленно в течение тридцати (как минимум) лет и знал не только как сторонний наблюдатель, но и изнутри, включая «сюжеты», не или редко становившиеся темами печатных работ, «познания» авторов которых обычно вызывали у него реакцию ироническую или саркастическую.

Не терпел историографической неадекватности, особенно той, которая граничила с плагиатом или умыслами смежного типа, и тем более, что его собственные работы слишком часто и целенаправленно обходились или, так сказать, оказывались специфическим образом востребованы теми, кто привык безмятежно переоткрывать открытое лет за десять — двадцать до того и объ-

и русская литература (М.: О. Г. И., 2000 [Исследования по истории русской мысли. Т. 5]); 3) Осип Манделштам: мускус иудейства (М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2002); 4) Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса (М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2006); 5) «Славянская взаимность»: модель и топика: Очерки (М.: Regnum, 2011 [в соавторстве с М. П. Одесским]); 6) Смена парадигм и смена Парадигмы: Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. М.: РГГУ, 2012; 7) Владимир Маяковский. Роковой выстрел: документы, свидетельства, исследования. М.: АСТ; ОГИЗ, 2018; 8) «Русская весна» Владимира Жаботинского: Атрибуция, библиография, автобиография. М.: РГГУ, 2019.

² <https://www.youtube.com/watch?v=ub68qWZJ6O8>; <https://www.youtube.com/watch?v=VtLVYzKmJcU>; <https://www.youtube.com/watch?v=FiceViHTMRw>; <https://www.youtube.com/watch?v=d7PiAWGSsNw>; <https://www.youtube.com/watch?v=alm61vUFSRA>; <https://www.youtube.com/watch?v=nnv0DzNT7es>; https://www.youtube.com/watch?v=mjX3K_hThAc; <https://www.youtube.com/watch?v=zp3KPkOGI1Y>; <https://www.youtube.com/watch?v=30iPtus6pZw> и мн. др.

яснять гуманитарному сообществу, насколько велико значение осуществленных *им* открытий. Мне казалось, что данный метод слишком тривиален, чтобы реагировать на его адептов, Леня иногда (не всегда!) с этим соглашался, и тут же вновь бросался в очередной бой, отнимавший у него и время, и силы. Еще сильнее он реагировал на то, что задевало его национально-религиозное чувство; здесь «тактика» совсем заканчивались, личные связи какой угодно длительности отбрасывались, а любые попытки менее или более интеллектуальной (в особенности последние), прямой или косвенной, реабилитации «культурного» фашизма вызывали у него органическое, глубокое неприятие, требовавшее выхода и часто находившее оный не только в «неформальных» оценках тех или иных текстов, но и в печатной публицистике.

Ему приходилось работать с материалом, который был далек от его картины мира или был несовместим с ней; он не раз говорил по этому поводу, что отвечает не за взгляды своих героев, а за их точное и честное описание. Кажется, его позиция была такова: идеология не должна подменять историю, но и не может из нее изгоняться: задача исследователя в том, чтобы понять, какую именно роль она играла в той или иной точке процесса.

Не выносил быдлашного стиля «порядочных людей», одной из выразительных особенностей которого является двоесловие (одно в глаза, другое — за оные) и прекращал знакомства, если замечал нечто подобное.

Любил, что называется, поговорить. При этом за тридцать лет знакомства из тех моих разговоров с ним, которые велись в доверительно-закрытом ключе, не «протекло» ничего, от слова совсем.

Леня был замечательный рассказчик. Иногда казалось, что он говорит лучше, чем пишет, и неслучайно. Его устные рассказы обычно строились на одном — двух сюжетах, выделявших главное. А письменный/печатный текст «обрастал» множеством подробностей, экскурсов, параллельных (далеко не всегда пересекавшихся друг с другом предсказуемым образом) линий, причем последних могло быть два — три десятка. Слова в его фразе «торчали» в разные стороны, как бы стремясь учесть все эти линии или прямо на них откликались. Такое построение текста было следствием заинтересованности не в удобстве читателя (возможности которого он, вообще говоря, не переоценивал), а в недопущении профанации сложных тем, и это было тем более важно для него,

что он не считал, что «простые» темы вообще бывают: если такая-то кажется простой, то это означает, что она недостаточно исследована. И, скажем, «простой» и казавшийся кому-то полу- или недообразованным Маяковский оказался способным откликаться не только и не столько на разного рода «кудреватых митреек», но и на Карсавина, Розанова, Достоевского, А. К. Толстого и мн. др., вплоть до Байрона и Саути.

Прощай, Лёня!

ПОМЕТЫ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО НА ПОЛЯХ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В. Г. БЕЛИНСКОГО¹

Данная работа представляет собой опыт републикации, что требует пояснений. Попытку полной публикации маргиналий Вяземского, оставленных им на полях печатного издания сочинений Белинского и привлекавших внимание специалистов по крайней мере с 1940-х гг. (Новые автографы 1944 [данная заметка заканчивалась сообщением о не осуществившемся намерении опубликовать «эти маргиналии» «в 1945 году в “Записках отдела рукописей <Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина>”»]; Гиллельсон 1969, 291; Вяземский 1984, 12, 26, 421, 428), сравнительно недавно предпринял А. П. Светлов (1926–2007), историк и знаток русской книги, долгое время возглавлявший отдел книжных фондов Государственного литературного музея², в последние годы жизни заинтересовавшийся библиотекой Вяземских (Светлов 2001) и в ходе своих разысканий обративший внимание на восьмой и девятый тома изд. Белинский 1859–1862, из библиотеки П. А. Вяземского, находящиеся в Российской государственной библиотеке (ОР РГБ. Ф. 63. Карт. 1. Ед. хр. 3, 4). Подготовленную

¹ Основные положения данной работы были изложены нами в докладе на конференции «Пушкин и книга» (Государственный музей А. С. Пушкина, 23 ноября 2021 г.; запись видеотрансляции: <https://youtu.be/rqos2fffhlg>).

² См. о нем, в частности: Ратнер 2007, 41–42; Бедный 2013, 7; Лавров 2013, 127. Из его печатных работ на темы, не связанные с Вяземским: Светлов 1983; Светлов 1983а; Светлов, 1986; см. также: Ильина 2008, 160.

им публикацию (Светлов 2008) мы не смогли признать удовлетворительной сразу по нескольким причинам.

Во-первых, целый ряд помет оказался без каких бы то ни было пояснений пропущен (ср. ниже № <1.1.4>, <1.5.6>, <1.5.9>, <1.5.13>, <1.7.4>, <1.7.5>, <1.7.9>, <1.9.9>, <1.9.10>, <1.9.21>, <1.10.1>, <1.10.6>, <3.2> и нек. др.). Во-вторых, отчеркнутый Вяземским на полях текст Белинского, как правило, воспроизводился избирательно (частью почему-то в пересказе), с неточным, за редкими исключениями, фиксированием границ отчеркнутого текста, либо не воспроизводился вовсе, как и подчеркивания в тексте (ср. <1.5.2>, <1.5.3>, <1.5.16>, <1.7.2>, <1.7.8>, <1.8.3>, <1.8.4>, <1.9.3>, <1.9.4>, <1.9.7>, <1.9.11>, <1.9.18>, <1.11.5>, <4.1>, <9.1>, <9.6>, <9.9>, <9.14>, <9.15>, <9.16>); в результате оказалась потеряна своего рода «антология» тех фрагментов статей Белинского, которые вызвали особое раздражение Вяземского. В-третьих, ряд предложенных прочтений текста Вяземского оказался откровенно неверным, вплоть до откровенной бессмыслицы (см., в частности: <1.2.1>, <1.5.2>, <1.8.3>, <1.9.8>, <9.8>). В-четвертых, в текстах ряда маргиналий оказались пропущены отдельные слова. В-пятых, по текстам Вяземского оказались расставлены квадратные скобки, назначение которых неясно; если таким образом были обозначены конъектуры, то в подавляющем большинстве случаев текст источника не дает для этого никаких оснований, поскольку в нем содержатся именно заключенные публикатором в эти скобки слова и именно без каких-либо скобок. В-шестых, обрезанный текст (книги побывали в руках переплетчика, обрезавшего книжный блок, в результате чего были утрачены фрагменты помет, сделанных на полях — иногда отдельные буквы, иногда целые слова и словосочетания), далеко не всегда был восстановлен адекватно, не говоря уже о том, что конъектуры никак не обозначались.

Мы не можем здесь подробно обсуждать тексты, напечатанные Светловым: это могло бы удвоить и без того значительный объем нашей работы и при этом не имело бы особого смысла. Вместе с тем мы сочли невозможным ограничиться публикацией правильных вариантов, а потому были вынуждены сделать соответствующие указания в сносках, по возможности максимально лаконичные. Отклики на публикацию Светлова мы специально не разыскивали; известный нам представляется мало содержательным (Семибратов 2019, 24–25). Считал ли А. П. Светлов свою работу, вышедшую в свет, как видно из простого сопоставления

дат, примерно через год после его смерти, полностью завершённой, успел ли он сверить свою публикацию с источником, нам неизвестно, и похоже, что не успел³.

Конечно, можно было бы оставить публикацию Светлова без внимания и сослаться на первоисточник. Но и в этом случае в понадобились бы какие-то разъяснения, не говоря уже о том, что пометы Вяземского образуют смысловое единство, до некоторой степени раскрывающее вопрос о его интерпретации сочинений Белинского, все еще недостаточно исследованный⁴. Между тем сложная история восприятия Белинского в кругу Жуковского — Вяземского — Пушкина, которая в данной работе может быть лишь отчасти затронута, является одним из основных подтекстов русского литературного процесса второй половины XIX в.: именно этим обстоятельством обуславливается значимость обсуждаемого здесь исследовательского сюжета.

Вопрос о датировке публикуемых помет требует отдельного обсуждения, как и историко-литературный контекст, с которым они были связаны прямо или косвенно и на который частично откликнулись.

Ясно, что они не могли быть сделаны ранее выхода в свет восьмой и девятой частей издания Белинский 1859–1862, цензурные разрешения на которые были даны, соответственно, 11 августа и 13 октября 1860 г.; формальной верхней границей оказывается 1878-й, год смерти Вяземского. Конечно, эту широкую датировку необходимо сузить. Между тем в нашем распоряжении пока толь-

³ Если наша догадка справедливо, то замечание Светлова о том, что его работа окончена («Уже окончив эту работу <...>» [Светлов 2008, 369]) нужно рассматривать как относящееся к стадии формирования ее основного текста, на «доводку» которого у него не осталось времени. О том, что результат работы Светлова мог быть в какой-то мере иным, косвенно свидетельствует его попытка напечатать (видимо, в качестве своеобразного дополнения к пометам на полях сочинений Белинского) одну из маргиналий Вяземского, сделанных им на полях его сборника «В дороге и дома»: здесь пропущена целая фраза, но вместе с тем дано правильное чтение фразы Вяземского «Тяжело и скучно и неловко держа книгу в руке» (Светлов 2008, 370); у этой публикации имеются и другие особенности, которые придется обсудить, но не в данной работе.

⁴ См., в частности: Гиллельсон 1969, 238, 250–251, 291, 301–302, 308–312, 316 и др.; Сиротинский 1971; Курилов 1972.

ко версия Светлова, который отнес пометы Вяземского «к началу семидесятых годов» (Светлов 2008, 314), вполне правдоподобная, но никак им не обоснованная.

Одна из этих помет касается И. С. Тургенева, который, как небезосновательно утверждает Вяземский, считал Белинского «гением нашей литературы» (см. <1.9.2>), а чуть ниже говорится уже не только о Тургеневе — поклоннике Белинского, но и об А. Н. Пыпине: «Все это пустословие и многословие, пред которым поклоняется Тургенев, не говоря уже о толпе вралей, которые всякому врагню <...> сочувствуют, как <...> дурак Пыпин и вся эта новейшая школа» (<1.9.4>). Эти тексты Вяземского находят соответствие в его письме к П. И. Бартеневу от 25 марта (6 апреля) 1873 г., в котором содержалась первая редакция заметки о поклонниках Белинского, которая была вскоре напечатана в составе «Старой записной книжки»: «<Как должны> быть раздроблены умственные силы тех, которые и в Белинском видят Гения и преклоняются пред ним? Это напоминает шутку Кн.<язя> Як.<ова> Ив.<ановича> Лобанова<-Ростовского>. В старой Москве было очень малорослое семейство. Оно мельчало из рода в род. — Еще два<->три поколения, говорил Лобанов, и должно будет помочив палец подымать их с полу как блестяки» (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565. Л. 196а; ср.: Вяземский 1873; 1048; Вяземский, 8, 139).

К этому тексту Вяземского нам предстоит еще вернуться, а пока заметим, что вряд ли ошибемся, предположив, что тема Тургенева — «поклонника Белинского» ассоциировалась у Вяземского прежде всего со статьей Тургенева «Воспоминания о Белинском», впервые напечатанной в 1869 г. (Тургенев 1869), тогда как существенно более ранний тургеневский очерк (Тургенев 1860) если и привлек его внимание, то во всяком случае не в «пыпинском» контексте. На статью 1869 г. Вяземский отозвался в письме к М. П. Погодину от 23 апреля 1869 г.:

Оставим Тургеневу превозносить Белинского, идеалиста в лучшем смысле слова, как он говорит. Мы же с Вами в таком случае останемся реалистами в смысле Карамзина, Жуковского и Пушкина. Эта статья Тургенева утвердила меня еще более и окончательно в моем предположении, что везде, а наипаче на Руси дарование и ум не близнецы и часто даже не свойственники и не земляки. У Тургенева, у Толстого (*Война и Мир*) есть, без сомнения, богатое дарование, но нет хозяина в доме. Приверженец и поклонник Белин-

ского в глазах моих человек отпетый, и просто сказать петый дурак. Если Вы что-нибудь о том напишете, пришлите мне предвзвешенно и я вложу в статью Вашу свою малую толику. Тургенев просто хотел задобрить современные предрасположенные власти журнальные и литературные. В статье его есть отсутствие ума и нравственного достоинства. Жаль только, что это напечатано в *Вестнике Европы*. Хотя бы постыдился он имени и памяти Карамзина (Вяземский, 10, 265–266).

Перепечатка статьи Тургенева была осуществлена в 1874-м (Тургенев, 1, 27–69), однако она уже не была занимательной новостью; во всяком случае для датировки маргиналий Вяземского этим или более поздним временем не видим пока никаких дополнительных оснований.

Обратимся к А. Н. Пыпину. Его книга о Белинском вышла в 1876 г. (Пыпин 1876), а ранее была напечатана главами в журнале «Вестник Европы» (Пыпин 1874–1875), постоянным читателем и подписчиком которого Вяземский был в течение многих лет (Вяземский 2021, 52–53, 392). Но и до журнальной публикации книги о Белинском Пыпин поместил большую главу о нем в другом своем сочинении (Пыпин 1873, 421–472). Эта книга была опять-таки первоначально напечатана в «Вестнике Европы» (Пыпин 1871–1873), а глава о Белинском, которая могла бы нас здесь заинтересовать, — в майской книжке 1873 г. (Пыпин 1871–1873, 5, 223–274), и она должна была попасть в руки Вяземского не позднее середины этого месяца. Но и это не все: нам придется сделать еще один шаг назад, поскольку Белинскому нашлось место в книге Пыпина, казалось бы не располагавшей к обсуждению текстов этого литературного критика, в «Очерках общественного движения при Александре I», которая, как и последующие, до своего выхода отдельным изданием (Пыпин 1871) появилась на страницах «Вестника Европы» (Пыпин 1870–1871). Читая это сочинение, Вяземский не мог не обратить внимания на то, что Белинский оказался привлечен Пыпиным как союзник в критике Карамзина и его поклонников (прежде всего М. П. Погодина и, в меньшей степени, Вяземского):

Начиная говорить о Карамзине, мы невольно вспоминаем слова, сказанные о нем Белинским:

«... Вот имя, — говорит Белинский, — за которое было дано столько кровавых битв, произошло столько отчаянных схваток, перелом-

лено столько копий! И давно ли еще умоляли эти бранные вопли, этот звук оружий? <...> Увы! еще нет! С одной стороны нас, “как верных сынов отчизны”, призывают “молиться на могиле Карамзина” и “шептать его святое имя”, а с другой слушать это воззвание с недоверчивой и насмешливой улыбкой. Любопытное зрелище! Борьба двух поколений, не понимающих друг друга! <...> Что делать! Слепой фанатизм всегда будет уделом младежествующих обществ... Да — много, слишком много нужно у нас бескорыстной любви к истине и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетик, не только что авторитет: разве приятно вам будет, когда вас во всеуслышание ославят ненавистником отечества, завистником таланта, бездушным зоилом... И кто же? Люди почти безграмотные, невежды, ожесточенные против успехов ума, упрямо держащиеся за свою раковую скорлупку, когда все вокруг них идет, бежит, летит! И не правы ли они в сем случае? Чего остается им ожидать для себя, когда они слышат, что Карамзин не художник, не гений и другие подобные безбожные мнения?» <...>.

Прошло почти сорок лет с тех пор, как были написаны эти слова, и они остаются в общем смысле верны. До сих пор, если заходит речь о Карамзине, он вызывает весьма различные мнения: с одной стороны, нас «как верных сынов отчизны» все еще приглашают «шептать святое имя», с другой точно так же слушают эти призывы недоверчиво и насмешливо. Борьба поколений продолжается; они все еще не понимают друг друга (Пыпин 1870–1871, 9, 170–171).

В другом месте:

В то время уже ясно увидели, что значила та французская литература, к которой принадлежал Руссо; это слышал и Карамзин, но тем не менее он остается как будто в неведении относительно смысла этой литературы: он восторгается фразами книги и не понимает, что она означает в действительности. Немудрено, что он и сам говорил много фраз, не отдавая себе отчета в их смысле, — как упрекал его еще Белинский (Пыпин 1870–1871, 9, 182).

Ср.:

Мы не будем винить Карамзина <...>: он был еще молод, не успел понимать действительности, не мог согласить своих сентиментальных теорий с жизнью <...>; мы хотим только сказать, что не нахо-

дим в «Письмах <русского путешественника> основания для преувеличенных восхвалений, которые считают своей обязанностью его нынешние поклонники, и все-таки находим более справедливыми слова обличаемого ими Белинского. «Столько ли Карамзин сделал, сколько мог, или меньше? — спрашивает Белинский. Отвечаю утвердительно: *меньше*». «Он отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстоял ему развернуть <...> картину вековых плодов просвещения <...>. И что же он сделал <...>? Чем наполнены его Письма Русского Путешественника?.. Карамзин виделся со многими знаменитыми людьми Германии, и что же он узнал из разговоров с ними? То, что все они люди хорошие <...>... И как скромны, как обыкновенны его разговоры с ними!..». При всем том Белинский справедливо замечал, что недостатки «Писем» происходили больше от личного характера, чем от недостатка в сведениях. Карамзин мало знал умственные нужды русского общества, — но кроме того, он и сам не выработал себе прочного образа мыслей <...> (Пыпин 1870–1871, 9, 186).

Ср. еще:

Он всегда рекомендовал «просвещение» и «добродетель» как панацею всех гражданских и государственных зол, но он как будто никогда не думал о том, что в практической жизни «просвещение» не может оставаться одним приятным «украшением ума»<...>. С этим туманным представлением Карамзин остался на век: если он, как справедливо заметил Белинский, дурно понимал потребности русского общества, когда писал свои «Письма», то точно так же он не понимал их и после <...> (Пыпин 1870–1871, 9, 208).

И наконец:

Г.<осподин> Тургенев, по нашему мнению, очень верно заметил, что в основании мнений Карамзина лежало невысокое мнение о русском народе <...>. В русском обществе было потом не мало людей, которые приходили к такому скептическому мнению о народе<...>; сомнение приводило иных, как Чаадаева, к отчаянию в будущем, приводило к раздраженному недовольству, как Белинского<...>, но эти люди мучительно страдали от своего сомнения <...> и никогда не выделяли себя из среды этого народа, не показывали к нему того высокомерного пренебрежения, какое прохо-

дит легкой, но заметной чертой в понятиях Карамзина (Пыпин 1870–1871, 9, 244–245).

Итак, в сентябре 1870 г. Вяземский ознакомился с сочинением Пыпина, свидетельствующим не просто о его апологетическом отношении к Белинскому, но и о его готовности использовать имя и сочинения последнего в борьбе с Карамзиным, который в глазах Вяземского всегда оставался центральной фигурой истории русской литературы⁵, и его преемниками / единомышленниками.

Так упоминание Вяземским имени Пыпина позволяет установить нижнюю границу датировки републикуемых помет.

Теперь о верхней⁶. Маргиналия <1.8.5> содержит своего рода комментарий к стиху Пушкина о Ленском «Друзья мои, вам жаль поэта»:

Вовсе не жаль, сказа<л> я однажды <Пуш>кину. Он р<ас>хотался <сво>им добросе<р>дечным и з<вон>ким хохот<ом.> Ты сам, г<ово>рил я ему, как-то на<сме>шливо отзывался о н<ем> и едва не вывел ли его романтической кар<ри>атурой.

Этот текст нашел почти полное соответствие в статье Вяземского «Мицкевич о Пушкине», напечатанной без подписи в июньском номере «Русского архива» с датой 14 (26) апреля 1873 г. (Вяземский 1873):

⁵ Ср. отклик Вяземского на статью Пыпина в письме к Бартеневу от 5 мая 1872 г. «<...> в Майской книжке “Вестника Европы” <...> Пыпин развлекается по поводу Карамзина и повергает его под ножи Каченовского и даже невежды и безграмотного Полевого. Ему не нравится, что Карамзин *не дал никакой исторической системы* своему творению и начал историю России с Рюрика (стр. 155). Во<->первых, вкладывать историю в какую<->нибудь систему есть исказить или переделывать и ломать историю и события в пользу своей системы. История есть рассказ и народная или государственная биография. Объяснять их с точки зрения своей системы есть уже историческая фальшь. Во<->вторых, с кого же начать Русскую историю, как не с Рюрика? Не с Пыпина же? Вот тема для журнальной статьи. Но кому ее написать и где бы ее напечатать? Вот до чего мы дожили» (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 263; см. также: Ивинский 2021, 382).

⁶ Возможно, правильное было бы говорить о «верхних» границах: не можем исключить того, что Вяземский несколько раз и в разное время обращался к обсуждаемым нами томам Белинского или читал их с более или менее значительными перерывами. Однако в нашем распоряжении нет данных, которые позволили бы уверенно утверждать это.

Когда Пушкин читал еще неизданную тогда главу поэмы своей, при стихе:

Друзья мои, вам жаль поэта,

один из приятелей его сказал: “Вовсе не жаль!” — “Как так?” спросил Пушкин. — “А потому”, отвечал приятель, “что ты сам вывел Ленского более смешным, чем привлекательным. В портрете его, тобою нарисованном, встречаются черты и оттенки карикатуры”. Пушкин добродушно засмеялся, и смех его был, по-видимому, выражением согласия на сделанное замечание (Вяземский, 7, 320).

Вероятность того, что, уже приведя этот рассказ в печатной статье, Вяземский стал бы заново набрасывать какой-то новый его вариант на полях сочинений Белинского, представляется нам ничтожно малой. По этой причине мы принимаем середину апреля 1873 г. как *условную* верхнюю границу датировки помет Вяземского: статья о Мицкевиче была им отправлена к Бартеневу в письме от 15 (27) апреля, а из текста этого письма следует, что работа над ней началась существенно раньше:

Вот статья, которую писал я почти с любовью, переписывал со скукою и перечитал почти без удовольствия, как, впрочем, бывает у меня обыкновенно с произведениями моими. Я похож на людей, которые любят делать детей, но не любят ими, когда они сделаны. Если по каким-нибудь соображениям не примется [в] она в <<Русский> Архив<>, то возвратите ее мне, а я напечатаю отдельно. Если примите <так!>, то во всяком случае отпечатайте 75 отдельных оттисков, и я скажу Вам, как ими распорядиться. Обратите внимание на заметки и указания на полях. От себя можете сказать, что статья прислана Вам из-за границы. *Мицкѳвич* должно, кажется, писать с *ѳ*, потому, что по<->польски *Mickiewicz* (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 249).

В статье «Мицкевич о Пушкине» не было ничего о Белинском, однако нет сомнений в том, что он присутствовал в это время в сознании Вяземского; в том же письме читаем: «Я писал Погодину о Белинском, получил ли он письмо мое?» (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 249 об.).

К этому месту письма Вяземского мы еще вернемся, а пока отметим, что почти все данные о его размышлениях о последнем,

которыми мы располагаем, ведут именно к весне — началу лета 1873 г.

В скобках заметим, что как раз в это время или немногим ранее у Вяземского была дополнительная причина вспоминать о Белинском: об этом свидетельствует просьба Вяземского о присылке третьего тома собрания сочинений критика, в который вошла статья о «Горе от ума», высказанная в письме к Н. П. Барсукову от 2 (14) февраля 1873 г. (Вяземский 2021, 54)⁷; рискнем предположить, что чтение этой статьи Белинского «на фоне» пыпинских могло навести Вяземского на мысль перечитать и сочинения Белинского о Пушкине.

Теперь напомним об эпизоде, зафиксированном в переписке Вяземского с тем же Барсуковым и с Бартеневым.

20 апреля (2 марта) 1873 г. Вяземский запросил последнего:

Еще не прочитал я всей статьи Пыпина (<<>Вестн.<ик> Евр.<опы>>). Но успел уже увидеть, что он много врет. — Что это за письмо Пушкина к Нащокину будто с поручением пригласить Белинского на журнальное сотрудничество? Укажите мне, если можно (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565. Л. 327 об.).

Речь шла о посвященной Гоголю главе пыпинских «Характеристик литературных мнений» (Пыпин 1871–1873, 4, 471–547). 30 апреля [12 мая] Вяземский повторяет свой запрос, ссылаясь уже на статью Буренина в «Санкт-Петербургских ведомостях», принятого им за Суворина:

Незнакомец говорит о I книге 19го века и о напечатанном в нем письме Пушк.<ина> к Нашок.<ину> с вызовом Белинского на сотрудничество в <<>Современнике<>>, точно так ли? Потрудитесь сообщить выписку (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565. Л. 271 об.).

Бартенев отвечал 9 мая:

⁷ Статью Белинского Вяземский перечитывал не просто от избытка желчи или досуга, а с конкретной целью: в это время он работал над своими собственными заметками о грибоедовской комедии, оставшимися в его бумагах (Вяземский 2021, 393; Ивинский 2020, 179–211), и обдумывал статью Вяземский 1874 (впрочем, с Белинским, по крайней мере непосредственно, никак не связанной).

Пушкин действительно писал к Нащокину в Мае 1836 г., тотчас по возвращении из Москвы: «Я оставил у тебя два экзempl.<яра> <'>Современника<'>. Один отдай кн.<язю> Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей) и вели сказать ему, что очень жалко, что с ним не успел увидеться» (XIX В.<ек>, кн. I, стр. 401).

Известна ли Вам злая надпись к портрету Белинского, сочин.<ения> М. А. Дмитриева?

Не говори, что ты Плебей,
Не хвастайся своей [злодейск<ою>] лакейскою натурой:
Она сама гласит твоей фигурой —
И плюй, и бей!

Вот разозлятся-то, если напечатать.

Кстати: Белинский кидался в мнениях своих. Издатели (Кетчер и К⁰) выкинули из собрания его сочинений все благоприятные его отзывы о лицах, им неприятных. На это указал мне Грот (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407. Л. 153).

Разумеется, Вяземского интересовала не переданная Белинскому книжка «Современника», а лишь вопрос о том, действительно ли Пушкин намеревался пригласить Белинского в свой журнал. Не добившись от Бартенева внятного ответа, 22 мая (3 июня) Вяземский пишет к Барсукову:

В С.<анкт> Пет.<ербургских> ведом.<остях> № 96 19 апреля — Z, то есть, вероятно, Незнакомец, говорит, ссылаясь на XIX век 1872 <г.>, что Пушкин предлагал чрез Нащокина Белинскому *постоянное сотрудничество в Современнике*. Этого, кажется, нет. Было что-то в письме Пушкина о передаче Белинскому вышедших книжек *Современника*, — и только. Сделайте одолжение, проверьте это дело и скажите мне, как оно (Вяземский 2021, 74, см. также комментарий, с. 424–425).

В ответном письме Барсукова от 30 мая по этому поводу говорилось:

Z, сиречь критик Буренин <...>, *прав*; ибо 27 мая, 1836 года Пушкин пишет к Нащокину: «Я оставил у тебя 2 порожних экзем-

пляр[а]а <<<>Современника<>>. Один отдай кн.<язю> Гагари-ну, а другой от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей), и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеть-ся». Нащокин же отвечал ему: «Белинский получает от Надежди-на 3 т<тысячи>. <“Московский> Наблюдатель<”> предлагает ему 5 <тысяч>. Греч тоже его звал. Теперь, коли хочешь, он к твоим услугам; я его не видал, но его друзья, в том числе и Щепкин, го-ворят, что он будет счастлив, если придется ему на тебя работать. Ты мне отпиши, и я его к тебе пришлю! (Вяземский 2021, 76).

Вяземского это не устроило, и в письме от 6 (18) июня он уточ-нил постановку вопроса:

Из того, что пишете <так!> Вы о сношениях Пушкина и Белинско-го, не видеть, чтобы Пушкин желал иметь его сотрудником, а вид-но только одно сводничество Нащокина по этому делу. А мне хо-чется и нужно знать, есть ли *письменные следы* предложения Пуш-кина и вызова его Белинскому принять участие в <<>Современни-ке<>>? Вот в чем мой вопрос (Вяземский 2021, 77).

В письме от 15 июня Барсуков признал, что документальных данных, подтверждающих «версию» Пыпина — Z в той ее части, которая касается не просьбы о «передачи книжек», документи-руемой пушкинским письмом к Нащокину, а приглашения Белин-ского в «Современник», не имеется:

Других *письменных следов* кроме *сводничества* Нащокина, о пред-ложении Пушкина, участвовать Белинскому в <<>Современни-ке<>>, не находится (Вяземский 2021, 79).

Конечно, и этот эпизод не дает дополнительных аргументов для датировки помет: в конце концов здесь идет речь об отношении Пушкина к Белинскому, а не о восприятии Белинским сочинений Пушкина.

И все же присмотримся к этой статье Z, т. е. В. П. Буренина, ко-торого Вяземский (впрочем, с оговоркой) отождествил с *Незнаком-цем*, т. е. с А. С. Сувориным⁸. В ней содержится развернутая харак-

⁸ Барсуков постарался развеять это заблуждение в письме к Вяземскому от 30 мая 1873 г. (Вяземский 2021, 75); Вяземский отвечал 6 (18) июня: «До вашего объ-

теристика «пушкинского кружка», за пределы которого стремился, по мысли автора, вырваться Пушкин, а вместе с тем обсуждается и преемственность по линии Полевой — Белинский, которой Вяземский, как мы увидим ниже, придавал существенное значение:

Гоголь в «Переписке» является вовсе не отступником от своих прежних теоретических воззрений: он только последовательно и резко выразил в ней идеи, зревшие в нем от самых первых шагов его на поприще писательства. Эти идеи были возрождены в нем преимущественно литературным кружком, в который он попал в дни своей юности, тотчас вслед за изданием «Вечеров на хуторе». Кружок этот был тот самый, который сосредоточился вокруг Пушкина в последние годы его литературной деятельности. Пушкин, Жуковский, да, быть может, еще Плетнев, составляли центр этого кружка, и, конечно, были наиболее талантливыми и лучшими его представителями. Но за ними в этом кружке стояли дилетанты-литераторы не только посредственные по талантам, но — что гораздо хуже — люди узких, исключительных, и даже злостных, исполненных обскурантизма принципов. На самого Пушкина этот кружок, в последние годы жизни поэта, действовал очень неблагоприятно и тяжело. Поэт, инстинктивно понимая своей свободной душой пошлость всякой узкой исключительности, тайно старался от кружка вступить в союз с живыми силами тогдашней литературы, вообще ненавидимыми кружку. Яркий пример в этом роде представляют сношения Пушкина с Белинским, которого кружок презирал, считал неучем, противником литературы «хорошего вкуса». Из недавно напечатанных писем Нащокина к Пушкину мы видим, что последний в 1836 г. думал предложить Белинскому постоянное сотрудничество в «Современнике», и даже начинал об этом переговоры (см. «XIX век», 1872, кн. I, «Переписка Пушкина с Нащокиным», стр. 404). Лучшими влияниями, лучшими советами художественными и моральными, Гоголь, без сомнения был обязан Пушкину, который по собственному признанию автора «Мертвых душ», руководил им, внимательно следил за каждою строкою его творений, одобрял и поощрял его. Покуда Пушкин был жив, Гоголь, конечно, подчинялся по преимуществу руководству великого поэта, и оно до некоторой степени парализовало силу влияния тех литературных

яснения я полагал, что Z тот же Незнакомец. Они похожи друг на друга как две капли скипидара» (Вяземский 2021, 77).

элементов, представителей «хорошего тона», которые со смертью Пушкина взяли над Гоголем полную власть в умственном отношении и «подтолкнули» его на издание «Переписки». Какова сила и сущность направления помянутых посредственностей, это довольно ясно обрисовывается из статьи г. Пыпина. В тридцатых, а еще более в сороковых годах, друзья Пушкина, ставшие друзьями и покровителями Гоголя, были людьми довольно высокопоставленными. Литературные интересы получали при этих условиях совсем особый характер; этот характер сообщился вскоре и Гоголю. Кружок все больше и больше удалялся от главного течения литературы. При Пушкине это начиналось враждой к Полевому, к Надеждину; в сороковых годах это окончилось враждой к Белинскому и всем писателям его направления. Единственные оставшиеся симпатии были к «Москвитянину», который приятен был кружку своею верностью старым преданиям; остальная литература мало интересовала кружок или возбуждала в нем крайнюю антипатию. О ней даже мало говорится в переписке кружка; но редкие упоминания о ней показывают, что чувства к ней были одинаковы у различных его членов. Чувство это, как видно из приводимого г. Пыпиным письма одного члена кружка, было «чувство глубокого презрения к господствующим идеям в кругах литературных». А «господствующие идеи» в то время были идеи критики Белинского: их то и презирали столь глубоко литературные дилетанты.

Мне припоминается здесь невольно один характерный факт, свидетельствующий о том, что литературные дилетанты кружка, о котором идет речь, простирали это чувство «глубокого презрения» к литературе даже за пределы неповинных им литературных деятелей: они отчасти с таким же чувством относились и к тем произведениям, которые принадлежали перу самого Пушкина, но обнаруживали кое-какие проблески ненавистного им «натурального» направления. Это подтверждается довольно наглядно следующим: литературные дилетанты, которым, после смерти Пушкина, досталось в руки издание посмертных пьес поэта, довольно свободно и развязно обращались с многими из них, кастрировали и исправляли их по своему произволу не только из цензурной необходимости, но просто ради соображений «хорошего вкуса». Вот как эти господа любили и уважали литературу: им было нипочем налагать руку на поэта, который озарял всю их дилетантскую кампанию своею славой, крупицами от поэтического стола которого они питались в своих литературно-дилетантских кропанях.

Под влиянием таких «спасителей литературы» и ненавистников ее направления в сороковых годах и сложились у Гоголя окончательно странные теории «переписки», почва для возвращения которых была хорошо приготовлена отчасти скудостью первоначального образования великого сатирика, отчасти первыми чисто эстетическими воззрениями его юности. Эстетические воззрения, заимствованные Гоголем у Пушкина и его школы, как известно, заключались в пресловутой «теории чистого искусства». <...> Уже сам Пушкин с этой теорией чисто-художественного творчества дошел до того, что перестал искать сочувствия публики и стал относиться к нравственно-общественным интересам безразлично. После Пушкина, говорит г. Пыпин, его кружок еще менее заботился об этих сочувствиях, считая, что литература чисто-поэтическая, совершенно консервативная, и есть настоящая литература, что другой не должно быть, или она будет извращением ее здоровых начал. Таким образом теория чистого искусства сходилась с практическим отвращением кружка к критике действительности, а с другой стороны это нерасположение к критике становилось необходимостью для членов кружка по их связям в высшем кругу. Что внешнее положение кружка влияло известным образом на его литературные мнения, этого не могла не заметить новая школа, и справедливо не могла этому сочувствовать, потому что здесь начиналась неискренность, лицемерие, подведение требований литературы, так высоко оцениваемых самим кружком, под личные, посторонние расчеты.

Гоголю пришлось подчиниться удобствам и неудобствам этих отношений: будучи в стесненных материальных обстоятельствах, он не раз, по совету друзей, обращался к официальной помощи.

<...>

Далее автор изъясняет мотивы, которыми обусловились в Гоголе развитие его аскетизма и мистицизма, и в заключение приходит к следующему общему выводу <...>. «Переписка» вовсе не была переменою в убеждениях автора «Мертвых душ», вовсе не выражала отречения от прежних начал: она была только откровенным выражением теоретических понятий, заботливо выхоленных и вырощенных в Гоголе усердными друзьями, подтолкнувшими его на издание «Переписки». Книга эта не была только личным делом Гоголя и не лежала только на его ответственности: она косвенно выражала мнение целого класса людей, можно сказать целой партии. «Перелом» в Гоголе выразился не «перепискою»:

он совершился вслед за нею, он был следствием того неблагоприятного впечатления, какое произвела она в обществе. Впечатление это побудило Гоголя к критической проверке своих теорий. Неодовольствие, с каким встречена была книга Гоголя критикой и лучшей частью общества, потрясло Гоголя и поселило в нем сомнение в истинности и полезности тех начал, которые выработал в нем кружок, отуманивший его своим покровительством и руководством. <... > В моральной борьбе с самим собою. быть может, именно и истощил Гоголь свой огромный художественный талант, и эта борьба окончательно разбила его. Таким образом в результате усердные друзья, подтолкнувшие Гоголя на «переписку» и приветствовавшие книгу как зарю новой высшей деятельности ошиблись: их советы и их пагубное влияние привели талант Гоголя к такой китайской стене, из-за которой ему не было выхода. Потолкавшись напрасно в эту стену, великий сатирик утратил последние силы творчества и угас без надежды на возрождение их в прежней мощи. Предсмертное сожжение второго тома «Мертвых душ», быть может, именно и было следствием этого печального сознания (Буренин 1873а, 1–2).

Итак, и Пушкин, и Гоголь стремились освободиться из-под пагубной власти «кружка», в котором ни разу не названный по имени Вяземский играл, естественно, не последнюю роль. При этом в случае с Гоголем роль «кружка» оказалась особенно злобещей: «кружок» не только внушил ему те реакционные мысли, которыми он напитал «Выбранные места из переписки с друзьями», но и фактически уничтожил его творческие силы. Но и с Пушкиным, пусть посмертно, не обошлось малым: издавая его сочинения, «кружок» занимался их целенаправленной порчей. Мало того: этот вредоносный «кружок» осуществлял свою деятельность, стремясь к последовательной компрометации представителей «главного течения», т. е. Полевого (заодно и Надеждина) и Белинского. Ясно, что перед нами один из тех текстов (едва ли не самый выразительный), который мог сам по себе спровоцировать Вяземского на перечитывание Белинского, даже если бы для этого не было других причин, проявившихся раньше. Другое дело, что уровень этого текста, интеллектуальный и исторический, настолько низок, что Вяземский вряд ли мог позволить себе отозваться на него прямо: обычно с текстами такого рода он старался в открытую полемику не вступать.

Текст маргиналии <11.2> очевидным образом поддерживает тему «Полевой и Белинский». По этой причине нам придется напомнить, что эти имена образовали некоторое лишь условно рассторжимое единство в литературном сознании Вяземского гораздо раньше описываемых событий.

Начнем с эпиграммы, которую Вяземский отослал М. П. Погодину в том самом письме от 31 марта (12 апреля) 1873 г., судьбой которого он интересовался в цитировавшемся нами выше письме к Бартеневу от 15 (27) апреля, упоминая о Белинском:

Сердце сердцу и мысль мысли весть подает. Мы сошлись с Вами в Белинском, но несколько расходимся в Хомякове. (Статья Ваша в <<>Гражданине<>>⁹). Вот что почти одновременно с Вами пришло мне в голову:

Хотя демократизм и к нам уж затесался,
Но все ж наследственный порядок мы храним:
Белинский сгоряча объелся Полевым
И Незнакомцем опростался.
(РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 46.)

Не дождавшись ответа от Погодина, 14 (26) марта Вяземский переслал данный текст Барсукову:

Вот еще приношение в Св.<ятейший> Синод, а можете сообщить его и профанам, но только без имени моего.

Хотя демократизм и к нам уж затесался,
Но все ж наследственный порядок мы храним:
Белинский сгоряча объелся Полевым
И Незнакомцем опростался.
(Вяземский 2021, 61.)

Эта эпиграмма, рассматривавшаяся Вяземским как своеобразная параллель к статье Погодина о Белинском (Погодин 1873), содержит скрытую отсылку к давно минувшим временам: ее третий

⁹ Вяземский имеет в виду статьи Погодина, посвященные Белинскому (Погодин 1873) и А. С. Хомякову (Погодин 1873а).

стих представляет собой вариацию текста, записанного Вяземским в 1846 г.: «Белинский — Полевой, объевшийся белены» (Вяземский 1963, 287; ср. отклик Вяземского на некоторые рассуждения Белинского в письме к В. А. Жуковскому от 17 мая того же 1846 г. [Гиллельсон 1980, 54]). Разумеется, Вяземский помнил, что тогда с резким откликом на статью Белинского о Полевом (Белинский 1846) выступил именно Погодин, и в этом отклике уже содержались оценки, близкие или просто совпадавшие с мнением Вяземского (Погодин 1846; см. подробный разбор этого отклика: Барсуков, 8, 490–500), позднее Погодин напечатал свои возражения на примирительный некролог Белинского, написанный А. А. Краевским (Погодин 1848; см. также: Барсуков, 9, 346–350) и принял участие в полемике о Белинском, литературных поколениях и значении Вяземского в русской литературе, инициированной «Северной пчелой» к юбилею последнего (Погодин 1861; подробное изложение всего сюжета: Барсуков, 18, 327–356). Итак, прочная ассоциация имен Полевого и Белинского в сознании Вяземского восходит, самое позднее, к 1846 г.

Но когда была написана эпиграмма, и каков был повод к ее написанию?

Ясно, что к только что обсужденной нами статье Буренина, напечатанной 7 (19) апреля, она не могла относиться. В недавней работе, посвященной этой эпиграмме, ее текст приведен по копии из архива Я. К. Грота, датированной, насколько можно понять из текста этой работы, Гротом же 1872 г.; попыток идентификации почерка публикаторы не предпринимали (Васильев, Жаткин 2021, 95)¹⁰. В принципе, мы не видим ничего невозможного в этой датировке, которая, впрочем, ожидает каких-то разъяснений: такого рода эпиграммы обычно пишутся и рассылаются по горячим следам, довольно быстро теряя актуальность. Между тем Вяземский, как видно из его сопроводительного текста, не только передает эпиграмму Барсукову для помещения в ту часть Остафьевского архива, которая в это время находилась под его присмотром в одном из помещений библиотеки Синода (см. об этом: Вяземский 2021, 39), но и разрешает распространять ее, полагая, очевидно, что она остается вполне злободневной. Давая такое разрешение, он не мог не понимать, что эпиграмма, когда бы она ни была написана, бу-

¹⁰ Эта статья вышла в свет через несколько месяцев после Вяземский 2021 и не могла быть нами учтена в данном издании.

дет восприниматься Барсуковым и «профанами» на фоне текстов, ближайших ко времени знакомства с нею читателей¹¹.

Каких же именно текстов?

Выше мы привели признание Вяземского о том, что он отождествил *Z* с *Незнакомцем* (а никаких серьезных оснований считать это признание шуткой у нас нет). Следовательно, обсуждая его представления о возможном резонансе эпиграммы, мы должны исходить из того, что он мог рассчитывать на ее восприятие и на фоне каких-то текстов *Незнакомца* — Суворина, и на фоне нескольких текстов, подписанных *Z* и *Незнакомцем*, и даже текстов одного *Z* (последний вариант, впрочем, представляется нам существенно менее вероятным, поскольку не *Z*, а именно *Незнакомец* упомянут в эпиграмме). Понимая неизбежную гадательность подобного рода построений, рискнем высказать одну версию.

Обсуждая Достоевского, *Z* — Буренин упоминает «гениально-го Белинского», после чего, сопоставив с Достоевским Тургенева, противопоставляет «рудиным» подлинных выразителей «духа» сороковых годов:

Настоящие носители знамений и духа времени, каковы, напр.<имер>, были Белинские, Грановские и другие, близкие им, высокоталантливые деятели литературы, науки и жизни, были совсем не похожи на представителей муравейников, вроде Рудина: они никогда не испытывали нерешительности в своих стремлениях как интимных, так равно и общественных, они отдавались им с беззаветной страстью (Буренин 1873, 1).

Далее, уже Суворин в номере «Санкт-Петербургских ведомостей», вышедшем 25 февраля (9 марта), отыздевавшись над Достоевским и «Гражданином»¹² и затронув не занимающие нас

¹¹ В этой связи заметим, что не видим особого смысла в попытке связать эпиграмму с текстами Суворина 1870 и 1886 (!) г., предпринятой в только что упомянутой статье (Васильев, Жаткин 2021, 102–103).

¹² «В Великий пост было бы весьма кстати, быть может, распространиться на тему, столь удачно развитую Ф. М. Достоевским в “Гражданине”, именно что каторга освежает и очищает человека; к сожалению, я не был в каторге, и потому у меня не достанет красок для живописания этой лечебницы от нравственных недугов. По самому же Ф. М. Достоевскому довольно трудно судить, насколько каторга освежает и очищает человека; мне всегда казалось, что почтенный Федор Михайлович до каторги был гораздо свежее, а судя по его “Мертвому Дому”, воспоминание о ней не оставило в душе его приятных, очищающих впе-

сейчас вопросы, перешел к обсуждению «тщеславия бедной русской жизни»; здесь нашлось место и Вяземскому, и литературе его времени, сравнительная «разумность» которой заключалась главным образом в том, что она активно использовала «иноземные имена» для идентификации «своих талантов»:

И уж как стараемся мы показать себя, — и больно, и смешно делается. За отсутствием общественной жизни, всякий считает свой муравейник за нечто совершенное, и события муравейника объявляет всемирными. Явится какое-нибудь художественное произведение — первое произведение в мире! <... > Происходит это <... > от того, что у нашего искусства тянется еще период младенчества, тот самый период, который литература уже пережила; но литература была разумнее: она раздавала иноземные имена своим талантам — Дмитриев — Лафонтен, князь Вяземский — Стерн и Ювенал, Карамзин — Тацит, Сумароков — Вольтер; дальше этого она не шла, понимая инстинктивно, что наше развитие — отголосок европейского развития, что прежде чем перегнать Европу, надо сперва догнать ее; но в искусстве мы прямо по-военному: подняли ногу и перешагнули через Европу. Литература возмужала после таких гениальных людей, как Пушкин и Гоголь, и целого ряда блестящих талантов, да и возмужала-то лишь в той мере, в какой возмужала, среди всеобщих невзгод и бедствий, русская мысль. В искусстве же все как-то наоборот делается: гениев нет, но они являются (Суворин 1873, 2).

чатлений; я могу даже смело пойти гораздо далее и утверждать, что автор “Нечтоки Незвановой” имел бы гораздо большее значение в русской литературе и представил бы в ней весьма крупное явление, если б не имел несчастья попасть в “Мертвый Дом”. Но уж видно такова судьба всех тех, которые попадают в мертвый дом “Гражданина”, что они начинают чувствовать влечение к бичеванию и очищению, точно им совестно находиться в месте, имеющем не особенно лестную литературную славу, и точно им возможно не проповедовать о том, что это не совсем мертвый дом русской мысли, а монастырская колокольня, на которую в звонари допускаются только чистые сердцем и нищие духом» («Суворин А. С.» Недельные очерки и картинки // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 55 (25 февраля [9 марта])). Этот пассаж вполне мог вызвать раздражение Вяземского уже потому, что он поддерживал отношения с кн. В. П. Мещерским и во всяком случае рассматривал его «Гражданин» как издание, вполне пригодное для собственных публикаций (напомним, что именно в «Гражданине» через два года Вяземский напечатал свои публицистические заметки ([Вяземский 1875; то же, отд. оттиск: Вяземский 1875а]) и несколько стихотворений (Вяземский 1875б; Вяземский 1875в; Вяземский 1875г; Вяземский 1875д).

А 11 (23) марта тот же Суворин порадовал своих поклонников фельетоном, выдержанном, как и многие прочие, в духе «физиологического очерка», т. е. заветов Белинского / «натуральной школы», и посвященном детальному описанию путешествия наблюдательного автора по подземным коммуникациям потрясшей его техническим совершенством парижской канализации (Суворин 1873а).

«Профанам», читающим «Санкт-Петербургские» ведомости и получившим возможность ознакомиться с эпиграммой Вяземского (когда бы она ни была написана) во второй половине марта 1873 г., достаточно было соотнести друг с другом эти (и подобные) тексты, и смысл эпиграммы (включая немотивированную, казалось бы, грубость последнего стиха) неизбежно прояснялся.

Разумеется, совершенно иначе должен был воспринять эпиграмму Вяземского получивший ее раньше Барсукова Погодин, для которого она должна была стать лишь свидетельством, так сказать почти синхронного единомыслия с ним Вяземского. И если принять версию последнего (а для ее отвода пока не видим оснований), то эпиграмма должна была быть написана чуть раньше или немногим позже 26 февраля, когда вышел в свет номер «Гражданина» со статьей Погодин 1873, т. е. в 1873, а не в 1872 г.

Какое-то время Вяземский рассматривал возможность написать заметку о Полевом и Белинском, в которой такое обсуждение, вероятно, должно было приобрести специальный и, так сказать, окончательный характер; этот замысел, спровоцированной публикацией М. П. Погодиным воспоминаний И. В. Кулжинского о Полевом и Белинском (Кулжинский 1868), кажется, не был реализован. В седьмом томе собрания сочинений Вяземского Н. П. Барсуков поместил под заглавием «По поводу статьи о Полевом и Белинском» небольшой отрывок, представляющий собой краткий опыт обобщения тех полемик, которые некогда вели с Полевым — автором «Истории русского народа» Пушкин и Вяземский. Этот фрагмент напечатан в точном соответствии с показаниями автографа и здесь не воспроизводится как в силу его общедоступности, так и потому, что Белинский в нем ни разу не упомянут (см.: Вяземский, 7, 181–182).

В той же единице хранения, где находится этот автограф, содержится второй, неопубликованный отрывок, связанный с напеча-

таннным Барсуковым куском по крайней мере тематически и посвященный уже именно Полевому и Белинскому. В отличие от этого напечатанного фрагмента, перед которым в автографе выставлена дата (1868), он не датирован, а, если судить по почерку, относится к более позднему времени¹³. И вот этот фрагмент напрямую перекликается с рядом помет, републикуемых ниже. Он почти ничего не дает для их датировки, но может рассматриваться как развернутый комментарий к ним, а потому приводим его здесь, несмотря на то, что недавно он был нами полностью опубликован:

Лично не знал я Белинского, и мало читывал его. Но я знал Полевого. Это почти одно и то же. Один содержится в другом. Как в Полевом был уже Белинский, так в Белинском был еще Полевой. Эта родовая *физиология* развилась впоследствии на многие ветви. Но я не намерен проследовать здесь эти генеалогические деревья. Оба были одарены некоторыми способностями, русскою сметливостью и русскою умственной удалей. Вероятно обстоятельства бросили их на литературное поприще, или говоря проще и едва ли не вернее, содействовали тому, что они занялись литературным ремеслом. Но оба принялись за литературную деятельность, ничего не изучив, и ничем не приготовившись к званию писателя, ни теоретическим образованием, ни практическим опытом жизни разнообразной, ни изучением людей. Как в медицинском отношении есть *ап<n>етиты*, так и в умственном есть *фальшивые жажды познания*. Это не призвание и не ум, не одна здоровая потребность ума, а какое-то тревожное беспокойство, неумение сладить с той средой в которой родился и полегче ужиться в ней. Этим неправильным организациям слышатся какие-то темные голоса, и они очертя голову бросаются в неведомую тьму. Ломоносов также слышал темные голоса, но они вывели его на прямую и светлую дорогу¹⁴. В нем было призвание и он понял его, он стал учиться и дошел

¹³ «Возрастные» изменения почерка Вяземского сводятся, в основном, к следующему: начертания букв менялись в направлении от формы вытянутого вверх прямоугольника к форме квадрата и при этом укрупнились, наклон букв, первоначально обычный правый, либо исчезал, либо заменялся наклоном влево, длина межбуквенного интервала сближалась с длиной межсловного, строки, прежде более или менее ровные, все чаще «задирались» вверх справа — и неизбежно возрастало число разного рода помарок, клякс и под.

¹⁴ Ср. рассуждение на сходную тему, отчасти раскрывающее смысл упоминания о «темных голосах»: «Дикий рыбак в Холмогорах, пробуждаемый откровени-

до того, что мог учить других. Он не только поколебал то, что было, но создал и новое, которое пережило его. Полевой и Белинский как французские эмигранты ничему не научились, но по несчастью и не забыли ничего из того, что схватили урывками тревожно кидаясь на понятия и на книги, которые они не вполне уразумели и не до конца дочитали. Все эти ненадежные завоевания и мнимая своя жизнь без добросовестного труда, но с безгранично самодеятельностью, не могли придать им внутренней силы. Как в политике, так и в литературе являются иногда смелые действующие лица, которые тем и ограничиваются, что размоют мостовые, да построят баррикады. В этих подвигах еще реформы нет. Оба наказаны были тем, чем они согрешили. Оба поставили себе целью ниспровергнуть все наши литературные авторитеты, и при слове авторитет у них кипели чернила и пена была на губах. Но как они не были ломоносовы, то есть ничего создать не могли, то и остались они при одних обломках, к которым прильнули и обломали себя. При своих способностях, при деятельности своей, разумно бы направленной, они под сению авторитета могли бы оставить по себе добрую литературную память, и если не богатые по себе памятники, то по крайней мере богатые труды. Но они не могли терпеть разумной дисциплины, и почитали ее для себя унижительной. Нам скажут, что они однако же оставили себе последователей и даже поклонников. Но в этом-то и заключается их главная виновность и наказание. И в литературе есть частные грехи, которые прощаются и забываются. Но есть и первородный грех, который отзывается на многие поколения. Не будь Полевой и Белинский родоначальниками школы, они остались бы в стороне. Можно было бы даже иметь некоторое сочувствие и уважение к их отдельным личностям, к этому брожению, которое в них не оселось, но может быть, выкинуло из себя некоторые блестящие и даже не совсем бесплодные брызги. Но последователи их собрали одну пену с этого брожения, а из этой пены вышла не Венера, но какое-то готтентотское безобразное чудовище.

В самом их противоборстве мнимым авторитетам, на которые кидались они с смешным ожесточением, есть вместе и какое-то ребячество и какая-то отсталость. Сумароков, Херасков давно уже не были неприкосновенными авторитетами. Появление Карамзи-

ем природы, гонимый из родины потребностью чего-то неизвестного и пророческою тоскою гения <...>> (Вяземский 1823, XIII).

на и направление данное им языку и литературе нашей, были живым протестом против этих авторитетов, но протестом не голословным, не придирчивым, а творческим и самобытным. Россия заговорила Карамзинским языком, увлеклась нравственным влиянием его. Школа Карамзина и школа Шишкова, которая во что бы ни стало отстаивала авторитет и старого языка и старых понятий и старого склада, были последствиями. (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 3–4; Вяземский 2021, 402–403; перепечатаваем, опуская зачеркнутое Вяземским и приближая пунктуацию к современной).

Вряд ли можно сомневаться в том, что пометы Вяземского появились примерно в одно время с этим фрагментом: общность ряда ключевых положений несомненна. Так, одна из маргиналий, уже обсуждавшаяся выше, связывает темы Полевого и Белинского друг с другом и с литературной современностью Вяземского (<11.2>). Другая выдвигает тему нелепых, за их вопиющей неактуальностью, нападок Белинского на Сумарокова и Хераскова (<7.1>). В третьей готовности Белинского принимать банальности за откровение рассматривается как доказательство того, что он писал, ничего толком не прочитав (<1.7.2>).

Однако в заметке о Полевом и Белинском нет ни слова о Пушкине: либо до него просто не дошло дело, либо Вяземский и не предполагал говорить о нем здесь, и тогда нужно искать какой-то иной повод для обращения именно к «пушкинским» статьям критика, которое могло состояться и после того, как отрывок о Полевом и Белинском был уже написан.

Косвенным аргументом в пользу этой точки зрения может служить помета <1.7.2>: «*Это доказательство, что Белинской, как и Полевой, начал писать, ничего прежде не читавши*» (курсив наш). Не исключено, что *сначала* Вяземский сформулировал свою точку зрения на этот вопрос — именно в приведенном нами отрывке — а *потом* занялся поиском аргументов.

Но в этом отрывке есть и нечто более существенное, ограничивающее, кажется, его датировку весной 1873 г.: это предьявленная Вяземским логика обвинения Полевого и Белинского; перечитаем: «Нам скажут, что они <...> оставили <...> последователей и <...> поклонников. Но в этом-то и заключается *их главная виновность* и наказание. И в литературе есть <...> грехи, которые прощаются <...>. Но *есть и первородный грех*, который отзывается на многие поколения. Не будь Полевой и Белинский родо-

начальниками школы, они остались бы в стороне. Можно было бы даже иметь некоторое сочувствие и уважение к их отдельным личностям <... >» (курсив наш).

Теперь приведем посвященный Белинскому и его поклонникам фрагмент «Старой записной книжки», напечатанный в июньском номере «Русского архива», уже частично процитированный нами выше в связи антитургеневской эскападой Вяземского по первой редакции, текст которой был отправлен Вяземским Бартеневу еще 25 марта (6 апреля):

Есть у нас грамотеи, которые печатно распинаются за гениальность Белинского. Нет повода сомневаться в добросовестности их, а еще менее заподозривать их смиренномудрие; стараться же вразумить их и входить с ними в прение — дело лишнее: им и книги в руки, то есть книги Белинского. Белинский здесь в стороне; он умер и успокоился от тревожной, а может быть и трудной жизни своей. Он служил литературе, как мог и как умел. Не он виноват в славе своей, и не ему за нее отвечать. Глядя на посмертных почитателей его, нельзя не задать себе вопроса: до каких бесконечно малых крупинок должны снисходить умственные способности этих господ, которые становятся на цыпочках и карабкаются на подмостки, чтобы с благоговением приложиться к кумиру, изумляющему их своею величавою высотой. Это напоминает шутку князя Я. И. Лобанова. В старой Москве была замечательно малорослая семья: из рода в род она все мельчала. «Еще два-три поколения», говорил он, «и надобно будет, помочив палец, поднимать их с полу как блестики» (Вяземский 1873, 1048; данная — окончательная — версия текста возникла не позднее 30 апреля (12 мая) 1873 г., см.: РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 270).

Итак, в первом случае «виновность» Белинского не ставится под сомнения, во втором отрицается. Даже если допустить, что Вяземский счел нужным в печатном тексте смягчить свою точку зрения по каким-то тактическим соображениям (а мы для таких предположений не видим никаких оснований), после того, как эта точка зрения была заявлена публично, она вряд ли могла рассматриваться им как подлежащая пересмотру.

Соответствующим образом, приведенный нами фрагмент «Старой записной книжки» должен восприниматься как подводящий итог размышлениям Вяземского о Белинском. Но итог этот

не был, так сказать, единственным: в статье «Современные темы, или Канва для журнальных статей» Вяземский высказался и о проблеме «Полевой — Белинский»:

Явное доказательство, что многие из наших критиков не имеют верного чувства того, что в литературе хорошо, и того, что дурно, найти можно и в следующем: нередко встречаем в них восхищение Пушкиным и Гоголем и рядом с этим восхищение Полевым и Белинским. Не ясно ли, не разительнее ли из того следует, что они не понимают не только Пушкина и Гоголя, но не понимают и Полевого и Белинского? Кого же понимают они? Себя самих? — Вряд ли это (Вяземский 1873а, 2).

Не исключено, что перед нами третий и единственный пошедший в дело, т. е. в печать, фрагмент статьи о Полевом и Белинском, оставшейся то ли незавершенной, то ли оставленной за ненадобностью. Так или иначе, статья обернулась краткой прозаической эпиграммой, включенной в другую конструкцию, и эпиграмма эта очевидным образом перекликается с уже обсуждавшейся заметкой на полях сочинений Белинского о Тургеневе и его единомышленниках, считающий Белинского «гением нашей литературы» (<1.9.2>).

На этом мы здесь останавливаемся, не пытаясь исчерпать обширный материал, связанный с темой «Вяземский — Белинский»: это тема отдельной работы.

Конечно, сюжет о Пушкине, Белинском и прочих, кратко обсужденный нами, продолжался. 31 мая (12 июня) 1873 г. Вяземский, не скрывая раздражения, писал к Барсукову:

Вижу из *Голоса*, что *Русский мир* напечатал хвалебную статью Белинскому, будто объяснившему России значение Пушкина. Есть ли после этого возможность иметь дело с нашими журналистами. У нас нет никакого такта, и сходясь с ними непременно попадаешь в просак <так!> и в грязь, чтобы не сказать хуже. У них кто ни поп, тот батька (Вяземский 2021, 77).

Речь шла о фельетоне В. Г. Авсеенко, посвященном в т. ч. только что упомянутой статье А. Н. Пыпина о Белинском из майского

номера «Вестника Европы». Авсеенко заявил, что Пыпин «<...> говорит о нем <Белинском> в высшей степени доброжелательно<...>», но при этом «<...> в результате Белинский оказывается гораздо ничтожнее того, чем мы его всегда считали». По этой причине Авсеенко считает необходимым «<...> сказать пару слов в защиту Белинского от его самого пламенного и усердного поклонника!» И далее Авсеенко, отметив неуклонное падение литературных нравов («При Белинском литература имела идеалы, требовалась и ценилась горячая работа мысли, в писателе ценился талант и самостоятельное развитие; теперь ничего этого не ищут и не желают, и, начитавшись, например, статей г.<осподина> Пыпина, вы вполне уверяетесь, что современный журнализм ничего не требует от писателя, кроме известного *направления*»), перешел к перечислению заслуг Белинского перед русской культурой и, в частности, упомянул его статьи о Пушкине, вознося их на недосягаемую высоту:

Г.<осподин> Пыпин, кажется, и не знает, что Белинский первый оценил, как следует, Пушкина и дал русской литературе превосходный разбор этого поэта — разбор, в котором критик как бы соперничает с великим поэтом в понимании высоких задач поэзии и глубоких сторон русской жизни; г-ну Пыпину гораздо большей заслугой со стороны Белинского представляется то, что он был приятелем Герцена (Авсеенко 1873, 2).

Трудно сомневаться в том, что Вяземский не имел ничего против полемики с Пыпиным и вполне разделял сказанное Авсеенко о «современном журнализме» и «известном направлении», однако принять его оценку статей Белинского о Пушкине Вяземский не мог ни при каких обстоятельствах, и оценка эта представилась бы нам вполне достаточным поводом (особенно в сочетании с другими, уже обсужденными) для его обращения к этим статьям и внимательного их перечитывания, если бы только мы уже не убедились в том, что у него были достаточные причины для того, чтобы обратиться к ним ранее.

Еще один аргумент в пользу этого *ранее* дает одна из маргиналий Вяземского: «Так и видно, что он <Белинский> писал для журналов, т. е. продавал работу свою на вес, или на аршин» (<1.9.4>). Эта тема обсуждается в переписке Вяземского и Барсукова опять-таки весной 1873 г., но еще до появления

в свет статьи Авсеенко. Барсуков в письме от 11 мая замечал: «Я слышал, что Надеждин (<<>Телескоп<>>) особенно ценил Белинского за его дар писать статьи *как раз* в тех размерах, которые в данном случае требовались (на лист, 1/2 листа, 1/4 л., 1/8 л. и т. д.)» (Вяземский 2021, 70). Вяземский, еще не получив этого письма, сделал запрос на смежную тему: «Несколько лет тому были напечатаны письма Белинского, в которых жаловался он на Краевского, заставлявшего его писать рекламы — помнится, даже о вакцине. Если можете, отыщите эти письма и выпишите из них самые резкие жалобы на то, что Краевский держал его при себе как чернорабочего» (Вяземский 2021, 71). Ответ Барсукова с соответствующими выписками последовал 18 мая (Вяземский 2021, 72).

Выдержки из Белинского, необходимые для понимания маргиналий Вяземского, а также те, в которых содержатся подчеркивания Вяземского, передаются обычным шрифтом, отчеркнутое Вяземским на полях — насыщенным черным, подчеркнутое им — подчеркиванием же, а не обычным в таких случаях курсивом, поскольку последний широко используется в издании Белинского. Конъектуры заключены в угловые скобки, не зачеркнутое Вяземским по ошибке — в фигурные.

Сочинения В. Белинского. С портретом автора и его факсимиле. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Часть восьмая. М.: В типографии В. Грачева и Комп.<ании>, 1860.

<1> Сочинения Александра Пушкина. Санктпетербург. Одинадцать томов. MDCCCXXXVIII–MDCCCXLI.

<1.1> <Статья> I.

Обозрение русской литературы от Державина до Пушкина

<1.1.1> К второму изданию сочинений Богдановича <...> приложено множество эпитафий и элегий, написанных <...> по случаю смерти певца «Душеньки» <...>. Между ними особенно замечательны три: первая принадлежит издателю Платону Бекетову <...>:

Зефир ему перо из крыл своих давал;
Амур водил рукой: он Душеньку писал.¹⁵

<Отчеркнуто на полях справа. Там же:> У Бекетова сказано сам даал.

(С. 117, л. 59.)¹⁶

<1.1.2> В 1794 году он издал в двух частях альманах «Аглая»¹⁷ и альманах «Мои безделки»¹⁸.

<Справа на полях и внизу страницы:> Вздор<: >>Мои безделки<>> н<е> альм<а>нах, а собрание сочинений Карамзина.

(С. 119, л. 60.)¹⁹

<1.1.3> Формы од Дмитриева оригинальны, как, например, в «Ермаке», где поэт решился вывести двух сибирских шаманов <...>. Речи, которые поэт влагает в уста шаманам, исполнены декламациею <...>; но мысль в жалобах <...> шамана <...> выказать подвиг Ермака — <...> не риторическая, а поэтическая мысль. Тут еще нет поэзии, но есть уже стремление к ней <...>.

<Внизу страницы:> Почему же нет поэзии?²⁰

(С. 121, л. 61.)²¹

<1.1.4> Восток — колыбель человечества и царство природы.

¹⁵ Это двустилие П. П. Бекетова (1761–1836) неоднократно печаталось в качестве надписи к портрету И. Ф. Богдановича (Богданович 1809–1810, I, портр.; Богданович 1815, портр.; Богданович 1818–1819, I, портр.).

¹⁶ В Светлов 2008 отсутствует курсив в тексте Белинского, подчеркивание в тексте Вяземского заменено кавычками (314–315).

¹⁷ Две книжки альманаха «Аглая» вышли в 1794 и 1795 гг. (Аглая), переизданы в 1796 (Аглая 2).

¹⁸ Карамзин 1794; переиздание: Карамзин 1797. Ошибка Белинского, обратившая на себя внимание Вяземского (см. ниже), была обусловлена, вероятно, отсутствием имени Карамзина на титульном листе книги (в обоих изданиях оно фигурирует только под кратким предисловием, озаглавленном, впрочем, «От сочинителя»).

¹⁹ В Светлов 2008 в текст Вяземского добавлена отсутствующая в источнике запятая после «Вздор», не отмечены «срезанные» и восстановленные буквы (315), как и далее во всех других подобных случаях.

²⁰ Ср. упоминания о «красотах живописной Поэзии» и об «истинной Поэзии» в статье Вяземского об И. И. Дмитриеве (Вяземский 1823, XXVII).

²¹ В Светлов 2008 в тексте Вяземского отсутствует второе слово (315).

<Слева на полях:>²²

(С. 152, л. 76 об.)²³

<1.2> <Статья> П.

Карамзин и его заслуги; — Карамзинский период русской литературы: Дмитриев, Крылов, Озеров, Жуковский и Батюшков. — Значение романтизма и его историческое развитие

<1.2.1> Жуковский начал свое поэтическое поприще балладами.

<Внизу страницы:> <Н>ельзя сказать <н>ачал. <Г>реева <э>легия²⁴ и <др>угие <с>тихотво<ре>ния²⁵ <да>же гораздо ра<не>е <у>тверди<л> и из<ве>стность <Ж>уков<с>кого.

(С. 184, л. 92 об.)²⁶

<1.2.2> «Алина и Альсим», кажется, принадлежит к числу оригинальных баллад Жуковского.

<Внизу страницы:> Нет, она перевод с французского, поэта Монкрифа²⁷.

(С. 187, л. 94.)²⁸

²² Вероятно, Вяземский увидел здесь противоречие: если «Восток» «колыбель человечества», то уже не «царство природы».

²³ В Светлов 2008 пропущено.

²⁴ Т. е. элегия Жуковского «Сельское кладбище» (1802), представляющая собой перевод «Элегии, написанной на сельском кладбище» («Elegy written in a country Churchyard», 1750) Томаса Грея (Thomas Gray, 1716–1771).

²⁵ Вероятно, имеются в виду «Майское утро» (1797), «Добродетель» (1798), «Стихи на Новый 1800 год» (1800), «К Тибуллу. На прошедший век» (1800), «Мир» (1800), «Человек» (1801), «Стихи сочиненные в день моего рождения» (1803), «К поэзии» (1804), а также не печатавшиеся при жизни Жуковского, но известные его друзьям, в т. ч. Вяземскому, стихотворения «На смерть А<ндрея> Тургенева» (1803).

²⁶ В Светлов 2008 неверно указано как подчеркнутое имя Жуковского в тексте Беинского; текст Вяземского прочитан неверно, ср.: «Нельзя сказать начал ... учил. Стихотворения же гораздо раньше утвердили известность Жуковского» (315–316).

²⁷ Баллада Жуковского «Алина и Альсим» (1814, первая публикация 1815) — перевод стихотворения Франсуа Огюстен де Пароди де Монкриф (François-Augustin de Paradis de Moncrif, 1687–1770) «Верная любовь Алисы и Алексиса. Романс в лангедокской манере» («Les constantes amours d'Alix et d'Alexis. Romance sur un air Languedocien» [1738]). Вяземский знал сочинения Монкрифа, в т. ч. его «Историю кошек» («Histoire des chats», 1727), см.: Вяземский, 10, 207.

²⁸ В Светлов 2008 в тексте Вяземского отсутствует вторая запятая, что в данном случае существенно (316).

<1.2.3> В «Певце во стане русских воинов» нет даже чувства современной действительности: ни одного выстрела<...>, <...> свистят не пули, а стрелы, генералы <...> в шлемах, <...> в бронях, <...> с мечами и копьями; <...> с щитами... Все это признак риторики; ибо поэзия проста: она не чуждается обыкновенных предметов действительности <...>.

<Слева на полях:> <П>очему <р>иторики<?> Это был <о>бще-при<н>ятый <з>акон<н>о-условный язык.

(С. 210, л. 105 об.)²⁹

<1.2.4> Следующее место есть не что иное, как profession de foi рыцарства средних веков, как будто выраженное огненным словом Шиллера:

А мы?.. Доверенность Творцу!
Что б ни было — Незримой
Ведет нас к лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья! отважно в след!
Прочь низкое! прочь злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба;
В высокой доле — простота;
Нежадность — в наслажденье;
В союзе с ровным — правота;
В могущество — смиренье,
Обетам — вечность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы все, что в мире есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утеха — скорби; просьбе — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань,
Бессильному — презренье;
Неправде — грозный правды глас;
Заслуге — воздаянье;

²⁹ В Светлов 2008 текст Вяземского прочитан неверно, ср.: «Причем здесь риторика. Это был общепринятый [законно] условный язык» (316).

Спокойствие — в последний час;
При гробе — упование.³⁰

<Под этим текстом между строк:> — да оно и взято у Шиллера³¹.

(С. 212–213, л. 106–106 об.)³²

<1.3> <Статья> III.

Обзор поэтической деятельности Батюшкова; характер его поэзии. — Гнедич; его переводы и оригинальные сочинения. — Мерзляков. — Князь Вяземский. — Журналы конца карамзинского периода

<1.3.1> Пушкин рано и скоро пережил содержание поэзии Жуковского, и его ясный, определенный ум, его артистическая натура гораздо более гармонировала с умом и натурою Батюшкова, чем Жуковского.

<Внизу страницы:> Пушкин вовсе не уважал дарования Батюшкова. Сколько было у нас за него жарких споров.³³

(С. 254–255, л. 127 об. — 128.)³⁴

³⁰ Цитируется стихотворение В. А. Жуковского «Певец в стане русских воинов» (1812, дорабатывалось в 1813–1814, впервые в редакции, близкой к окончательной: Жуковский 1813, 28–29).

³¹ Вероятно, имеется в виду гимн Шиллера «К радости» (*An die Freude*, 1785), послуживший Жуковскому ближайшим фоном его кантаты (ср.: Барсуков, 12, 423 [письмо С. П. Шевырева, решившего проверить, в какой именно степени Жуковский — автор «Певца во стане русских воинов» обязан Шиллеру, к М. П. Погодину]; Вольпе 1941, 370)]; назывались и другие произведения Шиллера, которые мог учесть Жуковский (см., в частности: Данилевский 1972, 66).

³² В Светлов 2008 из текста Вяземского исключено тире, а первое слово дано с прописной (317).

³³ О сложном отношении Пушкина к поэзии Батюшкова свидетельствуют его маргиналии на полях «Опытов в стихах и прозе» (Батюшков 1817), неоднократно привлекавшие внимание исследователей (см. в т. ч.: Майков 1899; Горохова 1979; Сандомирская 1974; Кошелев 2018). Содержание «жарких споров» Пушкина с Вяземским о Батюшкова нам не известно; во всяком случае данная маргиналия Вяземского позволяет осторожнее отнестись к мнениям историков литературы, склонных подчеркивать близость Пушкина и Батюшкова. Одновременно отметим, что споры с Пушкиным о значении Батюшкова не помешали Вяземскому признать влияние второго на первого: «Нет сомнения, что в развитии дарования Пушкина отозвалось и влияние Батюшкова. Элегический стих Пушкина сродни стиху поэта, который первый с таким успехом и блеском усвоил поэзии нашей элегическую стихию» (Вяземский, 2, 415); вместе с тем Жуковского, а не Батюшкова, Вяземский, в соответствии с мнением самого Пушкина, называет его учителем (там же).

³⁴ В Светлов 2008 в тексте Белинского «натурой» вместо «натурою»; в тексте Вяземского «из-за него» вместо «за него» (317).

<1.3.2> Это влияние особенно заметно в стихе <...>: не имея Батюшкова своим предшественником, Пушкин едва ли бы мог выработать себе такой стих.

<Под этим текстом между строк:> Почему?

(С. 255, л. 128.)

<1.3.3> Страстность составляет душу поэзии Батюшкова <...>. Он и переводил Парни и подражал ему; но в том и другом случае оставался самим собою. Следующее подражание Парни — «Ложный стыд» — дает полное <...> понятие о пафосе его поэзии:

Помнишь ли, мой друг бесценный,
Как с Амурами, тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
<...>
От победы неизбежной
Защищалась — но слегка?
<...>
Ты пугалась, я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх?
Гименей за все ручался,
И Амуры на часах.»³⁵

<Слева на полях:> Стих старика Муравьева³⁶.

(С. 259–260, л. 130 об.)³⁷

<1.3.4> **Старое не сердилось на новое, потому что новое низко кланялось старому и на веру, по преданию, благоговело перед его богами.**

³⁵ Стихотворение К. Н. Батюшкова «Ложный страх» (1810; впервые: Батюшков 1810, 213) — вольный перевод элегии Эвариста Парни (Évariste Désiré de Forges, chevalier puis vicomte de Parny, 1753–1814) «Испуг» («La Frayeur», 1778).

³⁶ Этот стих взят из стихотворения «Богине Невы» (1794) М. Н. Муравьева (1857–1807), которого Батюшков считал своим учителем. Вероятно, не только текст Муравьева, но и текст Батюшкова учитывал Ф. Ф. Иванов (1777–1816), когда в «сказке» «Отшельник» писал: «Амуры, притаясь, не дремяют на часах» (Иванов 1815, 62).

³⁷ В Светлов 2008 в тексте Батюшкова «Амуры» даны со строчной (318).

<Отчеркнуто слева на полях. Вверху страницы:> Лучше низко кланяться, чем на ходулях лягаться на все стороны. Без старого не было бы и нового.

(С. 270 л., 135 об.)³⁸

<1.3.5> < Отчеркнуто на полях слева одной чертой вместе с предыдущим фрагментом статьи Белинского:> **Посмотрите, как бессознательно восхищался Батюшков представителями русского Парнасса:**

Пускай веселы тени
< ... >
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
< ... >
Парнасский исполин,
< ... >
Наш *Пиндар*, наш *Гораций*
< ... >.
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин,
То мудрого Платона
Описывает нам
< ... >
И в колыбели славы
Рождение Славян.
За ними *ильф прекрасный*,
< ... >
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
< ... >!..
С эротами играя,
< ... >
Там Дмитриев сидит;
< ... >

³⁸ В Светлов 2008 не зафиксированы отчеркивание текста Белинского на полях и подчеркнутое в нем; в тексте Вяземского прочитано «нового» вместо «и нового» (318).

За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер и Крылов.
<...>
Я <...> в радости взываю:
О музы! я пиит!³⁹

<Слева на полях против цитаты:> Неужели {ожидать} в легком послании ожидать строгого разбора?

<Под текстом цитаты из послания и справа на полях:> Ничего нет тут бессознательного.

(С. 270–271, л. 135 об. — 136.)⁴⁰

<1.3.6> Если Батюшков и не знал по-гречески, — он мог иметь понятие о Пиндаре по латинским и немецким переводам; но это <...> не помогло ему понять, что еще менее <...> было сходства между Державиным и Пиндаром, — Пиндаром, которого — вдохновенная, возвышенная поэзия была голосом целого народа <...>.

<Вверху страницы и слева на полях:> Если на то пошло, то певец Фелицы, певец Суворова⁴¹ мог тоже быть, в свое время, признан за голос целого народа.

(С. 272, л. 136 об.)⁴²

<1.3.7> Так! <...> сочинения всех этих поэтов принесли свою пользу в деле образования стихотворного языка; но <...> между их стихом и стихом Жуковского и Батюшкова легло целое море расстояния и что «Душенька» Богдановича, сказки Дмитриева, горацянские оды Капниста, подражания древним Мерзлякова, стихотворения Востокова, Муравьева, Долгорукова, Воейкова

³⁹ Цитируется стихотворение К. Н. Батюшкова «Мои Пенаты. Послание к Ж.<уковскийскому> и В.<яземскому>» (1811–1812; впервые: Батюшков 1814).

⁴⁰ В Светлов 2008 не отмечен текст Белинского, отчеркнутый на полях; пропущена первая маргиналия Вяземского; не воспроизведено подчеркивание во второй (318).

⁴¹ Т. е. Г. Р. Державин — автор «Оды к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанной татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санктпетербурге» (1782), посвященной Екатерине II, и оды «Снигирь» (1800), написанной на смерть А. В. Суворова.

⁴² В Светлов 2008 не воспроизведены подчеркивания в текстах Белинского и Вяземского; в тексте второго опущены две последние запятые.

и Пушкина (Василия) только до появления Жуковского и Батюшкова могли считаться образцами легкой поэзии и образцами стихотворного языка.

<Внизу страницы:> Сколько повторений и следовательно пустословия. Жуковский, Пушкин, <Ба>тюшков, так от них и <разливаются целым морем.>⁴³

(С. 273, л. 137.)⁴⁴

<1.4> <Статья> IV

<1.4.1> Правда, природа производит таланты<...>; но ведь великие поэты творятся не одною природою: они творятся и обществом, т. е. историческим положением общества. Думать, что поэта составляет один талант — значит грубо ошибаться. Разумеется, прежде всего поэтом делает человека талант; но к этому также необходимы еще и характер, и образование, и направление, которые зависят от общества, среди которого является поэт. **Чтоб поэтически воспроизводить действительность, мало одного природного таланта: нужно еще, чтоб под рукою поэта была поэтическая действительность.**

<Отчеркнуто справа на полях. На полях слева:> Да кто же, кроме дурака, может так грубо ошибаться.

(С. 301, л. 151.)⁴⁵

<1.4.2> Мы очень уважаем дарования и таланты таких поэтов, как Веневитинов, Полежаев, Баратынский, Козлов, Давыдов и другие <...>.

<Внизу страницы:> Поставить рядом Баратынского с Полежаевым, вот вкус. Баратынского, который<й> сказал о себе последний> поэт.⁴⁶

(С. 309, л. 155.)⁴⁷

⁴³ Окончание фразы срезано; реконструируется предположительно на основе оставшихся верхних частей некоторых буквенных начертаний и текста Белинского, который обыгрывает Вяземский.

⁴⁴ В Светлов 2008: «Сколько повторений и следовательно пустословия. Жуковский, Пушкин, Тютчев. Так от них...» (319). Не упомянутый Белинским Тютчев здесь появился случайно как следствие неудачной попытки интерпретации сохранившейся в источнике части имени Батюшкова.

⁴⁵ В Светлов 2008 не воспроизведено подчеркивание в тексте Белинского; в тексте Вяземского «окромя» вместо «кроме».

⁴⁶ Окончание фразы срезано, кроме последнего слова, сохранившегося частично; реконструируется предположительно. «Последний поэт» (1835) — стихотво-

<1.4.3> «Лицейские» стихотворения Пушкина <...> важны еще и в том отношении, что в них видна историческая связь Пушкина с предшествовавшими ему поэтами; из них видно, что он был сперва счастливым учеником Жуковского и Батюшкова, прежде чем явился самостоятельным мастером. Впервые, — сколько помним мы, — появилось стихотворение Пушкина («Отечество в слезах — познало весть ужасну!») в «Вестнике Европы» 1813 г. Он написал его, когда ему не было и четырнадцати лет от роду, при получении известия о смерти Кутузова.

<Отчеркнуто на полях слева. Ниже там же:> <В>овсе <н>е <А>лександра, а <А>лексея <М>ихайловича Пушкина⁴⁸.

(С. 310, л. 155 об.)⁴⁹

<1.4.4> Чтобы дать понятие о духе той школы, представителями которой были Капнист, Нелединский-Мелецкий, В. Пушкин, Давыдов, мы выпишем коротенькое стихотворение Пушкина «Сновидение» <...>.

<Между строк и внизу страницы:> Белинский не знал, что это довольно слабой перевод стихов Вольтера к сестре Фридриха Великого⁵⁰.

(С. 314, л. 157 об.)⁵¹

рение Е. А. Баратынского (впервые: Баратынский 1835; в сб. «Сумерки» оно было напечатано вторым, сразу после посвящения Вяземскому, см.: Баратынский 1842, 15–20), вызвавшее нападки Белинского (Белинский 1842, 55–56; то же: Белинский 1859–1862, 6, 295–297).

⁴⁷ В Светлов 2008 не воспроизведено подчеркивание в тексте Белинского; текст Вяземского подан как начинающийся с многоточия и со строчной (320).

⁴⁸ А. М. Пушкин (1771–1825), дальний родственник А. С. Пушкина, поддерживавший отношения с его семьей и особенно с дядей В. А. Пушкиным, а также с Вяземским и Жуковским, считавшими его одним из колоритных персонажей старой Москвы, отменным острословом и небездарным поэтом. В 1825 г. именно Вяземский известил А. С. Пушкина о смерти А. М. (Пушкин, 13, 181); см. также: Вяземский, 8, 255–256, 488–489 и др. Стихотворение, о котором идет речь: Пушкин 1813.

⁴⁹ В Светлов 2008 не отмечен и не воспроизведен полностью отчеркнутый на полях текст Белинского, не указаны подчеркивания в нем (321).

⁵⁰ «Сновидение» (1817) А. С. Пушкина — перевод стихотворения Вольтера «Принцессе Ульрике Прусской» («À Madame la Princesse Ulrique de Prusse»). Луиза Ульрика Прусская (Luise Ulrike von Preußen, 1720–1782), младшая сестра Фридриха II (Friedrich II, Friedrich der Große, 1712–1786), королева Швеции (с 1751 г.).

⁵¹ В Светлов 2008 текст Белинского, к которому относится замечание Вяземского, дан в пересказе; в тексте Вяземского напечатано «слабый» вместо «слабой» (321).

<1.5> <Статья> V

<1.5.1> Посмотрите, как эллински <...> рассказал Пушкин о своем художественном призвании <...>; эта пиеса называется «Муза»:

В младенчестве моем она меня любила
<...>
И сердце наполнял святым очарованьем.

<Справа на полях против текста стихотворения:>

Едва ли это не перевод из Andre Chenier⁵².

(С. 371, л. 186.)⁵³

<1.5.2> Здесь не то: в пафосе стихотворения столько жизни, страсти, истины!... Луна, восходящая над сосновою рощею, напоминает поэту другую луну, которая, в это томительное для его души время, восходит, *далеко, там*, где природа так роскошно прекрасна, — и поэт предается невольно мечте *о ней*, которая в эту пору, одна идет к берегу моря и садится под его скалами... Не ревность, а страсть, трепещущая за свое блаженство, заставляет его успокаивать себя мыслию, что она — одна, и что ему должно быть спокойным... И сколько жизни, какой энергический порыв страсти высказывается в слове «но если», отрывисто заключающем пиесу! Все это так просто, так естественно, во всем этом столько глубокой страсти, столько истины чувства... А форма? — Какая легкость, какая прозрачность! На каждом стихе <...>.

<Отчеркнуто слева на полях. Там же и внизу страницы:> <K> чему <o>бъяс<n>ения <s>тихов, не требующих комментариев. Болтовня.

(С. 376, л. 188 об.)⁵⁴

⁵² Обычно «Муза» (1821; Пушкин 1838–1841, 4, 203; впервые: Пушкин 1821) рассматривается как вольный перевод отрывка Шенье «Toujours ce souvenir m'attendrit et me touche...» (Chénier 1819, 70).

⁵³ В Светлов 2008 имя французского поэта, упомянутого Вяземским, дано кириллицей (322).

⁵⁴ В Светлов 2008 неверно указаны границы отчеркнутого на полях фрагмента статьи Белинского; не воспроизведено подчеркивание в его тексте; текст Вяземского прочитан неверно и обесмыслен, ср.: «К чему объяснение стихов... Зачем комментарии. Болтовня» (323).

<1.5.3> Осень для него лучше весны, или лета, и, читая эти стихи, вы не можете не согласиться с ним, по крайней мере, на то время, пока не увидите его же картины весны, или лета:

Дни поздней осени бранят обыкновенно;
< ... >
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева < ... >⁵⁵.

<На полях справа против подчеркнутого:>⁵⁶
(С. 380–381, л. 191.)⁵⁷

<1.5.4> Русская зима лучше русского лета — < ... > она похожа на самое себя, тогда как наше лето столько же похоже на лето, сколько декорационные деревья в театре похожи на настоящие < ... > в лесу. Пушкин первый понял это и первый выразил.

<На полях слева:> Какой вздор!
(С. 381, л. 191.)⁵⁸

<1.5.5> Его зима облита блеском роскошной поэзии:

Мороз и солнце; день чудесный!
< ... >
Навстречу северной Авроры,
Звездю севера явись!⁵⁹

<На полях справа и внизу страницы:> — Уж, если на то пошло, не к стати упоминать авроры в картине русской зимы⁶⁰.
(С. 381, л. 191.)⁶¹

⁵⁵ Белинский цитирует элегию Пушкина «Осень (Отрывок)» (1833; впервые, под заглавием «Осень»: Пушкин 1838–1841, 9, 207–211).

⁵⁶ Вероятно, Вяземский счел неудачным пушкинское выражение *зев пропасти*.

⁵⁷ В Светлов 2008 ошибочно указано, что Вяземский подчеркнул не несколько слов, а всю строку (323).

⁵⁸ В Светлов 2008 помета Вяземского воспроизведена без восклицательного знака, соединена с текстом следующей и отнесена не к Белинскому, а к стихотворению Пушкина «Зимнее утро» (324).

⁵⁹ Цитируется стихотворение А. С. Пушкина «Зимнее утро» (1829; Пушкин 1838–1841, 3, 85–86; впервые: Пушкин 1830).

⁶⁰ Имеется в виду сказанное Белинским выше (см. <1.5.3>) об исключительности русской зимы и пушкинского ее понимания.

<1.5.6> Обращаясь к Пушкину, мы скажем по поводу <...> его национальности, что он не мог не отразить в себе географически и физиологически народной жизни, ибо был не только русский, но притом русский, наделенный от природы гениальными силами <...>.

<На полях справа:>⁶²

(С. 383, л. 192.)⁶³

<1.5.7> <...> мы считаем нужным сделать <...> выписку из статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине»:

«<...>Пушкин есть явление чрезвычайное; и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

<На полях слева:> Почему 200, а не <20>0.000?

(С. 384, л. 192 об.)⁶⁴

<1.5.8> «<...> Его пленила вольная поэтическая жизнь <...> горцев, их схватки, их <...> набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию».

<На полях слева и внизу страницы:> <Н>еуже<л> и Карамзина и Жуков<с>кого <н>е читали? Не говоря уже о том, что в свое время Россия читала Сумарокова. Смотри письма Екатерины о нем⁶⁵.

(С. 384, л. 192 об.)⁶⁶

⁶¹ В Светлов 2008 текст Вяземского дан с неточностями: опущено начальное тире; вместо «не к стати упоминать авроры» напечатано «некстати упомянута Аврора» (324).

⁶² Вероятно, недоумение Вяземского вызвала постулируемая Белинским способность Пушкина *географически отразить в себе народную жизнь*.

⁶³ В Светлов 2008 пропущено.

⁶⁴ В Светлов 2008 текст Вяземского не отмечен как подчеркнутый и интерпретирован иначе: «Почему 200, а не 1000» (325). Между тем второе число читается не полностью (страница обрезана) и в любом случае в источнике не единица, а еще один ноль. Наша версия основана на том, что именно 200 000 дают эффект иронической переключки с текстом Гоголя; к тому же на странице, сохранилась она в первоначальном виде, могли уместиться еще ровно два знака.

⁶⁵ Трудно сказать, о каких именно письмах Екатерины II говорил здесь Вяземский. Нет сомнений, что ему были известны, в частности, ее письма к А. В. Олсуфьеву от 30 апреля 1763 г. (Екатерина II 1863, 68–69), гр. П. С. Салтыкову от 18 июня 1869 (Бартенев 1860, 237–238); вместе с тем более вероятно, что он имел в виду широко известные в России и давно переведенные на русский язык пись-

<1.5.9> «<...> Он один только певец Кавказа; <...> проникнут и напитан его чудными окрестностями <...>, долинами прекрасной Грузии <...>».

<Внизу страницы:> Напитан долинами.

(С. 384, л. 192 об.)⁶⁷

<1.5.10> Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина <...>, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет. **Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает.** Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, что бы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина.

<Отчеркнуто на полях слева. Справа на полях:> Как в<се> это <ска>зано <не> точ<но>.>

(С. 385, л. 193.)⁶⁸

<1.5.11> Для Пушкина также не было так называемой *низкой природы*; поэтому <...> все у него являлось поэтическим, а потому прекрасным и благородным. Как <...> прекрасна у него вот эта «низкая природа»:

ма Екатерины к Вольтеру от 4 (15) сентября 1771 г. и от 23 марта (3 апреля) 1772 г. (Екатерина II 1802, 2, 30, 96 [с датой 25 марта (4 апреля)]; Екатерина II 1803, 2, 35, 80; то же: Екатерина II 1812, 2, 35, 80) в которых упоминался Сумароков.

⁶⁶ В Светлов 2008 неточность в тексте Гоголя, цитируемом Белинским: вместо «начинавшую» дано «начавшую»; в тексте Вяземского напечатано «уж» вместо «уже» и «См.» вместо уверенно читающегося «Смотри» и при этом без каких бы то ни было оснований утверждается, что «дальше текст срезан» (325).

⁶⁷ В Светлов 2008 пропущено.

⁶⁸ В Светлов 2008 не отмечено отчеркивание на полях, а текст Вяземского (пострадавший, как и во многих других случаях, при обрезке страницы) интерпретирован неверно, ср.: «Как вот это сказано точно» (325). Этот текст, набросанный «в столбик», примыкает к обрезанному краю страницы и видно, что между «сказано» и «точно» сохранилась часть какой-то буквы, причем места хватило бы только для двух букв, и, как мы полагаем, именно для «не»: нет никаких оснований считать, что Вяземский готов был хвалить Белинского за «точное» описание пушкинского творческого процесса: вся совокупность его помет свидетельствует о том, что мы, не боясь ошибиться, можем смело предполагать противоположное.

Иные нужны мне картины:

<...>

Да пьяный топот трепака

Перед порогом кабака;

<...>

Да щей горшок, да сам большой...⁶⁹

<Отчеркнуто на полях справа. Там же:> Митрополит Филарет кр<ити>ковал в <разго>воре со мн<ою> эти д<ва> стих<а,> заме<чая,> что и П<уш>кин у<ни>жал <себя>⁷⁰ иногда<а> до язы<ка> не по<эти>ческ<ого>.

(С. 389, л. 195.)⁷¹

<1.5.12> Тот еще не художник, которого поэзия трепещет и отращается прозы жизни, кого могут вдохновлять только высокие предметы. Для истинного художника — где жизнь, там и поэзия.

<Между строк и на полях слева:> Мало ли что есть в жизни, где нет поэзии.

(С. 389, л. 195.)

<1.5.13> Пушкина <...> сравнивали с Байроном. Мы уже <...> замечали, что это сравнение <...> ложно, ибо трудно найти двух поэтов, столь противоположных по своей натуре, а следовательно, и по пафосу⁷² своей поэзии, как Байрон и Пушкин.

(С. 390, л. 195 об.)⁷³

<1.5.14> Писеса «Дар напрасный, дар случайный» есть не что иное, как порождение одной из тех тяжелых минут нравствен-

⁶⁹ Цитируются «Отрывки из путешествия Онегина» (Пушкин 1838–1841, I, 242; впервые: Пушкин 1833, 279).

⁷⁰ Возможна и другая конъектура: <ее>, т. е. поэзию; в этом случае пришлось бы предположить, что взгляд Вяземского, когда он это писал, упал на текст Белинского, расположенный ниже и тут же им подчеркнутый и прокомментированный (см. <1.5.12>).

⁷¹ Ср. в Светлов 2008: «Митрополит Филарет критиковал в разговоре со мною эти стихи. Вам не кажется, что и [Пуш]кин [унижался?] иногда до яз[ыка] непозитическ[ого?]>» (326). «Эти стихи», «Вам не кажется» — неверные чтения, как и невозможное в данном случае «унижался» (в оригинале уверенно читается ер: «унижал»).

⁷² Ср.: <1.11.2>, <1.11.3>.

⁷³ В Светлов 2008 пропущено.

ной апатии и душевного отчаяния, которые неизбежны, как минуты, для всякой живой и сильной натуры <...>. Призвание Пушкина, характер и направление его поэзии гораздо более выражаются в этом: стихотворении:

В часы забав, иль праздной скуки,
Бывало лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

<...>

Твоим огнем душа пала
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.⁷⁴

<На полях слева, справа и внизу страницы:> *Вовсе нет*. Эти стихи к Филарету ни что иное, как милый мадригал. Белинский, как и многие писатели, мало жившие в свете, мало обращавшиеся с людьми, не умеют отличать условных речей от настоящих. Если кто в конце письма подпишется покорнейшим слугой, то он уже в самом деле покорнейший слуга.

(С. 397, л. 199.)⁷⁵

⁷⁴ Цитируется послание Пушкина к митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету (1782-1867) «В часы забав иль праздной скуки...» (1830; Пушкин 1838–1841, впервые: Пушкин 1830а), написанное в ответ на обращение к Пушкина стихотворение Филарета «Не напрасно, не случайно...» (; впервые в составе беллетристического сочинения, в котором текст Филарета произносит Гете: Бурачек 1840, 59; более исправный текст: Николаевский 1848, 16), представлявшее собой полемическую реплику на элегию Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (1828; Пушкин 1838–1841, 3, 105; впервые: Пушкин 1829а).

⁷⁵ В Светлов 2008 напечатано «не что иное» вместо «ни» и «условностей» вместо «условных»; пропущено «мало жившие в свете, мало обращавшиеся с людьми»; не указано подчеркивание; «Вовсе нет» оказалось перенесено в конец текста и к нему было добавлено в качестве начала нового предложения «Это...», отсутствующее в источнике, с не соответствующим действительности указанием «Далее текст обрезан» (327). Верное чтение, вероятно не замеченное Светловым: Вяземский 1984, 428 (в комментариях Л. В. Дерюгиной; единственное расхождение с нашим прочтением представляется незначительным: «не умеет» вместо «не умеют»).

<1.5.15> Кто из образованных русских <...> не знает превосходной пьесы, носящей скромное <...> название «Стансов»? Эта пьеса драгоценна русскому сердцу в двух отношениях: в ней, словно изваянный, является колоссальный образ Петра; в связи с ним находим в ней поэтическое пророчество, так чудно и вполне сбывшееся, о блаженстве наших дней.

(С. 403, л. 202.)

<1.5.16> <...> как возвышенно благородны эти простые житейские слова — плотник и работник!..⁷⁶

(С. 404, л. 202 об.)⁷⁷

<1.5.17> Он воспел смерть Наполеона; в превосходной пьесе своей «К Морю» он принес достойную дань памяти Байрона <...>.

<Внизу страницы:> — Я настойчиво просил Пушкина написать на смерть Байрона — и стихотворение К Морю плод моих настойчивых увещаний⁷⁸.

(С. 408, л. 204 об. — 205)⁷⁹

<1.6> <Статья> VI. Поэмы: «Руслан и Людмила», «Кавказский Пленник», «Бахчисарайский Фонтан», «Братья Разбойники»

⁷⁶ Очевидно, Вяземский считал, что дело не в «простоте» или «благородстве» этих слов, а в том контексте, в котором они фигурируют в обсуждаемом Белинским стихотворении Пушкина «Стансы» (В надежде славы и добра...) (1826; впервые: Пушкин 1828б).

⁷⁷ В Светлов 2008 не указано подчеркивание (328).

⁷⁸ Последние содержатся в письмах Вяземского к жене, летом 1824 г. находившейся в Одессе и постоянно общавшейся в это время с Пушкиным. 16 июня: «Кланяюсь Пушкину и ожидаю его надгробной песни Бейрону»; 21–22 июня: «Пушкай он мне пришлет скорее стихи на смерть Бейрона; я и сам хочу прозою написать о том же. Вместе напечатаем!»; 6 июля: «Кланяйся Пушкину. Что же Байрон? И Дашков пишет мне, что надеется на него» (ОА, 5, 1, 15, 17, 26). Пушкин в письме к Вяземскому от 24–25 июня высказался уклончиво: «По твоим письмам к 99 кн.<ягине> Вере, вижу, что <...> тебе грустно по Байроне, а я так рад <...> его смерти, как высокому предмету для поэзии. Гений Байрона <...> бледнея с его молодостию. <...> Твоя мысль воспеть его смерть в 5-ой песни его Героя прелестна — но мне не по силам» (Пушкин, 13, 98–99).

⁷⁹ В Светлов 2008 опущено начальное тире; вместо «написать на» дано «написать нам», вместо «- и стихотворение К Морю» — «К морю» (с точкой после «Байрона» и без подчеркивания, которое в данном случае выполняло роль кавычек) (329).

<1.6.1> Сам Жуковский <...> держался Шиллера; а Батюшков именно потому и был отличным поэтом, что подражал Парни и Мильвуа, которые, вместе взятые, не годились ему и в парнасские камердинеры...

<На полях справа и внизу страницы:> За<ме>чан<ие> ла<кей>ско<е>. Во<->п<ер>вых<, Бе>линс<кий> не в сос<тоя>нии бы<л> поня<ть> хоро<шо> Парни и Мильвуа.

(С. 417, л. 209.)⁸⁰

<1.6.2> Но не лучше староверов и верхогляды, которые рукоплещут только торжеству настоящей минуты и не хотят знать о заслуге, которую сами же прославляли за несколько дней перед тем. Для них хорошо только новое, и в литературе они видят только моду. Новый водевиль, пустой и ничтожный, как все водевили, для них важнее и «Бориса Годунова» Пушкина, и «Горя от ума» Грибоедова, и «Ревизора» Гоголя. Они совсем не то, что люди движения, которые в своей крайности, восторгаясь новым литературным явлением, отрицают всякую заслугу со стороны прежних писателей. Нет, верхогляды совсем не фанатики; они не отрицают важности старых писателей и старых сочинений, а просто не хотят их знать <...>.

<Отчеркнуто слева на полях.>

(С. 418, л. 209 об.)⁸¹

<1.7> <Статья> VII

Поэмы: «Цыганы», «Полтава», «Граф Нулин»

<1.7.1> <Отчеркнуто на полях справа и частично слева (начиная со слов «который до того проникнут»)> **Идея «Цыган» вся сосредоточена в герое этой поэмы — Алеко. А что хотел Пушкин выразить этим лицом? Не трудно ответить: всякий, даже с первого, поверхностного взгляда на поэму, увидит, что в Алеко Пушкин хотел показать образец человека, который до того проникнут сознанием человеческого достоинства, что в общественном устройстве видит одно только унижение и позор этого достоинства, и потому, прокляв общество, равнодушный**

⁸⁰ Ср. в Светлов 2008: «Замечание [лакей]ское. Вот выходит [Бе]линский не в состоянии был поня[ть] хор[ошо] Парни и Мильвуа» (330).

⁸¹ В Светлов 2008 неточно определена нижняя граница фрагмента, отчеркнутого Вяземским на полях (330).

к жизни, Алеко в дикой цыганской воле ищет того, чего не могло дать ему образованное общество, окованное предрассудками и приличиями, добровольно закабалившее себя на унижительное служение идолу золота. Вот что хотел Пушкин <...>.

<Внизу страницы?> Вот уж риторика, на которую критик так в других нападает.

(С. 453, л. 227.)⁸²

<1.7.2>

*Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гонение
Или блистательный позор*⁸³.

Какой энергический, полный мощного негодования голос! Какая пламенная, вся проникнутая благородным пафосом речь! С какою неотразимую силою увлекает душу это пророчески обвинительное, страшным судом гремящее слово! Прислушиваясь к нему, не можешь не верить, чтоб человек, обладающий такою силою жечь огнем уст своих, не был существом высшего разряда, — существом, исполненным светлого разума и пламенной любви к истине, глубокой скорби об унижении человечества... Вы видите в нем героя убеждения, мученика высших, недоступных толпе откровений... Как высоко стоит он над этою презренною толпою, которую так нещадно поражает громом своего благородного негодования!.. Но здесь-то и скрывается великий урок для оценки истинного достоинства; здесь-то и можно видеть, как легко быть героем на счет чужих пороков, заблуждений и слабостей и как мудрено быть героем на свой собственный счет, — как всякого должно судить не по одним словам его, но если по словам, то не иначе, как подтвержденным делами. Изречь энергическое, полное благородного негодования прокля-

⁸² В Светлов 2008 неточно указаны границы фрагмента, отчеркнутого Вяземским на полях (330).

⁸³ Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824; Пушкин 1838–1841, 2, 213–214; впервые: Пушкин 1827, 14).

тие не только на какое-нибудь общество или какой-нибудь народ, но и на целое человечество гораздо легче, нежели самому поступить справедливо в собственном своем деле.

< Дважды отчеркнуто справа на полях. Слева на полях:> Стихи хороши, но мысли в них выраженные, были уже сто раз высказаны. Это доказательство, что Белинской, как и Полевой, начал писать, ничего прежде не читавши.

(С. 457, л. 229.)⁸⁴

<1.7.3> И потому смело можно сказать, что Немцы имеют свою «Илиаду» не в жалкой «Мессиаде» Клопштока, а разве в «Фаусте» Гете.

<Внизу страницы и слева на полях:> Почему жалкой?⁸⁵ Немцы в этом деле более судии, нежели Белинский, который, по всему видно, плохо знал и по->немецки, и по->французски.

(С. 482, л. 241 об.)⁸⁶

<1.7.4> Если б поэт главною своею мыслию имел любовь Мазепы, он должен бы полтавскую битву ввести в свою поэму как эпизод, важный только по его отношению к лицу одного Мазепы, оставив в тени колоссальный образ Петра и упомянув разве только о мелодраматической смерти казака, влюбленного в Марию, который ездил с доносом Кочубея к Петру, а в полтавской битве безумно бросился на Мазепу и, насмерть пораженный Войнаровским, умер с именем Марии на устах...

<Отчеркнуто справа на полях.>

(С. 485, л. 243.)⁸⁷

<1.7.5> <...> истинно Шекспировски внес светоч поэзии во мрак вопроса и дал на него такой удовлетворительный ответ, какого можно ожидать только от великого поэта:

⁸⁴ В Светлов 2008 отчеркнутый Вяземским текст Белинского приведен лишь частично с неверным указанием на то, что Вяземский отчеркнул «всю стр. 457» (331).

⁸⁵ В стихотворении «Александрийский стих» (1853) Вяземский упоминает Клопштока в одном ряду с Шекспиром, Камознсом и Ариосто (Вяземский, 11, 32); ряд других текстов Вяземского свидетельствует о его устойчивом интересе к Клопштоку, см. в частности: Вяземский 1824, 75; Вяземский, 10, 49.

⁸⁶ В Светлов 2008 в тексте Вяземского дано «судии» вместо «судии», сняты две последние запятые, не указано подчеркивание.

⁸⁷ В Светлов 2008 пропущено.

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь.
<...>
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
<...>
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.⁸⁸

Далее, мы увидим, что любовь Марии к Мазепе развита и объяснена еще подробнее, глубже, с мастерством, перед которым невольно останавливается пораженный удивлением читатель.

< Отчеркнуто слева на полях. На полях слева и справа от текста стихотворного фрагмента:> К чему Шекспир, светоч Поэзии etc. Стихи хороши. Но мысль, в них сказанная, очень обыкновенная, и давно выраженная. Критик как человек мало сведущий, мало читавший легко огорошивается. Все для него принимает исполинские размеры.

(С. 490, л. 245 об.)⁸⁹

<1.7.6> Критики того времени не без основания придирались к двум или трем неправильно усеченным прилагательным, которые так неожиданно напомнили <...> «пиитические вольности» прежней школы, например: сонну вместо сонную, тризну тайну вместо тризну тайную; на несколько нововведений <...>. Но мы укажем <...> еще на <...> неуместные славянизмы — «младой, благодыни, главы» <...>.

<На полях справа и внизу страницы:> Эт<о> славянизмы давно обрусевшие даже на яз<ы>ке простонародном. Да и зачем лишать стихотворный язык некоторых вольностей?

(С. 491, л. 246.)⁹⁰

⁸⁸ Цитата из первой песни пушкинской «Полтавы» (1828; Пушкин 1838–1841, 2, 263; впервые: Пушкин 1829б, 5–6).

⁸⁹ В Светлов 2008 пропущено.

⁹⁰ В Светлов 2008 не указаны подчеркивания в тексте Белинского. Текст Вяземского дан так: «Эти славянизмы давно обрусевшие даже [наверно] простонародные, да и зачем лишать стихотворный язык некоторых вольностей» (332). Слово «Эти» возникло по догадке, «[наверно]» к тексту Вяземского не имеет отношения, тогда как «яз<ы>ке» читается уверенно.

<1.7.7>

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух.⁹¹

<На полях против подчеркнутого слова:>? ⁹²

(С. 492, л. 246 об.)

<1.7.8>

И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою <...>.⁹³

<Отчеркнуто слева на полях. Там же против отчеркнутых стихов:> Неловкое сравнение.

(С. 494 л., 247 об.)⁹⁴

<1.7.9> Картина полтавской битвы начертана кистью широкою я смелою <...>. Но явление Петра в этой картине <...> поражает читателя, говоря собственными словами Пушкина, быстрым холодом вдохновения, подымающим волосы на голове, — производит на него такое впечатление, как будто бы он видит перед глазами совершение какого-нибудь таинства, как будто бы некий бог, в лучах нестерпимой для взоров смертного славы, проходит перед ним, окруженный громами и молниями...

<Отчеркнуто слева на полях.>

(С. 496 л. 248 об.)⁹⁵

⁹¹ Цитата из второй песни пушкинской «Полтавы» (1828; Пушкин 1838–1841, 2, 290, 297; впервые: Пушкин 18296, 38, 47).

⁹² Очевидно, Вяземский счел этот пушкинский стих неудачным, полагая, что *воздух* не может *хотеть* или *не хотеть* чего-либо.

⁹³ Цитата из второй песни пушкинской «Полтавы» (1828; Пушкин 1838–1841, 2, 297; впервые: Пушкин 18296, 47).

⁹⁴ В Светлов 2008 неверно прочтено одно из двух слов Вяземского: «выражение» вместо правильного «сравнение» (332); там же указаны подчеркивания в тексте Пушкина, цитируемом Белинским; на самом деле он был отчеркнут Вяземским на полях.

⁹⁵ В Светлов 2008 пропущено.

<1.8> <Статья> VIII

«Евгений Онегин»

<1.8.1> Не будь Крылова в русской литературе, стих Грибоедова не был бы так свободно, так вольно, развязно оригинален, словом, не шагнул бы так страшно далеко.

<Вверху страницы и слева на полях:> Почему стих Грибоедова шагнул так страшно далеко?> Стих и язык Грибоедова вовсе не художественно образцовые⁹⁶.

(С. 526, л. 263 об.)⁹⁷

<1.8.2> Стихотворения Дмитриева, запечатленные умом, вкусом, острою и грациею, имели такой же успех и такое же влияние, как и проза Карамзина. Порожденные ими сентиментальность и мечтательность, несмотря на их смешную сторону, были великим шагом вперед для молодого общества.

<Внизу страницы:> Сентиментальность и м<еч>тательность вовсе не идут к Дмитриеву⁹⁸.

(С. 531, л. 266.)⁹⁹

<1.8.3> «Герой нашего времени» был новым «Онегиным»; едва прошло четыре года, — и Печорин уже не современный идеал.

<Справа на полях и внизу страницы:> Совр<емен>ный иде<ал> Бел<ин>ской<,> но р<адо>ват<ься> ли этому. Старые <иде>алы произвели хо<тя> несколько талант<ов>, а школа Белинского решилась разве Некрасовым.

(С. 523, л. 267.)¹⁰⁰

⁹⁶ Ср. в заметках Вяземского о «Горе от ума»: «<...> он пишет часто неправильно, но речь его бойка» (Ивинский 2020, 205 [здесь же примеч. 64]); ср. еще: «<...> Грибоедова <...> стихи, за исключением многих удачных и блестящих стихов в *Горе от ума*, вообще грубоваты и тяжеловаты» (Вяземский, 7, 341).

⁹⁷ В Светлов 2008 не указаны подчеркивания в текстах Белинского и Вяземского; слово «язык» зачем-то напечатано в квадратных скобках (333).

⁹⁸ Свое понимание личности И. И. Дмитриева Вяземский высказал в стихотворении «Дом Ивана Ивановича Дмитриева» (1860) (Вяземский 1862, 52–57) и в статьях «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» (1823, 1876) (Вяземский, 1, 112–166) и «Иван Иванович Дмитриев» (1866) (Вяземский, 7, 158–167).

⁹⁹ В Светлов 2008 не указаны подчеркивания в тексте Белинского; в тексте Вяземского напечатано «сентиментальность» вместо «сентиментальность» (333).

¹⁰⁰ В Светлов 2008 не указано подчеркивание в тексте Белинского; текст Вяземского дан с грубыми искажениями (и вновь со скобками неясного назначения), ср.: «Современные идеалы Белинского. [Радоваться] ли этому. Старые идеалы

<1.8.4>

Онегин презирал людей.
Но правил нет без исключений:
<... >
Он слушал Ленского с улыбкой:
<... >
**Онегину всё было ново;
Он охлаждающее слово
В устах старался удержать
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет,
Пускай покамест он живет
Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар, и юный бред.
Меж ними все рождало споры —
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые.
Судьба и жизнь, в свою череду,
Всё подвергалось их суду¹⁰¹.**

<Отчеркнуто с двух сторон на полях. Справа, слева на полях и внизу страницы:> Противоречие в Пушкине. Если все рождало споры, то, разумеется, было со стороны Онегина и охлаждающее слово, то есть мнения, не согласные с Ленским.

(С. 544, л. 272 об.)¹⁰²

произвели [хоть] несколько [талантов], а школа Белинского разрешилась разве Некрасовым» (334).

¹⁰¹ Белинский цитирует XIV–XVI строфы второй главы «Евгения Онегина» (1823–1824; Пушкин 1838–1841, 1, 43–44; впервые: Пушкин 1826, 19–21) как сплошной текст, т. е. без сохранения границ между ними и их нумерации.

¹⁰² В Светлов 2008 не указаны отчеркивания на полях, ряд стихов Пушкина при этом даны как подчеркнутые Вяземским (что не соответствует показаниям источника); не указаны подчеркивания в тексте Вяземского; последний прочитан с грубыми ошибками, ср.: «<... > было и со стороны Онегина охлаждающее слово, т. е. Онегин был не согласен с Ленским» (335).

<1.8.5> Поэт любил этот идеал, осуществленный им в Ленском, и в прекрасных строфах оплакал его:

Друзья мои, вам жаль поэта <...>¹⁰³.

<Справа на полях и внизу страницы:> **Вовсе не жаль, сказа<л> я однажды <Пуш>кину. Он р<ас>хохотался <сво>им добро-се<р>дечным и з<вон>ким хохот<ом.> Ты сам, г<ово>рил я ему, как-то на<сме>шливо отзывался о н<ем> и едва не вывел ли его романтической кар<ри>катурой**¹⁰⁴.

(С. 563, л. 282.)¹⁰⁵

<1.9> <Статья> IX

<1.9.1> **И самый отчаянный любезник, сидя с женщинами, как будто жертвует собою из вежливости; потом встает и с утомленным видом, словно после тяжелой работы, идет в комнату мужчин как бы для того, чтоб свободно вздохнуть и освежиться. В Европе женщина действительно царица общества: весел и горд мужчина, с которым она больше говорит, чем с другими. У нас наоборот: у нас женщина ждет, как милости, чтоб мужчина заговорил с нею; она счастлива и горда его вниманием. И как же быть иначе, если то, что называется тоном и любезностью, у нас заменено жеманством, если у нас все любят поэзию только в книгах, а в жизни боятся ее пуще чумы и холеры. Как вы подадите руку девушке, если она не сме-**

¹⁰³ Цитируется XXXVI строфа шестой главы «Евгения Онегина» (1826; Пушкин 1838–1841, 1, 163; впервые: Пушкин 1828a, 36).

¹⁰⁴ Позиция Вяземского, однако, к этому замечанию не сводилась, ср. в его письме к А. И. Тургеневу от 6 января 1827 г., отправленном вскоре после первого знакомства с текстом шестой главы романа в стихах: «Пушкин кончил шестую песнь Онегина. Есть прелести образцовые. Уездный, деревенский бал уморительно хорош. Поединок двух друзей, Онегина и Ленского, и смерть последнего, описание превосходное. Поэтическая живость и прозаическая верность соединяются в одном ярком свете, в поразительной истине. Убитого Ленского сравнивает он с домом опустевшим: стекла забелены, ставни закрыты — хозяйки нет, а где она, никто не знает. Как это все сказано, как просто и сильно, с каким чувством» (АБТ, 6, 55).

¹⁰⁵ В Светлов 2008 в тексте Вяземского ошибочно напечатано «захохотал» вместо «р<ас>хохотался», «едва ли не» вместо «едва не», «романтической кар [икатурой] [и стихом]» вместо «романтической кар<ри>катурой» (336). Происхождение этого «и стихом» остается неясным: в источнике ничего подобного нет.

ет опереться на нее, не испросив позволения у своей маменьки? Как вы решитесь говорить с нею много и часто, если знаете, что за это сочтут вас влюбленным в нее или даже и огласят ее женихом? Это значило бы скомпрометировать ее и самому попасть в беду.

<Отчеркнуто слева на полях слева. Там же и внизу страницы:> <В>здор. <Т>ль<к>о у <н>ас <ж>енщи<на> со<х>раня<е>т <св>ое <ва>ия<н>ие и господство, по крайней мере если не самовластно, то относительно.

<На полях слева против подчеркнутых слов:> За чем же опираться<?>

(С. 566, л. 283 об.)¹⁰⁶

<1.9.2> У нас «прекрасный пол» существует только в романах, повестях, драмах и элегиях, но в действительности он разделяется на четыре разряда: на девочек, на невест, на замужних женщин и, наконец, на старых дев и старых баб. Первыми, как детьми, никто не интересуется; последних все боятся и ненавидят (и часто поделом); следовательно, наш прекрасный пол состоит из двух отделов: из девиц, которые должны выйти замуж, и из женщин, которые уже замужем. Русская девушка — не женщина в европейском смысле этого слова, не человек: она не что другое, как *невеста*. Еще ребенком она называет своими женами всех мужчин, которых видит в своем доме, и часто обещает выйти замуж за своего *папашу* или за своего *брата*; еще в колыбели ей гово [567/568] рили и мать, и отец, и сестры, и братья, и мамки, и няньки, и весь окружающий ее люд, что она — невеста, что у ней должны быть женихи.

<Отчеркнуто справа на полях. С. 567, внизу страницы, справа на полях и вверху страницы:> Что за чепуха! И посл<е столь>ких нелепостей, котор<ых много у> Белинского, встречаю<т>ся люди, например Тургенев, которые говорят о Белинском как о ге<нии> нашей литературы.

¹⁰⁶ В Светлов 2008 не приведен полностью отчеркнутый на полях текст Белинского, не указаны само это отчеркивание и подчеркивания в этом тексте; текст Вяземского прочитан с ошибками, причем пометы, относящиеся к разным местам текста Белинского, объединены: «Зачем же и опираться? Вздор [положим у] нас женщина сохраняет уважение и господство, по крайней мере, если не самовластно, то относительно» (336).

<С. 568, вверху страницы:> Ну, это не беда, если говорили ей в колыбели. Какой <вез>де <нап>лыв <сл>ов со<вер>шенно по<то>пля<ю>щий <здр>авый <см>ысл.

(С. 567–568, 284–284 об.)¹⁰⁷

<1.9.3> Удивительно ли, что <...> выйти замуж — ее единственное страстное желание, <...> что вне этого она ничего не понимает, ни о чем не думает, ничего не желает и что на всякого неженатого мужчину она смотрит опять не как на человека, а только как на жениха? И виновата ли она в этом? С восемнадцати лет она начинает уже чувствовать, что она — не дочь своих родителей, не любимое дитя их сердца, не радость и счастье своей семьи, не украшение своего родного крова, а тягостное бремя, готовый залежаться товар, лишняя мебель, которая, того и гляди, спадет с цены и не сойдет с рук. Что же остается ей делать, если не сосредоточить всех своих способностей на искусстве ловить женихов? И тем более, что только в одном этом отношении и развиваются ее способности благодаря урокам «дражайших родителей», милых тетушек, кузин и т. д. За что больше всего упрекает и бранит свою дочь попечительная маменька? За то, что она не умеет ловко держаться, строить глазки и гримаски хорошим женихам, или за то, что расточает свою любезность перед людьми, которые не могут быть для нее выгодною партией. Чему она больше всего учит ее? [558/569] Кокетничать по расчету, притворяться ангелом, прятать под мягкою, лоснящеюся шерсткой кошачьей лапки кошачьи когти. И, какова бы ни была по своей натуре бедная дочь, она невольно входит в роль, которую ей дала жизнь и в тайнство которой ее так прилежно, так основательно посвящают. Дома ходит она неряхою, с непричесанною головою, в запачканном, узеньком и коротком платьишке линючего ситца, в стоптанных башмаках, в грязных, спустившихся чулках: в деревне ведь кто же нас видит, кроме дворни, — а для нее сто-

¹⁰⁷ В Светлов 2008 не приведен отчеркнутый на полях текст Белинского, не указаны само это отчеркивание и подчеркивания в этом тексте. Первая маргиналия Вяземского напечатана с неточностями, ср.: «Что за чепуха. И после таких нелепостей, которые у Белинского, встречаю[т]ся люди, например, Тургенев, который говорит: Белинский — [вождь] нашей литературы» (337). Вторая — и неточно и частично, с безосновательной ссылкой на невозможность прочтения «отрезанного текста»: «Ну это не беда, что в колыбели (далее текст отрезан)» (337).

ит ли рядиться? Но лишь вдоль дороги завиделся экипаж, обещающий неожиданных гостей, — наша невеста подымает руки и долго держит их над головою, крича впопыхах: *гости едут, гости едут!* От этого руки из красных делаются белыми: *затя сельской остроты!* Затем весь дом в смятении: маменька и дочка умываются, причесываются, обуваются и на грязное белье надевают шерстяные или шелковые платья, пять лет тому назад сшитые. О чистоте белья заботиться смешно: ведь белье под платьем, и его никто не видит, а рядиться — известное дело — надо для других, а не для себя. Но вот, рано или поздно, наконец, тайные стремления и жаркие обеты готовы свершиться: кандидат-невеста — уже действительная невеста и рядится только для жениха. Она давно его знала, но влюбилась в него только с той минуты, как поняла, что он имеет на нее виды. И ей кажется, что она действительно влюблена в него. Болезненное стремление к замужеству и радость достижения способны в одну минуту возбудить любовь в сердце, которое так давно уже раздражено тайными и явными мечтами о браке. Притом же, когда дело к спеху и торопят, то поневоле влюбитеесь сразу, не имея времени спросить себя, точно ли вы любите или вам только кажется, что любите... Но «дражайшие родители» учили свою [569/570] дочь только искусству во что бы ни стало выйти замуж; подготовить же ее к состоянию замужества, объяснить ей обязанность жены, матери, сделать ее способною к выполнению этой обязанности, — они не подумали. И хорошо сделали: нет ничего бесполезнее я даже вреднее, как наставления, хотя бы и самые лучшие, если они не подкрепляются примерами, не оправдываются в глазах ученика всею совокупностию окружающей его действительности. «Я вам пример, сударыня!» — беспрестанно повторяет диктаторским тоном мать своей дочери. И дочь преспокойно копирует свою мать, готова в своей особе свету и будущему мужу второй экземпляр своей маменьки. Если ее муж — человек богатый, он будет доволен своею женою: дом у них, как полная чаша, всего много, хотя все безвкусно, нелепо, грязно, пыльно, в беспорядке, вычищается только перед большими праздниками (и тогда в доме подымается возня, делается вавилонское столпотворение в лицах); дворня огромная, слуг бездна, а не у кого допроситься стакана воды, некому подать вам чашку чаю... А недавняя невеста, теперь молодая дама? О, она живет в «полном удовольствии!», она, наконец, достигла цели своей жизни — она

уже не сирота, не приемыш, не лишнее бремя в родительском доме: она хозяйка у себя дома, сама себе госпожа, пользуется полною свободою, — едет куда и когда хочет, принимает у себя кого ей угодно; ей уже не нужно более притворяться то невинною овечкою, то кротким ангелом; она может капризничать, падать в обмороки, повелевать, мучить мужа, детей, слуг. У ней бездна затей: карета — не карета, шаль — не шаль, дорогих игрушек вдоволь; она живет барыней-аристократкой, никому не уступает, но всех превосходит, и муж ее едва успевает закладывать и перезакладывать имение ... Дитя нового поколения, она убрала по возможности пышно, хотя и безвкусно, [570/571] залу и гостиную, кое-как наблюдает в них даже какую-то получистоту, полуопрятность: ведь это комнаты для гостей, комнаты парадные, комнаты напоказ; полное торжество грязи может быть только в спальней, в детской, в кабинете мужа, — словом, во внутренних комнатах, куда гости не ходят. А у ней беспрестанно гости, возле нее беспрестанно кружок; но она пленяет гостей своих не светским умом, не грациею своих манер, не очарованием своего увлекательного разговора, — нет, она только старается показать им, что у нее всего много, что она богата, что у ней все лучшее — и убранство комнат, и угощение, и гости, и лошади, что она не кто-нибудь, что таких, как она, немного ... Содержание разговоров составляют сплетни и наряды, наряды и сплетни. Бог благословил ее замужество: что ни год, то ребенок. Как же она будет воспитывать детей своих? Да точно так же, как сама была воспитана своею маменькою: (пока малы, они прозябают в детской, среди мамок и нянек, среди горничных, на лоне холопства, которое должно внушить им первые правила нравственности, развить в них благородные инстинкты, объяснить им различие домового от лешего, ведьмы от русалки, растолковать разные приметы, рассказать всевозможные истории о мертвецах и оборотнях, выучить их браниться и драться, лгать, не краснея, приучить беспрестанно есть, никогда не наедааясь. И милые дети очень довольны сферою, в которой живут: у них есть фавориты между прислугою и есть нелюбимые; они живут дружно с первыми, ругают и колотят последних. Но вот они подросли: тогда отец делай что хочешь с мальчиками, а девочек поучат прыгать и шнуроваться, немножко бренчать на фортепьяно, немножко болтать по-французски — и воспитание кончено; тогда им одна наука, одна забота — ловить женихов.

<Отчеркнуто на полях слева (с. 568), справа (с. 569), слева (с. 570), справа (с. 571).>

(С. 568–571, л. 284 об. — 286.)¹⁰⁸

<1.9.4> Конечно, из всего этого бывают исключения; но общество состоит из общих правил, а не из исключений, которые всего чаще бывают болезненными наростами на теле общества. Эту грустную истину всего лучше подтверждают собою наши так называемые «идеальные девы». Они обыкновенно страстные любительницы чтения и читают много и скоро, едят книги. Но как и что читают они, боже великий!.. Всего достолюбезнее в идеальных девах уверенность их, что они понимают то, что читают, и что чтение приносит им большую пользу. Все они обожательницы Пушкина, — что, однакож, не мешает им отдавать должную справедливость и таланту г. Бенедиктова, иные из них с удовольствием читают даже Гоголя, что, однакож, нисколько не мешает им восхищаться повестями гг. Марлинского и Полевого. Все, что в ходу, о чем пишут и говорят в настоящее время, все это сводит их с ума. Но во всем этом Они видят свою любимую мысль, оправдание своей настроенности, то есть идеальность, видят ее даже и там, где ее вовсе нет или где она осмеивается. У всех у них есть заветные тетрадки, куда они списывают стишки, которые им понравятся, мысли, которые поразят их в книге. Они любят гулять при луне, смотреть на звезды, следить за течением ручейка. Они очень наклонны к дружбе, и каждая ведет деятельную переписку с своей приятельницей, которая живет с нею в одной деревне, а иногда и в одном доме, только в разных комнатах. В переписке (огромными традициями) сообщают они друг другу свои чувства, мысли, впечатления. Сверх того, каждая из них ведет свой дневник, весь наполненный «выписными чувствами», в которых [573/ 574] (как во всех дневниках идеальных и внутренних натур мужеска и женска пола) нет ничего живого, истинного, только претензии и идеальничанье. Они презирают толпу и землю, питают непримиримую ненависть ко всему материальному. Эта ненависть у них часто простирается до желания вовсе отрешиться от материи. Для этого они морят себя голодом, не едят иногда по целой неделе, жгут на свечке пальцы, кладут себе на грудь под платье,

¹⁰⁸ В Светлов 2008 пропущено.

снегу, пьют уксус и чернила, отучают себя от сна; и этим стремлением к высшему, идеальному существованию до того успевают расстроить свои нервы, что скоро превращаются в одну живую и самую материальную болячку... Ведь крайности сходятся! Все простые человеческие и особенно женские чувства, как, например, страстность, способная к увлечению чувств, любовь материнская, склонность к мужчине, в котором нет ничего необыкновенного, гениального, который не гоним несчастней, не страдает, не болен, не беден, — все такие простые чувства кажутся им пошлыми, ничтожными, смешными и презренными. Особенно интересны понятия «идеальных дев» о любви. Все они — жрицы любви, думают, мечтают, говорят и пишут только о любви. Но они признают только любовь чистую, неземную, идеальную, платоническую, — Брак есть профанация любви в их глазах; счастье — опошление любви. Им непременно надо любить в разлуке, и их высочайшее блаженство — мечтать» при луне о предмете своей любви и думать: «может быть, в эту минуту и он смотрит на луну и мечтает обо мне; так, для любви нет разлуки!» Жалкие рыбы с холодной кровью, идеальные девы считают себя птицами; плавая в мутной воде искусственной нервической экзальтации, они думают, что парят в облаках высоких чувств и мыслей. Им чуждо все простое, истинное, задушевное, страстное; думая любить все [574/575] «высокое и прекрасное», они любят только себя, они не подозревают, что только тешат свое мелкое самолюбие трескучими шутихами фантазии, думая быть жрицами любви и самоотвержения. Многие из них не прочь бы и от замужества и при первой возможности вдруг изменяют свои убеждения и из идеальных дев скоро делаются самыми простыми бабами; но в иных способность обманывать себя призраками фантазии доходит до того, что они на всю жизнь остаются восторженными девственницами и таким образом до семидесяти лет сохраняют способность к сентиментальной экзальтации, к нервическому идеализму. Самые лучшие из этого рода женщин рано или поздно образумливаются; но прежнее их ложное направление навсегда делается черным демоном их жизни и, подобно остаткам дурно залеченной болезни, отравляет их спокойствие и счастье. Ужаснее всех других те из идеальных дев, которые не только не чуждаются брака, но в браке с предметом любви своей видят высшее земное блаженство: при ограниченности ума, при отсутствии вся-

кого нравственного развития и при испорченности фантазии, они создают свой идеал брачного счастья, и когда увидят невозможность осуществления их нелепого идеала, то вымещают на мужьях горечь своего разочарования.

Идеальными девами всех родов бывают по большей части девицы, которых развитие было предоставлено им же самим. И как винить их в том, что, вместо живых существ, из них выходят нравственные уроды? Окружающая их положительная действительность в самом деле очень пошла, и ими невольно овладевает неотразимое убеждение, что хорошо только то, что не похоже, что диаметрально противоположно этой действительности. А между тем самобытное, не на почве действительности, не в сфере общества совершающееся развитие всегда доводит до уродства. И, таким об [575/576] разом, им предстоят две крайности: или быть пошлыми на общий манер, быть пошлыми, как все, или быть пошлыми оригинально. Они избирают последнее, но думают, что с земли перепрыгнули за облака, тогда как в самом-то деле только перевалялись из положительной пошлости в мечтательную пошлость. И что всего грустнее: между подобными несчастными созданиями бывают натуры, не лишённые истинной потребности более или менее человечески разумного существования и достойные лучшей участи.

Но среди этого мира нравственно увечных явлений изредка удаются истинно колоссальные исключения, которые всегда дорого платятся за свою исключительность и делают жертвами собственного своего превосходства.

<Отчеркнуто на полях справа (с. 573), слева (с. 574), справа (с. 575), слева (с. 576).>

<С. 573, справа на полях вдоль текста:> Что за болтовня!

<С. 574, слева на полях вдоль текста и внизу страницы:> Какой сумбур! У Белинского везде где и есть мысль, она утопает в разливе слов. Так и видно, что он писал для журналов, т. е. продавал работу свою на вес, или на аршин¹⁰⁹.

<С. 574, справа на полях против подчеркнутого текста о «жалких рыбах»:>!

<С. 576, слева на полях:> Все это пустословие и многословие, пред которым поклоняется Тургенев, не говоря уже о толпе вралей, которые всякому вранью, особенно quasi философическому,

¹⁰⁹ Ср. Вяземский 2021, 70–72, 74 и выше, во вступительной статье.

quasi либеральному сочувствуют, как например дурак Пыпин и вся эта новейшая школа. — ¹¹⁰

(С. 573–576, л. 287–288 об.)¹¹¹

<1.9.5> Бывают на свете такие люди, в жизни и счастья которых смерть не производит ровно никакой перемены.

<Внизу и вверху страницы:> Кроме той, что из живого делает мертвым. Враль Белинский полагает, что он изрек глубокомысленное определение.

(С. 576, л. 288 об.)¹¹²

<1.9.6> Задумчивость была ее подругою с колыбельных дней, украшая однообразие ее жизни <...>.

<Справа на полях:> Ман<ер>но.

(С. 579, л. 290.)¹¹³

<1.9.7>

Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой¹¹⁴.

Эти два стиха, сказанные Пушкиным об Ольге, гораздо больше идут к Татьяне. Какие мотыльки, какие пчелы могли знать этот цветок или пленяться им? Разве безобразные слепни, оводы и жуки, вроде господ Пыхтина, Буянова, Петушкова и то-

¹¹⁰ Вряд ли можно сомневаться в том, что это относится не только к отчеркнутой Вяземским группе страниц 573–576, но и ко всем сочинениям Белинского.

¹¹¹ В Светлов 2008 не приведен полностью отчеркнутый на полях текст Белинского, не указаны границы этого отчеркивания и подчеркивания в этом тексте. Начало второй заметки дано с пропуском восклицательного знака: «Какой сумбур у Белинского»; слово «разливе» зачем-то заключено в квадратные скобки; третья помета (восклицательный знак, относящийся к «жалким рыбам») пропущена; в начало последней заметки перенесено относящееся к другому месту статьи Белинского замечание Вяземского «Кроме той, что из живого делает мертвым», что практически обесмысливает его текст. Вместо «философическому» напечатано «философскому», вместо «quasi» — «quazi», добавлено «и» перед «quasi либеральному» (337)

¹¹² В Светлов 2008 текст Вяземского разорван: первая фраза присоединена к другому его тексту (см. выше), вторая отнесена к другому месту статьи Белинского (338).

¹¹³ В Светлов 2008 не указано подчеркивание в тексте Белинского (339).

¹¹⁴ Из XXI строфы второй главы «Евгения Онегина» (Пушкин 1838–1841, I, 48; впервые: Пушкин 1826, 25).

му подобных? Да, такая женщина, как Татьяна, может пленять только людей, стоящих на двух крайних ступенях нравственного мира, или таких, которые были бы в уровень с ее натурою и которых так мало на свете, или людей совершенно пошлых, которых так много на свете. Этим последним Татьяна могла нравиться лицом, деревенскою свежестью и здоровьем, даже дикостью своего характера, в которой они могли видеть кротость, послушливость и безответственность в отношении к будущему мужу — качества, драгоценные для их грубой животности, не говоря уже о расчетах на приданое, на родство и т. п. Стоящие же в середине между этими двумя разрядами людей всего менее могли оценить Татьяну. Надобно сказать, что все эти срединные существа, занимающие место между высшими натурами и [580/581] чернию человечества, эти таланты, служащие связью гениальности с толпою, по большей части — все люди «идеальные», подстать идеальным девам, о которых мы говорили выше. Эти идеалисты думают о себе, что они исполнены страстей, чувств, высоких стремлений, но, в сущности, все дело заключается в том, что у них фантазия развита на счет всех других способностей, преимущественно рассудка. В них есть чувство, но еще больше сентиментальности и еще больше охоты и способности наблюдать свои ощущения и вечно толковать о них. В них есть и ум, но не свой, а вычитанный, книжный, и потому в их уме часто бывает много блеска, но никогда не бывает дельности. Главное же, что всего хуже в них, что составляет их самую слабую сторону, их ахиллесовскую пятку, — это то, что в них нет страстей, за исключением только самолюбия, и то мелкого, которое ограничивается в них тем, что они бездейственно и бесплодно погружены в созерцание своих внутренних достоинств. Натуры теплые, но так же не холодные, как и не горячие, они действительно обладают жалкою способностью вспыхивать на минуту от всего и ни от чего. Поэтому они только и толкуют, что о своих пламенных чувствах, об огне, пожирающем их душу, о страстях, обуревающих их сердце, не подзревая, что все это действительно буря, но только не на море, а в стакане воды. И нет людей, которые бы менее их способны были оценить истинное чувство, понять истинную страсть, разгадать человека, глубоко чувствующего, неподдельно страстно. Такие люди не поняли бы Татьяны: они решили бы все в голос, что если она не дура пошлая, то очень странное существо

и что, во всяком случае, она холодна, как лед, лишена чувства и неспособна к страсти. И как же иначе? Татьяна молчалива, дика, ничем не увлекается, ничему не радуется, ни [581/582] отчего не приходит в восторг <...>.

<Отчеркнуто на полях справа (с. 580) и слева (с. 581).>

<С. 580, слева на полях против отчеркнутого фрагмента и внизу страницы:> <О>пять <п>усто<сл>овие, <не> нуж<н>ое чи<т>ате<л>ю, а <н>ужное <а>втору, <ч>тобы <п>оста<в>ить столько-то обязательных страниц, заказанных подрядчиком-журналистом.

(С. 580–581, л. 290 об. — 291.)¹¹⁵

<1.9.8>

И завтра легкий суд молвы
Припишет модному герою
Победы новой торжество:
Любви вас ищет божество¹¹⁶.

Только едва ли найдет, прибавим мы от себя прозою. Нельзя не жалеть о поэте, который видит себя принужденным таким образом оправдывать свою героиню перед обществом — и в чем же? в том, что составляет сущность женщины, ее лучшее право на существование — что у ней есть сердце, а не пустая яма, прикрытая корсетом!.. Но еще более нельзя не жалеть об обществе <...>.

<Отчеркнуто слева на полях. На полях справа, внизу и вверху страницы:> И чт<о> нет <у> нее де<в>ствен<ной> сты<дли>вост<и>, нравственной прелести, котор<ую> сознавали и древние язычники. Белинский жалеет здесь, что Пушкин не дикарь.

(С. 595, л. 298.)¹¹⁷

<1.9.9> <...> старается он оправдать свою Татьяну... И зато с какою горечью говорит он о наших женщинах везде, где ка-

¹¹⁵ В Светлов 2008 отчеркнутый на полях текст приведен частично, не указаны границы этого отчеркивания.

¹¹⁶ Цитируется одна из «пропущенных строф», относящихся к третьей главе романа в стихах (Пушкин 1838–1841, 9, 461).

¹¹⁷ В Светлов 2008 не указаны отчеркивание на полях и подчеркивание в тексте Белинского. Первая фраза замечания Вяземского прочитана неверно до полной потери смысла, ср.: «И что нет у нее [девственности во стыде] <...>» (340).

сается общественной мертвенности, холода, чопорности и сущности! Как выдается вот эта строфа в первой главе «Онегина»:

Причудницы большого света!

Всех прежде вас оставил он.

<...>

Что вид их уж рождает сплин¹¹⁸.

<Отчеркнуто слева на полях.>

(С. 595–596, л. 298–298 об.)¹¹⁹

<1.9.10> И притом, в глухом лесу нашего общества, где бы и скоро ли бы встретила Татьяна другое существо, которое, подобно Онегину, могло бы поразить ее воображение <...>?

(С. 597, л. 299.)¹²⁰

<1.9.11> <...> книжное знакомство с <...> миром скорбей <...> испугало ее, <...> убедило ее в необходимости покориться действительности, как она есть, и если жить жизнью сердца, то про себя, во глубине своей души, в тиши уединения <...>.

<Справа на полях, против подчеркнутых слов:> Жить жиз<нию> сер<дца> во гл<уби>не д<уши!>

(С. 599, л. 300.)¹²¹

<1.9.12> В этом объяснении высказалось все, что составляет сущность русской женщины с глубокою натурою, развитою обществом, — все: и пламенная страсть, и задушевность простого, искреннего чувства, и чистота, и святость наивных движений благородной природы, и резонерство, и оскорбленное самолюбие, и тщеславие добродетелью, под которой замаскирована рабская боязнь общественного мнения и хитрые силлогизмы ума, светскою моралью парализовавшего великодушные движения сердца...

<Внизу и вверху страницы и справа на полях:> Да, ведь вы же, Господа, толкуете о всемогущес<тве>, о святости обществе<н-

¹¹⁸ Из XLII строфы первой главы «Евгения Онегина» (Пушкин 1838–1841, I, 23; впервые: Пушкин 1825, 33).

¹¹⁹ В Светлов 2008 пропущено.

¹²⁰ В Светлов 2008 пропущено.

¹²¹ В Светлов 2008 неверно определены границы подчеркнутого фрагмента текста Белинского.

но>го мнения. По мнению критика, великодушное движение сердца <за>ключается в том <что>бы зам<уж>няя <жен>щин<а от>дала<сь> любо<вни>ку.

(С. 599, л. 300.)¹²²

<1.9.13> В самом деле, Онегин был виноват перед Татьяной в том, что он не полюбил ее *тогда*, как она была *моложе* и *лучше* и любила его! Ведь для любви только и нужно, что молодость, красота и взаимность! Вот понятия, заимствованные из плохих сентиментальных романов! Немая деревенская девочка с детскими мечтами — и светская женщина, испытанная жизнью и страданием, обретшая слово для выражения своих чувств и мыслей: какая разница! И все-таки, по мнению Татьяны, она более способна была внушить любовь тогда, нежели теперь, потому что она тогда была *моложе* и *лучше!* Как в этом взгляде на вещи видна русская женщина!

<Справа между строк, слева и справа, вновь слева на полях и внизу страницы:> Как в этом взгляде на <вещи видно, что Белин>ский враль, который не знает ни жизни, ни света. Как будто женщины не все одинаково, с какой общественной ступени их не бери, не дорожат своею красотой и молодостью. <Т>о ли <д>ело <п>оло<б>ить <с>тару<х>у с <п>ротивною <р>ожею и к Вам <р>авнодушную. В самом деле, как глупы понятия сентиментальных романов в сравнении с понятиями критика.

(С. 600, л. 300 об.)¹²³

<1.9.14> Основная мысль упреков Татьяны состоит в убеждении, что Онегин потому только не полюбил ее тогда, что в этом не было для него очарования соблазна; а теперь приводит к ее ногам жажда скандальной славы. Во всем этом так и пробивается страх за свою добродетель ...

¹²² В Светлов 2008 не отмечено подчеркивание в тексте Вяземского, вместо «о святости» дано «и святости», а окончание предложения прочтено фантастически неадекватно, ср.: «<... > заключается в том, чтобы заменяя мужчин, даю[т] любо[вни]ку» (341). Оставшийся текст извлечен из этого контекста и подан в качестве отдельной маргиналии (342).

¹²³ В Светлов 2008 не указаны подчеркивания в тексте Белинского; текст Вяземского приведен частично и с неточностями: «Как в этом взгляде на ... [то ли] дело полюбить старуху с противной рожею и к Вам равнодушную. В самом деле как глупы понятия сентиментальных романов в сравнении с понятиями критика» (341).

<Отчеркнуто справа на полях. Там же:> Нисколько, а прямая истина и сознание, добытое опытностью жизни.

(С. 601, л. 301.)¹²⁴

<1.9.15>

**Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?**¹²⁵

<Отчеркнуто слева на полях. Там же:> Именно.

(С. 601, л. 301.)¹²⁶

<1.9.16>

**Когда б в моей лишь было власти
Я предпочла б обидной страсти
И этим письмам и слезам.**¹²⁷

<Отчеркнуто справа на полях.>

(С. 601, л. 301.)¹²⁸

<1.9.17> В этих стихах так и слышится трепет за свое доброе имя в большом свете, а в следующих затем представляются неоспоримые доказательства глубочайшего презрения к большому свету...

<Внизу страницы:> Презрение не к большому свету, а, при всей любви, почти¹²⁹ презрение к человеку, который увлекается не столько страстью, сколько светскими соблазнами.

(С. 601, л. 301.)¹³⁰

¹²⁴ В Светлов 2008 не отмечено отчеркивание текста Белинского на полях (342).

¹²⁵ Из XLIV строфы восьмой главы «Евгения Онегина» (Пушкин 1838–1841, 1, 231; впервые: Пушкин 1832, 44).

¹²⁶ В Светлов 2008 отчеркнутые Вяземским на полях стихи Пушкина напечатаны как подчеркнутые; после слова, вписанного Вяземского поставлен восклицательный знак, отсутствующий в источнике (342).

¹²⁷ Из XLV строфы восьмой главы «Евгения Онегина» (Пушкин 1838–1841, 1, 232; впервые: Пушкин 1832, 45).

¹²⁸ В Светлов 2008 к этому месту отнесена часть текста Вяземского, относящегося к другому фрагменту статьи Белинского (см. <1.9.17>), ср.: «Не столько страстью, сколько светскими соблазнами» (343).

¹²⁹ Это слово вписано, вероятно по ходу набрасывания текста.

<1.9.18> Татьяна не любит света и за счастье почла бы навсегда оставить его для деревни; но пока она в свете — его мнение всегда будет ее идолом, и страх его суда всегда будет ее добродетелью ...

<<>А счастье было так возможно.

<...>

*Но я другому отдана,
Я буду век ему верна*¹³¹.

Последние стихи удивительны <...>. Вот истинная гордость женской добродетели!

<Вверху страницы, слева на полях и внизу страницы:> Прелюбодейание, даже и у древних язычников, считалось стыдом и преступлением. Белинского нравственные требования негодуют на Татьяну за то, что она не заворотила подол. Белинскому хотелось бы видеть в Татьяне потаскушку.

(С. 602, л. 301 об.)¹³²

<1.9.19> «Но я другому отдана» — именно *отдана*, а не отда-лась! Вечная верность — кому и в чем?

<Вверху страницы:> Что за грубость и дичь в понятиях и в чувстве, что за циническая животность.

(С. 603, л. 302.)¹³³

<1.9.20> Татьяна невольно напомнила гам Веру в «Герое нашего времени» <...>, женщину слабую по чувству, всегда уступающему ему, и прекрасную, высокую в своей слабости. <...> Вера —

¹³⁰ В Светлов 2008 не указано подчеркивание в тексте Белинского; текст Вяземского дан с неточностями, с изъятием слова «увлекается» и при этом обесмыслен разбивкой на две части, отнесенные к разным местам текста Белинского, ср.: «Презрение не к большому свету, а при всей любви почти презрение к человеку, который ... ». Тут же без всяких на то оснований утверждается: «Далее текст срезан» (343): не срезан, а просто продолжен в другом месте страницы, где не было печатного текста.

¹³¹ Из XLVII строфы восьмой главы «Евгения Онегина» (Пушкин 1838–1841, 1, 233; впервые: Пушкин 1832, 47).

¹³² В Светлов 2008 не указаны подчеркивания в текстах Белинского и цитируемого им Пушкина; в тексте Вяземского опущены знаки препинания в первой фразе, слово «заворотила» взято в квадратные скобки (344).

¹³³ В Светлов 2008 не указаны подчеркивания в текстах Белинского и Вяземского; текст Вяземского прочитан с ошибками: «[дикость]» (в очередной раз с ненужными скобками) вместо «дичь», и «уличная» вместо «циническая» (344).

больше женщина ... но зато и больше исключение, тогда как Татьяна — тип русской женщины ...

<Внизу страницы:> Критик изучал женщин в среде [ме<щанок>] кухарок и уличных потаскушек.

(С. 603, л. 302.)¹³⁴

<1.9.21> **Итак, в лице Онегина, Ленского и Татьяны Пушкин изобразил русское общество в одном из фазисов его образования, его развития, и с какою истиною, с какою верностью, как полно и художественно изобразил он его! Мы не говорим о множестве вставочных портретов и силуэтов <...>.**

<Отчеркнуто слева на полях.>

(С. 604, л. 302 об.)¹³⁵

<1.10> <Статья> X

«Борис Годунов»

<1.10.1> **У Карамзина ни в чем нет середины: у него нет людей, а есть только или герои добродетели, или злодеи. Этот мелодраматизм простирается до того, что одно и то же лицо у него сперва является светлым ангелом, а потом черным демоном.**

<Отчеркнуто слева на полях.>

(С. 614, л. 307 об.)¹³⁶

<1.10.2> **Нет, народ никогда не обманывается в своей симпатии и антипатии к живой власти: его любовь или его нелюбовь к ней — высший суд! Глас божий — глас народа!**

Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая — **властолюбие**.

<Отчеркнуто справа на полях. Справа на полях, внизу и сверху страницы:> Пошлость. Большинство голосов вовсе не ручательство за истину. Нет сомнения, что большинство человечества составлено из людей слабоумных и недобросовестных. Умные и истинно добродетельные люди везде и всегда были редки.

(С. 621, л. 311.)¹³⁷

¹³⁴ В Светлов 2008 не указано подчеркивание в тексте Белинского; в тексте Вяземского не зафиксировано зачеркнутое (344).

¹³⁵ В Светлов 2008 пропущено.

¹³⁶ В Светлов 2008 пропущено.

¹³⁷ В Светлов 2008 опущено слово «Пошлость» (346).

<1.10.3> Естественно, у кого нет <...> веками права законного наследия, — тому <...> остается опереться только на право личного превосходства <...>, на право гения. Только на условии этого права толпа согласится <...> признать владычество человека, который <...> еще вчера стоял наравне с нею. Было ли за Годуновым это право? — Нет! — И вот где разгадка его <...> исторической судьбы: он хотел играть роль гения, не будучи гением, — и за то пал трагически <...> ...

<Между строк, внизу и вверху страницы:> Вздор, если, пожалуй, он и не был гением, то все же был он выше среды, окружающей его, и выше народа, над которым он господствовал.

(С. 622, л. 311 об.)¹³⁸

<1.10.4> Как правитель <...>, Годунов обнаружил много ума и много способности, но нисколько гения.

<Внизу страницы:> А что есть Гений? Как определить его?

(С. 623, л. 312.)¹³⁹

<1.10.5> Он <Годунов> был только умнее своего времени, но не выше его.

<Внизу страницы:> Как же не выше, ес<ли> умнее?

(С. 631, л. 316.)¹⁴⁰

<1.10.6> Словом, он <Годунов> был только замечательный, а не великий человек, умный и талантливый администратор, но не гений.

(С. 633, л. 317.)¹⁴¹

<1.10.7> Итак, верно понять Годунова исторически и поэтически — значит понять необходимость его падения равно в обоих случаях: виновен ли он был в смерти царевича, или невинен. А необходимость эта основана на том, что он не был гениальным человеком, тогда как его положение непременно требовало от него гениальности. Это просто и ясно.

¹³⁸ В Светлов 2008 не указано подчеркивание в тексте Белинского; текст Вяземского приведен с немотивированными изъятиями и перестановкой: «Вздор, пожалуй, он и не был гением, то все же он был выше народа, над которым он господствовал» (346).

¹³⁹ В Светлов 2008 не указаны подчеркивания в текстах Белинского и Вяземского (347).

¹⁴⁰ В Светлов 2008 не указаны подчеркивания в текстах Белинского и Вяземского (347).

¹⁴¹ В Светлов 2008 пропущено (347).

Отчего же не понял этого Пушкин?

<Между строк, внизу страницы, справа на полях иверху страницы:> Просто и ясно здесь, что автор поминутно повторяется. завирается. От того Пушкин не так это понял, потому что так понял Белинской. У Пушкина ум был светлый и здравый, а у Белинского ум был как-то крив, и потому односторонен.

(С. 633, л. 317.)¹⁴²

<1.10.7> Пушкин до того вошел в ее дух, до того проникнулся им, что сделался решительным рыцарем истории Карамзина и оправдывал ее не просто как историю, но как политический и государственный коран, долженствующий быть пригодным, как нельзя лучше, и для нашего времени, и остаться таким навсегда.

<Между строк, внизу иверху страницы:> То ли было бы с Пушкиным, если Бог сподобил бы его угадать школу Белинского, а позднее завербовать себя под ее указкою.

(С. 636, 318 об.)¹⁴³

<1.10.8> Довольно уже расточено было <...> похвал <...> на сцену в келье Чудова монастыря <...>... В самом деле, эта сцена <...> в художественном отношении, **по строгости стиля, по неподдельной и неподражаемой простоте выше всех похвал. Это что-то великое, громадное, колоссальное, никогда не бывалое, никем не предчувствованное. Правда, Пимен уж слишком идеализирован в его первом монологе, и потому чем более поэтического и высокого в его словах, тем более грешит автор против истины и правды действительности <..>.**

<Отчеркнуто слева на полях. Там же:> Набор слов, а не критическая оценка.

(С. 638, л. 319 об.)¹⁴⁴

<1.10.9> Вообще, вся эта превосходная сцена <<Ночь. Келья в Чудовом монастыре>> <...> показала, как <...> должны писать-

¹⁴² В Светлов 2008 не обозначено подчеркивание в тексте Белинского; в тексте Вяземского «здесь» в привычно-ненужных квадратных скобках.

¹⁴³ В Светлов 2008 в текст Вяземского вставлено после первых двух слов отсутствующее в источнике «дело» (348).

¹⁴⁴ В Светлов 2008 неточно указаны границы отчеркнутого Вяземским на полях текста Белинского; фраза о «великом, колоссальном» подчеркнута (в оригинале подчеркиваний нет) (349).

ся драматические сцены из русской истории, <...> и если не навсегда, то надолго убила возможность таких сцен в русской литературе, потому что скоро ли можно дождаться такого таланта, который после Пушкина мог бы подвизаться на этом поприще?.. А при этом еще нельзя не подумать, не истощил ли Пушкин своею трагедиею всего содержания русской жизни до Петра Великого, так что касаться других эпох и других событий исторических значило бы только с другими именами и названиями повторять одну и ту же основную мысль и потому быть убийственно однообразным?..

<Отчеркнуто слева на полях. Там же:> <А>лексей Тол<с>той <д>умал <не> так.

(С. 642, л. 321 об.)¹⁴⁵

<1.11> <Статья> XI

«Домик в Коломне». — «Родословная моего героя» (Отрывок из сатирической поэмы). — «Медный Всадник». — «Голуб». — «Египетские ночи». — «Анджело». — «Сцена из Фауста». — «Пир во время чумы». — «Моцарт и Сальери». — «Скупой рыцарь». — «Русалка». — «Каменный гость». — «Сцена из рыцарских времен». — Сказки <...>. — Повести <...>. — «Летопись села Горохина». — «Кирджали». — «История Пугачевского бунта». — Журнальные статьи. — Заключение.

<1.11.1> Многим показалось ужасно остроумною выходка о демократическом копыте осла, лягающего геральдического льва, и они так восхитились ею, что поверили древности этого геральдического льва, по наивному незнанию, что существование нашей геральдики есть искусственное и не простирается даже за полувек от настоящего дня... От этих стихов так и ве-

¹⁴⁵ В Светлов 2008 неточно указаны границы отчеркнутого Вяземским на полях текста Белинского; текст Вяземского интерпретирован неверно, ср.: «Алексей Толстой думал так» (349). Никакой возможности предполагать, что Вяземский мог отождествлять позиции Белинского и А. К. Толстого по этому вопросу нет: если бы последний считал, что «Борис Годунов» «истощил» возможности русского театра, он, конечно, не стал бы писать свою «драматическую трилогию»; восстанавливаемое нами «не» было срезано переплетчиком, и нетрудно определить, глядя на оригинал, что две буквы без труда умещаются перед «так», которое, не будь перед ним «не», было бы меньше сдвинуто вправо (ср. <1.5.10>).

ет «Литературною газетою» 1830 года. Ничего не может быть нелепее, как приложение к нашему русскому быту фактов истории Западной Европы <...>.

<Отчеркнуто справа на полях. Там же:> Белинский вст<у>пил-с<я> за дем<о>кратическое копыто, словн<о> обиженная личность.

(С. 655, л. 328.)¹⁴⁶

<1.11.2> Один находит свою страсть, пафос своей жизни в науке, другой в искусстве, третий в гражданской деятельности и т. д.

<Справа на полях:> Что <за> вычурное <и> нелеп<ое> вы-раж<е>ние.

(С. 695, л. 348.)¹⁴⁷

<1.11.3> Дубровский — pendant к «Капитанской дочке». В обеих преобладает пафос помещичьего принципа <...>.

<Отчеркнуто слева на полях. Там же:> <О> пять пафос.

(С. 698, л. 349 об.)¹⁴⁸

<1.11.4> Об «Истории Пугачевского бунта» мы не будем распространяться. Скажем только, что этот исторический опыт — образцовое произведение и со стороны исторической, и со стороны слога. В последнем отношении, Пушкин вполне достиг того, к чему Карамзин только стремился.

<На полях справа:>?

(С. 699, л. 350.)¹⁴⁹

<1.11.15> В журнальных статьях своих Пушкин отразился со всеми своими предрассудками: в них виден человек, не чуждый образованности своего века, но по какому-то странному упорству добровольно оставшийся при идеях Карамзина, очень почтенных... для своего времени, которое давно прошло. По этому и по другим причинам многие из его журнальных статей ниже

¹⁴⁶ Светлов 2008, 350: неточно определены границы отчеркнутого Вяземским на полях текста Белинского, не отмечено отчеркивание в тексте Вяземского; перед «словно» добавлено «[так]» (вероятно, в данном случае скобки обозначают «конъектуру», которая здесь не нужна).

¹⁴⁷ Светлов 2008, 350: пропущено «<и> нелеп<ое>».

¹⁴⁸ Светлов 2008, 350: не отмечено отчеркивание на полях.

¹⁴⁹ Светлов 2008, 350: не отмечено подчеркивание в тексте Белинского.

всякой критики. Но некоторые из них во многих отношениях замечательны <...>.

<Отчеркнуто справа и слева на полях. Вверху страницы:> Но жаль, что не знаком ты с нашим петухом, т. е. жаль, что Пушкин не примкнул к идеям Белинского.

(С. 700, л. 350 об.)¹⁵⁰

Сочинения В. Белинского. С портретом автора и его факсимиле. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Часть девятая. М.: В типографии В. Грачева и Комп.<ании>, 1860.

<2> Сочинения князя В. Ф. Одоевского. Спб. 1844. Три части.

<2.1> Мы имеем причины думать, что на это фантастическое направление нашего даровитого писателя имел большое влияние Гофман.

<Вверху страницы и справа на полях:> Одоевский в некоторых п<о>вестях своих подражал Гофману. Однажды я сказал Пушкину, Одоевский с свои<ми> сказками гофманские ка<пли>. Скажи уже, быстро прервал меня Пушкин: Гофманская капля¹⁵¹.

(С. 53, л. 27.)¹⁵²

<3> Семейство или домашние радости и огорчения. Роман шведской писательницы Фредерики Бремер. Перев.<од> с подлинника. Спб. 1842.

<3.1> <...> в каждой книжке «Современника» <...> читатели его находили повесть г.<осподина> Основьяненко <...>.

<Справа на полях:> <<>Совреме<н>ник<>>, из<да>ваемый Плетн<е>вым¹⁵³.

(С. 71, л. 36.)

¹⁵⁰ Светлов 2008, 351: неточно указаны границы отчеркнутого на полях текста.

¹⁵¹ Ср.: «Мне рассказывали, будто из-за этого подражания писателю Гофману, так равно из-за постоянного лечения себя гофманским эфиром Пушкин прозвал Одоевского “Гофманскою каплею”» (Арнольд, 2, 201).

¹⁵² Светлов 2008, 351: «с своими» прочитано как «[со] своими»; в привычные ненужные скобки заключено также «быстро».

¹⁵³ П. А. Плетнев издавал «Современник» в 1837 г. вместе с Вяземский, Жуковский, А. А. Краевским и В. Ф. Одоевским, с 1838 по 1846 — самостоятельно. Произведения Г. Ф. Квитки-Основьяненко (1778-1843) печатались в журнале начиная с 1837 г.

<3.2> Это, разумеется, столько же выгодно для романа, сколько вредно для читателей, особенно читательниц¹⁵⁴ без приданого: бедняжки сейчас ударятся в розовые мечты о счастье <...>.

(С. 73, л. 37.)¹⁵⁵

<4> Басни И. А. Крылова. В девяти книгах. Спб. 1844.

<4.1> <...> он и в переводах и в подражаниях не мог и не умел не быть оригинальным и Русским в высшей степени. Такая уж у него русская натура! Посмотрите, если прозвище «дедушки», которым так ловко окрестил его князь Вяземский в своем стихотворении, не сделается народным именем Крылова во всей Руси!

<Отчеркнуто справа на полях.>

(С. 79, л. 40.)¹⁵⁶

<5> Герой нашего времени. Соч.<инение> М. Лермонтова. Издание третье. Спб. 1843. Две части.

<5.1> И как кстати явилось это третье издание — именно как будто для того, чтобы резче выказать литературную нищету настоящего времени <...>.

<Справа на полях и внизу страницы:> Зачем же та<к> издева<т>ся над старым врем<е>нем, когда наст<о>ящее, по вашему же мнению, оказывается нищим.

(С. 81, л. 41.)¹⁵⁷

<5.2> Лук богатыря лежит на земле, но уже нет другой руки, которая натянула бы его тетиву и пустила под небеса пернатую стрелу... И этот гений, эта великая духовная сила привязана к скудельному организму личности человека: не стало человека — и нет уже в мире его силы...

<Отчеркнуто слева на полях. Между строк, слева на полях и внизу страницы:> Чему же удивляется Белинский, что люди, раз умершие, уже не пишут.

(С. 82, л. 41 об.)¹⁵⁸

¹⁵⁴ Не можем полностью исключить случайное движение карандаша.

¹⁵⁵ В Светлов 2008 пропущено.

¹⁵⁶ Светлов 2008, 352: неверно указаны границы отчеркнутого Вяземским текста.

¹⁵⁷ Светлов 2008, 352: в тексте Белинского «настоящего» прочитано как «нашего», «выказать» — как «высказать», в тексте Вяземского «нищим» заключено в привычно ненужные квадратные скобки.

<6> Старинная сказка об Иванушке Дурачке, рассказанная московским купчиною Николаем Полевым. Лета 1844. В друкарне Матвея Ольхина, в городе Петербурге. Цена 30 коп. сер.<сбром> продается везде, и на Апраксином Дворе.

<6.1> В двадцатых годах текущего столетия, в русской литературе совершилась реакция духу подражательности литературе XVIII века. Эта реакция явилась под именем «романтизма».

<Внизу страницы:> Эта реакция была не реакцией, а просто подражание тому, что делалось в Европе, а особенно во Франции.

(С. 156, л. 78 об.)¹⁵⁹

<7> Стихотворения В. Жуковского. Том девятый. Спб. 1844.

<7.1> По->видимому, как много произвела бездарность Сумарокова и Хераскова, а между тем это — оптический обман <...>.

<Внизу страницы и справа на полях:> Один раз упомянуть бы о Сумарокове и Хераскове, да <и> полно. А они с пера Белинско<го> не сходят¹⁶⁰, хоть оценены были и прежде его¹⁶¹.

(С. 177, л. 89.)¹⁶²

¹⁵⁸ Светлов 2008, 353: неверно указаны границы отчеркнутого Вяземским текста Белинского, перед «и нет уже» пропущено тире.

¹⁵⁹ Светлов 2008, 353: только слово «реакция» указано как подчеркнутое Вяземским.

¹⁶⁰ См. в т. ч.: Белинский 1859–1862, 9, 167 (ироническое замечание об «образцовой» херасковской эпопее), 178 (о необходимости переиздания сочинений русских писателей XVIII в., в т. ч. бездарных Сумарокова и Тредиаковского), 181 (Сумароков и Херасков упомянуты в числе поэтов, забытых всеми, кроме «почтенных пожилых людей», которые продолжают считать их «великими писателями»), 182 (о том, что сочинения Сумарокова и Хераскова «не лишены своего интереса», но чисто исторического).

¹⁶¹ Вероятно, Вяземский имеет в виду статьи А. Ф. Мерзлякова (в т. ч.: Мерзляков 1812, 78–79, 84–86, 93–100, 102–103; Мерзляков 1815) и свои собственные, см. в т. ч. о Сумарокове: Вяземский 1818; Вяземский 1830). Отношение Вяземского к Хераскову сложное. С одной стороны, ему принадлежит целый ряд иронических отзывов об авторе «Россияды» (ср.: «О Хераскове можно сказать, что он сохранил до старости холодность, заметную в первых стихах его молодости» [Вяземский, 8, 11]; «Вода стихотворства, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное!» [Вяземский, 8, 15]; «Херасков чудесное, смелое рассказывает всегда, как дети рассказывают свои сны с оговоркою: будто. <<>И будто трубный глас восстал в пещерах мрачных, / И будто возгремел без молний гром в дали, / И будто бурная свирепствуя вода, / От солнечных лучей, как будто от огня<>>. Будто это поэзия!» [Вяземский, 8, 18]). С другой стороны, Вяземский, включавший Хераскова в «<...> соединение имен, коими наиболее гордятся летописи словесности нашей» (Вяземский, 5, 170), зафиксировал особое внимание к Хераскову (как и к ряду других старших поэтов, в т. ч.

<7.2> Как бы чувствуя сам, что уже прошло время для романтической поэзии, Жуковский <...> является теперь на поэтическом поприще более как ветеран поэзии <...>.

<Внизу страницы, справа на полях,верху страницы:> Почему прошло? Поэзия всегда останется поэзией. Во всякое время, а не только наше были <лю>ди, которые не чувствовали прелести ее. *Sonate, que me veux*<->tu? Сказано давно и повторяется ныне¹⁶³.

(С. 185, л. 93.)¹⁶⁴

<8> Русский театр в Петербурге

<8.1> Литература наша заснула непробудным сном <...>.¹⁶⁵

(С. 213, л. 107.)

<9> Русская литература в 1844 году

<9.1> И добро бы реформа стиха ограничивалась только его фактурой: нет, самый тон поэзии, ее содержание, ее мотивы — все стало диаметрально противоположно прежней поэзии. Сколько уже времени до того Жуковский писал баллады! на них некоторые косились, хотя большинство читало их с одобрением; но лишь явился Пушкин, не написавший почти ни одной баллады, как бал-

к Сумарокову) по крайней мере двух поколений русских поэтов: «Если бы ныне допросить многих из так называемых критиков наших, которые повелительно рьят и судят о Ломоносове и о других, по их мнению, допотопных явлениях словесности нашей, то и они добросовестно должны были бы сознаться, что и им не пришлось читать ни Ломоносова, ни Петрова, ни Сумарокова, ни Хераскова, ни Богдановича, которых, однако же, перечитывали и изучали: Жуковский, Батюшков и Пушкин» (Вяземский, 5, 187).

¹⁶² Светлов 2008, 354: не указано подчеркивание в тексте Белинского; перед началом текста Вяземского поставлено ненужное многоточие, в самом этом тексте «хоть оценены были» неверно прочитано как «хотя оценки их были».

¹⁶³ Эта фраза, пользовавшаяся широкой известностью в России (см., напр.: Одоевский, I, 362; здесь же перевод), обычно приписывается Фонтенелю с указанием на Руссо, который процитировал ее в конце своей статьи «Соната» в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, реже — Вольтеру (как, напр., в статье А. А. Григорьева «Нигилизм в искусстве» [1862]).

¹⁶⁴ Светлов 2008, 354: не указано подчеркивание в тексте Белинского; текст Вяземского прочтен частично и с грубейшими искажениями: «Но элегия всегда останется поэзией во всякое время... а [лю]ди, которые не чувствовали прелести ее. *Sonata une me venutu* (звуки не доходят до меня (*итал.*). — А. С.), а потому...»; к этому прибавлено без каких-либо оснований: «Далее текст неразборчив».

¹⁶⁵ Едва ли не единственная мысль Белинского, с которой Вяземский был, вероятно, согласен; другое дело, что в этом «засыпании» он винил именно Белинского и его единомышленников и последователей.

лада сделалась любимым родом: все принялись за мертвецов, за кладбища, за ночных убийц; поднялись жестокие споры за балладу. Элегия напавала убила оду; уныние, грусть, *разочарование, сомнение*, сладостная лень, пьянство, похмелье, пиры, студентское удаальство, гамлетовское раздумье, разрушенные надежды, обманщица-жизнь, пена шампанского, разбойники, нищие, цыгане — вот что, как хозяйева, вошло во храм русской поэзии и гордо пальцем указало дверь прежним жрецам и поклонникам... Критика, дотоле скромная, покорная служительница авторитета и льстивая повторяльщица избитых общих мест, вдруг словно с цепи сорвалась. Она перевернула все понятия, ложью объявила то, что дотоле считалось истиною, назвала истиною то, что дотоле считалось ложью. Сумарокова провозгласила она бездарным писакою, под пару Тредьяковскому; поэмы Хераскова из *великих* произвела только в *тяжелые*; Петрова объявила надутым ритором в стихах; даже Ломоносова дерзнула поставить, как поэта и лирика, на весьма почтительное расстояние от Державина.

<Отчеркнуто слева на полях. Внизу страницы:> Все повторение сто раз уже сказанного критиком. Рас<с>кажи мне сказку про белого бычка.

(С. 232–233, л. 116 об.)¹⁶⁶

<9.2> Но, несмотря на все филиппики <...>, время <...> шло, унося с собою и вещи и людей, все изменяя в пользу нового на счет старого.

(С. 235, л. 118.)

<9.3> Да, понятна такая грусть, равно как и то, что поколение карамзинского периода нашей литературы проиграло тяжбу о своем первенстве скорее, нежели увидело и призналось, что его тяжба проиграна.

<Отчеркнуто слева на полях.>

(С. 236, л. 118 об.)

<9.4> <Пометы в тексте и текст на полях отсутствуют; в правом нижнем углу две косые черты с наклоном вправо и точка; если эта помета принадлежит Вяземскому, то его внимание мог при-

¹⁶⁶ Светлов 2008, 355–256: неверно указаны границы отчеркнутого Вяземским на полях текста Белинского.

влекть следующий текст:> Поэты пушкинской эпохи продолжали писать, но их стихотворения уже не возбуждали прежнего внимания, их имена уже потеряли свое прежнее очарование и перестали быть неоспоримым доказательством высокого достоинства пьес, под которыми они подписаны. В то же время явились в литературе совершенно новые имена, — между прочими гг. Кукольник и Бенедиктов, в сочинениях которых заметно было совершенно новое направление, совсем другой характер, нежели у поэтов пушкинской школы.

(С. 238, л. 119 об.)¹⁶⁷

<9.5> Романтическая критика явилась в такие баснословные, такие мифические времена русской литературы, как будто бы это было назад тому тысячу лет, хотя это было не более двадцати пяти лет назад.

<Слева на полях, внизу иверху страницы:> Что тут есть баснословного и мифического. У Белинского нет ни на что трезвого взгляда. Упоение его всегда изливается или желчью и бранью, или целованием руки и коленопреклонением, как у русского пьяного простолюдина.

(С. 240, л. 120 об.)¹⁶⁸

<9.6> <...> научиться повторять чужие слова, а вместе с тем и позапасть приличием и хорошим тоном. Выдержав первый иску́с, он в один прекрасный вечер робко, с замиранием сердца объявлял почтенному собранию, что он смастерил басенку, песенку, мадригал, сонетец или что-нибудь в этом роде и что при сочинении своей пьесы он *подражал* такому-то (тогда *сочинять* значило *подражать*, а *сочиняя* не *подражать*, или *сочинять* не *подражая* значило *буйствовать* и *вольнодумничать*). Почтенное собрание благосклонно соизволяло выслушать первый опыт юного пииты, потом начинало делать свои замечания о том, что хорошо и что нехорошо в пьесе. Сколько голов, столько умов: вследствие этой аксиомы в пьесе скромного пииты не оставалось почти ни одного незабраванного слова, и все осужденное он должен был переменить или исключить. Это повторялось несколько вечеров; наконец, стихотворение объявлялось годным для печати и по-

¹⁶⁷ В Светлов 2008 отсутствует.

¹⁶⁸ Светлов 2008, 357: в тексте Вяземского пропущено «русского».

мешалось в журнале. Это было родом рыцарского посвящения, и с той минуты новоставленник обязывался быть верным риторике, фразам, пиитическим вольностям, обязывался не иметь своего суждения до известных солидных лет, а до тех пор жить ходячими мнениями знаменитых и опытных литераторов. Один из замечательнейших поборников так называемого романтизма рассказывает презабавный анекдот из этих времен литературного патронажства: «Я помню, как однажды при мне, в обществе литераторов, читали стихи Пушкина “К морю” (они тогда не были еще напечатаны и только что явились в рукописи). Молодой человек, прочитавший их, застенчиво сказал, что это его произведение, и скромно просил совета, что ему исправить, и вообще можно ли напечатать их. Пошли толки! Один говорил то, другой другое; мнимый автор все отмечал, записывал, выслушал решительный приговор, что стихи недурны, но без исправления печатать их нельзя, и вдруг объявил, что это — стихи Пушкина! <...>».

<Отчеркнуто слева и справа на полях. Справа на полях:> Вс<е> бо<л>т<ов>ня<,> лож<ь> и пу<сто>слов<ие>.

(С. 241–242, л. 141.)¹⁶⁹

<9.7> Кроме этих двух писателей¹⁷⁰, в новой Франции не было ни одного нео-романтика.

<Справа на полях и внизу страницы:> Нап<ро>тив, очен<ь> мног<о>. Хороши ли были они, или нет, эт<о> другой вопрос.

(С. 245, л. 123.)¹⁷¹

<9.8> Наша романтическая критика <...> почитала своею обязанностью благоговеть и перед Шеллингом, об учении которого узнала она из французских газет.

<Слева на полях:> А Бе<л>инской <и>з <р>усских <ж>урнал<ов>.

(С. 246, л. 123 об.)¹⁷²

¹⁶⁹ Светлов 2008, 357–358: неверно указаны границы отчеркнутого Вяземским текста Белинского.

¹⁷⁰ Шатобриана (François-René, vicomte de Chateaubriand, 1768–1848) и Ламартина (Alphonse Marie Louis de Prat de Lamartine, 1790–1869).

¹⁷¹ Светлов 2008, 358: в тексте Вяземского «другое дело» вместо правильного «другой вопрос».

¹⁷² Светлов 2008, 358: подчеркивание в тексте Белинского не указано, при этом ошибочно сообщено об отчеркивании на полях, в действительности отсут-

<9.9> С этим романтизмом нас еще прежде познакомил Жуковский, и однакож Жуковского никто не называл романтиком, хотя он в тысячу раз более романтик, нежели Пушкин, которого все почитали творцом и представителем романтизма в русской литературе. Вот ясное доказательство, что спорили, сами не зная хорошо, о чем!

<Внизу страницы:> Кто же эти все?¹⁷³

(С. 248, л. 124 об.)¹⁷⁴

<9.10> Жадно перечитывая <...> всякое вновь появлявшееся стихотворение Пушкина, мы почти с таким же восторгом хватались за все, что выходило из-под пера Баратынского, <...> Языкова, Дельвига, <...> Подолинского, Веневитинова, Полежаева, Давыдова, Козлова, <...> Туманского, <...> Хомякова... e tutti quanti. Все <...> восхищало. Но более всего, после Пушкина, интересовали нас <...> стихотворения Баратынского, Веневитинова, Полежаева¹⁷⁵ и <...> Языкова.

(С. 249–250, л. 125–125 об.)¹⁷⁶

<9.11> В мелких стихотворениях Козлова есть мелодия стиха, но содержание их и однообразно, и не довольно существенно. — **Летучие стихотворения Давыдова — бивуачные импровизации. Давыдов и в поэзии был партизаном, как на войне. Нельзя лучше его успеть в поэзии, занимаясь ею между прочим, как одним из наслаждений жизни. — Дельвиг своею поэтической славой был обязан больше дружеским отношениям к Пушкину, и другим поэтам своего времени, нежели таланту.**

ствующем; текст Вяземского прочитан анекдотически неверно: «Белинский из русских бурлаков».

¹⁷³ Вяземский, не без оснований считал себя первым литературным критиком, связавшим творчество Пушкина с «романтизмом»; см. об этом: Ивинский 1994, 58–80; Ивинский 2003, 84–86. Но вопрос о первенстве и исключительности пушкинского романтизма Вяземский не склонен был решать слишком прямолинейно: в Пушкине он видел одновременно преемника и последователя Жуковского (подробнее об этом: Ивинский 2020, 112–113).

¹⁷⁴ Светлов 2008, 359: границы подчеркнутого Вяземским текста Белинского переданы неверно, при этом не отмечено двойное подчеркивание слова «все».

¹⁷⁵ Конечно, раздражение Вяземского вызвала попытка Белинского включить А. И. Полежаева в ряд истинных поэтов, биографически и литературно связанных с Вяземским.

¹⁷⁶ Светлов 2008, 359: границы подчеркнутого Вяземским текста Белинского переданы неверно.

Это была прекрасная личность, которую любили все близкие к ней; Дельвиг любил и понимал поэзию не в одних стихотворениях, но и в жизни, и это-то ошибочно увлекло его к занятию поэзией, как своим призванием; он был поэтическая натура, но не поэт. — Давно уже г. Подолинский начал писать все реже и реже, а наконец, и совсем перестал. Что это значит: неужели <...> потухло священное пламя вдохновения? Мы думаем, г.<осподин> Подолинский почувствовал сам, что он сделал все, что мог сделать, написал все, что мог написать.

<Отчеркнуто справа на полях двумя косыми чертами, первая с сильным наклоном вправо, вторая — влево.>

(С. 251, л. 126.)¹⁷⁷

<9.12> Призвание Баратынского было на рубеже двух сфер: он *мыслил стихами*, если можно так выразиться, не будучи собственно ни поэтом в смысле художника, ни сухим мыслителем. Стихотворения его не были ни стихотворным резонансом, ни художественными созданиями. Дума всегда преобладала в них над непосредственностью творчества. Почти каждое стихотворение Баратынского было порождено не стремлением осуществить идеальные видения фантазии художника, но необходимостью высказать скорбную мысль, навеянную на поэта созерцанием жизни. Эта мысль, или, лучше сказать, эта дума, всегда так тепла, так задушевна в стихах Баратынского; она обращается к голове читателя, но доходит до нее через его сердце. В думе Баратынского много *страдательного*, в обоих значениях этого слова: и в том, что в ней слышится страдание, и в том, что эта мысль не активная, а чисто пассивная.

<Отчеркнуто слева на полях.>

(С. 252, л. 126 об.)¹⁷⁸

<9.13> Стих Баратынского запечатлен одушевлением и чувством; иногда он не лишен даже силы выражения; словом, в стихе Баратынского есть поэзия, но как его второстепенное качество, и оттого он не художествен. К недостаткам стиха Ба-

¹⁷⁷ В Светлов 2008 отсутствует.

¹⁷⁸ Светлов 2008, 360: текст Белинского процитирован частично, отчеркивание на полях не указано, «он *мыслил стихами*» (в оригинале разрядка, которую мы заменили курсивом) отмечено как подчеркнутое Вяземским, что не соответствует действительности.

ратынского принадлежит местами прозаичность, местами неточность выражения. Вообще, поэзия Баратынского — не нашего времени; но мыслящий человек всегда перечтет с удовольствием стихотворения Баратынского, потому что всегда найдет в них человека — предмет вечно интересный для человека. В последнее время Баратынский писал мало; в его «Сумерках» есть несколько истинно прекрасных пьес, появившиеся затем стихотворения его довольно слабы. Он сделал все, что мог сделать для литературы; но, оплакивая его преждевременную смерть, мы скорбим о потере не только поэта, но и человека: в Баратынском оба эти имени слились нераздельно...

<Отчеркнуто справа на полях.>

(С. 253, л. 127.)¹⁷⁹

<9.14> <...> Пушкин видел вокруг себя все гениев да талантов. Вот почему он так охотно упоминал в своих стихах о сочинениях близких к нему людей, и <...> превозносил их поэтические заслуги:

Там *наш* Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой...¹⁸⁰

<Отчеркнуто слева на полях. Там же:> Просто похвала приятелям, а вообще не мнение. Следовательно, нечего ссылаться на них.
(С. 154, л. 127 об.)¹⁸¹

<9.15> <...> кто не знает этих стихов к Баратынскому, насчет его «Эды»:

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя Чухончка, ей-ей,

¹⁷⁹ В Светлов 2008 отсутствует.

¹⁸⁰ Белинский цитирует первую главу романа «Евгений Онегин» (Пушкин 1838–1841, I, 10; впервые: Пушкин 1825, 14–15).

¹⁸¹ Светлов 2008, 360: стихи Пушкина, приведенные Белинским (ему же или редактору его собрания принадлежит курсив в слове «наш»), не отмечены как отчеркнутые на полях; в тексте Вяземского «не мнение» дано как подчеркнутое, что не соответствует действительности.

*Гречанок Байрона милей,
А твой зоил — прямой Чухонец*¹⁸².

Как не сказать, что если все беспрекословно согласится с последним стихом, то едва ли кто согласится с третьим и четвертым? Но, чтоб показать дело во всей его ясности, выпишем послание Пушкина к г.<осподину> Языкову:

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою Камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не холодной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жажду свободной
Открытый в наши времена¹⁸³.

Это было писано в лето от Р. Х. 1826-е, и тогда нам, как и всем, очень нравилось, а теперь мы, как и все, спрашиваем самих себя: неужели это нам нравилось и как же это нам нравилось? Что такое, удалое послание, и почему же это только удалое, а вместе с тем и не ухорское, не забубённое? Что такое — буйство молодое? — В «Слове о Пълку Игореве» слова: буй и буесть употреблены в смысле храбрый, сильный, храбрость, богатыйрство; но в наше время буйство означает только ту добродетель, за которую сажают в тюрьму. И потом: что за эпитет — молодое буйство?

¹⁸² Белинский цитирует шуточное стихотворение Пушкина, обращенное к Баратынскому (1826; Пушкин 1838–1841, 3, 239 (под заглавием «К Б***»)); впервые: Пушкин 1829).

¹⁸³ Белинский приводит текст послания Пушкина «К Языкову» (Пушкин 1838–1841, 3, 156 (под заглавием «К Яз***»)); 1826; впервые: Пушкин 1827).

Хмельная брага — напиток, который сами наши поэты, вероятно, заменяли или английским портером, или кроновским пивом. Эпитет *разымчивый* происходит от глагола *разнимать, разбирать*; о пьяных говорят: эх его разнимает, эх его разбирает! Что такое *свободная жажда* — решительно не понимаем.

А между тем было время, когда все этим восхищались, не вникая слишком строго в смысл. В это золотое время быть поэтом — значило быть древним полубогом. И потому все бросились в поэты. *Стишки* были в страшной моде; их читали в книгах, из книг переписывали в тетрадки. Молодые люди бредили стихами, и чужими и своими: «барышни» были от стихов без ума. *Дева, луна, она, к ней, золотая лень, мечта, буйное разгулье, разочарование*, но в особенности *дева* и *луна* сделались постоянными темами, на которые наши поэты взапуски варили свои невинные упражнения в стихотворстве. Это было полное торжество самой бескорыстной любви к искусству и литературе.

(С. 255–256, л. 128–128 об.)

<Первый выделенный фрагмент отчеркнут справа и слева на полях, второй и третий — слева. Внизу страницы ко второму выделенному фрагменту:> Все это придирика к словам.

(С. 255, л. 128.)¹⁸⁴

<9.16> <...> многие пишут только для денег, в полном убеждении, что это гораздо и умнее и приличнее для взрослого человека, нежели писать из бескорыстного стремления прославить свое имя в кругу своих приятелей или плохими сочинениями действовать в пользу отечественной словесности. Люди с талантом и призванием пишут теперь из желания высказаться, и за свои труды хотят брать деньги, чтоб иметь возможность вполне посвятить себя литературе. И только немногие праведные души прошли чистыми чрез мутный поток времени и сохранили целомудрие и наивность романтической эпохи. Уже не вспоминая с умыслом о том, что они тогда кропали стишонки, которыми приобрели себе большую известность, — они тем не менее любят шивать жиденькие печатные тетрадки, набивая их разным

¹⁸⁴ Светлов 2008, 361–362: неверно указаны границы подчеркнутых Вяземским фрагментов текста Белинского; в тексте Вяземского «придирика» вместо «придирика».

невинным вздором в стихах и прозе и приправляя запоздалыми суждениями о литературе и устарелыми фразами о бескорыстной любви к литературе... Счастливые люди! им все кажется, что их время или еще не прошло, или опять скоро настанет...

<Отчеркнуто справа на полях. Вверху страницы:> Что же хорошего и в поденщиках литературных?

(С. 257, л. 129.)¹⁸⁵

<9.17> Стихи г.<осподина> Языкова очень слабы со стороны точности выражения. Это можно доказать множеством примеров. Вот несколько:

Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали ярким звуком.
Разгульных песен и стекла;
Как искры брызжащие стали
На поединке роковом,
Как очи, светлые вином,
Они пленительно блистали.¹⁸⁶

Что такое яркий звук разгульных песен? Есть ли какая-нибудь точность и какая-нибудь образность в этом выражении? И как могли звучать дни? И неужели искры только тогда пленительны, когда брызжут на роковом поединке?

<Отчеркнуто справа на полях.>

(С. 263, л. 132.)¹⁸⁷

<9.18> <...> «К иностранке» <...> может служить образцом всего лиризма г.<осподина> Хомякова <...>. <...>. Не будем говорить о том, что в этом стихотворении нет ни одного поэтического выражения, ни одного поэтического оборота, которые встречаются даже в стихотворениях г.<осподина> Бенедиктова <...>.

<Слева на полях, внизу и вверху страницы:> Напротив, стихотворение¹⁸⁸ переполнено поэтическими выражениями. Здесь го-

¹⁸⁵ В Светлов 2008 отсутствует.

¹⁸⁶ Белинский цитирует стихотворение Н. М. Языкова «К Вульффу, Тютчеву и Шепелеву» (впервые под другим названием: Языков 1826).

¹⁸⁷ Светлов 2008, 361: не отмечен отчеркнутый Вяземским текст Белинского.

¹⁸⁸ Речь идет о стихотворении А. С. Хомякова «Иностранка» (Хомяков 1832).

ворится об <А>лек.<сandre> Осиповне Россет¹⁸⁹, или Розетти¹⁹⁰, как ее также называли. Как же Белинскому, чуждому света, понять прелесть и своевременность этого стихотворения, посвященного красавице, обращавшей общее внимание.

(С. 278, л. 139 об.)¹⁹¹

<9.19> Задав себе глубокомысленный вопрос: любить или нет? — он <...> отвечает решительно: «нет!» Бедная <...> иностранка! Какого <...> сокровища любви лишилась она! <...> Нам как-то и скучно и совестно рассуждать о таких незамысловатых вещах; но быть так: начав, надо кончить <...>.

<Справа на полях:> А уж как чит<а>телю скучно.

(С. 279, л. 140.)

<9.20> <...>посмотрите же, как рассудителен <...> наш поэт; доказав себе <...>, что ему не следует любить иностранку, которая зевает, слушая его <...>, он так доволен собой, что в состоянии сейчас же сесть за стол и начать завтракать или обедать.

<Справа на полях:> Пошлость.

(С. 279, л. 140.)¹⁹²

<9.21> <...> берем на себя смелость спросить <...>: что такое *царь семихолмного хребта* и что такое *семихолмный хребет*? Что

¹⁸⁹ Как и Хомяков, Пушкин, Жуковский и др., Вяземский писал стихи к А. О. Смирновой (урожденной Россет, Россетти, 1809–1882) (Вяземский, 2, 42, 82, 122, 166, 273; 8, 235) и оставил краткие воспоминания о ней (Вяземский, 8, 233–235; впервые: Вяземский 1874б, 1337–1340).

¹⁹⁰ Россетти / Розетти — несложная игра, подразумевающая возможность комплиментарного уподобления *девы розе*; ср. в стихотворениях Хомякова, посвященных Россет-Смирновой: «От роз ей прелесть и название» (Хомяков 1832, 257); «О дева-роза, для чего / Мне грудь волнуешь ты <...>» (Хомяков 1832а). Весьма вероятно, что к данному смысловому полю апеллировал Пушкин, упоминая о «жужжаньи пчел над розой алой» в стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один» (Пушкин, 3, 286), связанном с историей придворного кружка, оформившегося вокруг А. О. Россет. Вряд ли можно сомневаться и в том, что игровой и комплиментарный контексты в сознании современников дополнялись общеизвестным геральдическим (герб Россетов — три розы на себрюном поле).

¹⁹¹ Светлов 2008, 363: в тексте Вяземского «понять» заключено в квадратные скобки, «прелесть» пропущено, вместо «общее» дано «всеобщее».

¹⁹² Светлов 2008, 363: неверно переданы границы подчеркнутого Вяземским текстом Белинского.

Рим построен будто бы на семи холмах, случилось слышать и нам; но чтоб он был построен на хребте гор, — это едва ли кому случилось слышать. Что такое: *осуществленная мечта железных сил и дикой воли?*

<Внизу страницы:> Какие жалкие придирки.

(С. 283, л. 142.)¹⁹³

<9.22> Она может быть сильною, несокрушимою, железною, если угодно даже стальною, хоть это и довольно пошлый эпиграм, гордою, непреклонною; но дикою, нет, не понимаем, совсем не понимаем!.. Позвольте, кажется, поняли! Да, так, точно так: воля римлян сделалась для того *дикой*, чтоб богато рифмовать с словом *великий*... Что такое: *огнь булата*? Опять не понимаем! Острие, тяжесть, сила булата — это мы понимаем, но *огнь булата*... Не понимаете ли вы, господа защитники гения г.<осподина> Хомякова¹⁹⁴, что такое: *огнь булата*?..

Итак, вот они — эти великолепные, энергические и поэтические стихи: *sic transit gloria mundi!*..

<Отчеркнуто слева на полях. Вверху страницы:> Это шишковская критика голословная.¹⁹⁵

(С. 284, л. 142 об.)¹⁹⁶

<10> Тарантас. *Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба. Санктпетербург. 1845.*

¹⁹³ Светлов 2008, 364: неверно переданы границы подчеркнутого Вяземским текста Белинского.

¹⁹⁴ Белинский обсуждает стихотворение А. С. Хомякова «К России» (1839; впервые, под другим заглавием и с рядом искажений: Хомяков 1839; более исправный текст: Хомяков 1839а).

¹⁹⁵ О сдержанно, а подчас и несдержанно-негативном отношении Вяземского к Шишкову, с которым здесь соотнесен Белинский, свидетельствуют, помимо эпиграмм «Шишков недаром корнеслов ...» (впервые: Вяземский 1874а, 489) и «Кто вождь у нас невеждам и педантам ...» (впервые: Вяземский 1935, 405), ряд замечаний Вяземского в частной переписке, в записных книжках, на полях прочитанных книг (см. в частности: Вяземский 1863, 269–270; Ивинский 2020, 64–65). О «голословной критике» Шишкова в кругу Вяземского рассуждали еще со времен «Арзамаса», имея в виду скрытые нападки Шишкова на Карамзина в «Рассуждении о старом и новом слоге» (Шишков 1802), где, впрочем, имя Карамзина не упоминалось; точка зрения этого круга не была уникальной, ср., напр.: Макаров 1803; Дмитриев 1869, 60, 70–81.

¹⁹⁶ Светлов 2008, 364: неверно определены границы отчеркнутого Вяземским на полях текста Белинского.

<10.1> Не будем пускаться в исследования — к какому роду и виду поэтических произведений принадлежит «Гарантас». В наше время, слава Богу, признается в мире изящного только один род — хороший, запечатленный талантом и умом, а обо всех других родах и видах теперь никто не заботится.

<Слева на полях и внизу страницы:> Почему же в наше время. Вольтер <Д>авно <с>казал: <Tous les genres sont> bons, hors le genre ennuyeux¹⁹⁷.

(С. 312, л. 156 об.)¹⁹⁸

<10.2> Так; русская лень — большая помеха во всем русскому человеку, но еще не непреодолимое препятствие, и не в ней корень зла: корень лежит глубже, его надо искать в отсутствии определенного общественного мнения, которое каждому указывало бы его путь, а не становило бы его на распутии, говоря: иди куда хочешь.

<Слева на полях и внизу страницы:> Чего же приходится желать: идти, куда не хочешь? Критик, когда вздумает пофилософствовать, уже всегда брякнет какую->нибудь глупость.

(С. 332, л. 166 об.)¹⁹⁹

<10.3> — **Какие шалуны?** — спросил Иван Васильевич.

— **Известно-с. На большой дороге шалют ночью. Коли заснете, как раз задний чемодан отрежут.**

— **Да это разбой!**

— **Нет, не разбой, а шалости.**

¹⁹⁷ Цитата из предисловия к комедии Вольтера «Блудный сын» («L'enfant prodigue» 1736); получила распространение в России в царствование Екатерины II и чуть ли не благодаря ей (ср.: Бильбасов 1890, 299–300). Баратынский в послании «К-ву. Ответ» (1822) обыгрывал вольтеровскую формулу (впервые в ранней редакции: Баратынский 1822), Пушкин воспринимал ее как банальность (Пушкин, 11, 54; впервые: Пушкин 1828, 214–215).

¹⁹⁸ Светлов 2008, 365: текст Вяземского передан откровенно неадекватно: «Он [Вольтер] показал bone hori le genre ennue ... Хороши все роды кроме скучного. Почему же в наше время ... ». После этого сообщается: «Далее текст срезан».

¹⁹⁹ Светлов 2008, 365: границы подчеркнутого Вяземским текста Белинского переданы неверно; пунктуация в тексте Вяземского (в данном случае существенная для его понимания) искажена: нет двоеточия после «желать», вместо вопросительного знака после «не хочешь» дана точка с запятой, а следующая фраза начата со строчной.

<Отчеркнуто справа на полях; возможны случайные движения карандаша.>

(С. 348, л. 175 об.)²⁰⁰

<10.4> «Все вина есть: шампанское, полушампанское, три-мадера, лафиты есть. Первейшие вина». Нечего и говорить, что он собирал на стол долго, переменял и встряхивал грязные салфетки и что ничего ни есть, ни пить не было возможности.

<Перечеркнуто в тексте; возможны случайные движения карандаша.>

(С. 349, л. 175.)²⁰¹

<11> Опыт истории русской литературы. *Сочинение э.<кстраординарного> профессора Императорского Санктпетербургского Университета доктора философии А. Никитенко. Книга первая. Введение. Спб. 1845.*

<11.1> Князь Вяземский должен быть упомянут, как один из первых критиков эпохи русской литературы до двадцатых годов: он написал «О Жизни и Сочинениях Озерова», «О Державине» (по случаю смерти великого поэта; статья эта напечатана в «Вестнике Европы» 1816 года, № 15) и другие критические статьи, в свое время очень замечательные.²⁰²

<Отчеркнуто справа на полях.>

(С. 373, л. 186 об.)²⁰³

²⁰⁰ В Светлов 2008 отсутствует.

²⁰¹ В Светлов 2008 отсутствует. Это и предыдущее отчеркивания могли быть сделаны по ассоциации с общей оценкой статей Белинского («разбой» / «не разбой, а шалости»; «ничего ни есть, ни пить не было возможности»).

²⁰² Вероятно, Вяземский отчеркнул это место статьи Белинского не только потому, что обнаружил похвалу себе, но и потому, что похвала оказалась специфической: Белинский ограничил значение статей Вяземского 1810-ми годами, когда его репутация литературного критика только начинала формироваться; таким образом, даже статьи Вяземского о романтизме 1820-х гг., всегда считавшиеся значительным событием в истории русской литературы, оказались за пределами установленной Белинским верхней хронологической границы периода плодотворной деятельности Вяземского.

²⁰³ Светлов 2008, 365, 366: с неверным указанием страницы и с грубыми ошибками при передаче текста Белинского. Первая публикация текста маргиналии Вяземского: Гиллельсон 1969, 291.

<11.2> В критике его заметно было присутствие чего-то похожего на принцип, и потому в ней меньше было произвольных мнений, чем в критике г.<осподина> Полевого; но со стороны таланта г.<осподин> Шевырев далеко уступал г.<осподину> Полевому, — и потому последний имел большое влияние на современную ему литературу, а первый не имел на нее почти никакого влияния.

<Справа на полях:> Полевой роди Белинского, Белинской рода<и> лег<и>он²⁰⁴.

(С. 373, л. 187.)²⁰⁵

<11.3> В этом можно на слово поверить г.<осподину> Шевыреву: он сам поэт, и ему ли не знать толка в поэзии! **Потому-то он мало того, что расхвалил г.<осподина> Бенедиктова, но и нашел в его стихах мысль, которой не находил даже в созданиях Пушкина!**

<Отчеркнуто слева на полях. Там же:> Не может быт<ь> это сказа<но> Шев<ы>рев<ым>, что<->нибу<дь> да н<е> так²⁰⁶.

(С. 375, л. 188.)²⁰⁷

²⁰⁴ Вяземский здесь совмещает общеизвестную формулу родословия из церковнославянского перевода Священного Писания (см. в частности: Мф. 2–16) с ответом бесноватого Иисуса (Мк. 5 : 1–14; Лк. 8 : 26–33; Мф. 8 : 28–32).

²⁰⁵ Светлов 2008, 366: неточно определена граница первого отчеркнутого Вяземским фрагмента текста Белинского.

²⁰⁶ С. П. Шевырев восхищался Бенедиктовым и заявлял о том, что обнаружил у него «глубокую мысль на челе», «сильную мысль», вновь «глубокую мысль», вновь «глубокий след мысли на челе его», «элемент желанный: мысль, в котором я предчувствую талант новый, талант самобытный» (Шевырев 1835, 439, 440, 444, 446, 458), но не противопоставлял его Пушкину (во всяком случае, прямо), имени которого в рецензии на Бенедиктова не упомянул. Словесная формула «что-нибудь да не так» и подобные не раз встречаются в текстах Вяземского (ср. в т. ч.: «Что ни говорите и ни проповедуйте, а все что-нибудь да не так» [ОА, 3, 1; письмо от 23 января 1836 г.]; «Это не сказано Пушкиным, или сказано да не так» [Вяземский, 2, 97]) и Пушкина («Мне пришла в голову мысль, говорите вы. Не может быть. Нет, NN, вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не так» [Пушкин, 11, 52]; «Тут что-нибудь да не так» [Пушкин, 9, 386]).

²⁰⁷ Светлов 2008, 368: не отмечен отчеркнутый Вяземским фрагмент текста Белинского.

Литература

- АбТ — Архив братьев Тургеневых. Вып. 1–6. СПб.; Пг., 1911–1921.
- Авсеенко 1873 — <Авсеенко В. Г.> Очерки текущей литературы // Русский мир. 1873. № 124 [13 мая]. С. 1–2 (подпись: А. О.).
- Аглая — Аглая. Кн. 1–2. М., 1794–1795.
- Аглая 2 — Аглая. Кн. 1–2 / 2-е изд. М., 1796.
- Арнольд — Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. 1–3. М., 1892–1893.
- Баратынский 1822 — <Баратынский Е. А.> К*** // Благонамеренный. 1822. № 28. С. 112 (подпись: Б — ий).
- Баратынский 1835 — Баратынский Е. <А.> Последний поэт // Московский наблюдатель. 1835. № 1. С. 30–32.
- Баратынский 1842 — Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского. М., 1842.
- Барсуков — Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.
- Бартнев 1860 — Исторические бумаги XVIII века <с примечаниями П. И. Бартнева> // Русская беседа. 1860. <№> 2. С. 179–258.
- Батюшков 1810 — <Батюшков К. Н.> Ложный страх (Подражание Парни) // Вестник Европы. 1810. Ч. 51. № 11. С. 213–214 (без подписи).
- Батюшков 1814 — Батюшков <К. Н.> Мои Пенаты. Послание к Ж.<уковскому> и В.<яземскому> // Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом Никольским. Кн. 1. СПб., 1814. С. 55–69.
- Батюшков 1817 — Опыты в стихах и прозе К.<Н.> Батюшкова. Ч. 1–2. СПб., 1817.
- Бедный 2013 — К 130-летию со дня рождения Демьяна Бедного (1883–1945): Заседание клуба «Библиофильский улей» 15 июня 2013 года. М., 2013.
- Белинский 1842 — <Белинский В. Г.> Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского. Москва 1842. Стихотворения Евгения Баратынского. Две части. Москва. 1835 // Отечественные записки. 1842. Т. 25. № 12. С. 49–70 (без подписи).
- Белинский 1846 — Николай Алексеевич Полевой. Сочинение В.<Г.> Белинского. СПб., 1846.
- Белинский 1859–1862 — Сочинения В. <Г.> Белинского. Издание К. <Т.> Солдатенкова и Н.<М.> Щепкина. Ч. 1–12. М.: В типографии В. <Е.> Грачева и комп., 1859–1862.
- Бильбасов 1890 — Бильбасов В. А. История Екатерины II. Т. 1. СПб., 1890.
- Богданович 1809–1810 — Собрание сочинений и переводов Ипполита Федоровича Богдановича. Ч. 1–6. М., 1809–1810.
- Богданович 1815 — Душенька, Древняя повесть в вольных стихах. Сочинение Ипполита Федоровича Богдановича. Издание седьмое, в точ-

- ности напечатанное против первого издания. С гравированными картинками. М., 1815.
- Богданович 1818–1819 — Сочинения <И. Ф.> Богдановича. Издание второе. Ч. 1–4. М., 1818–1819.
 - Бурачек 1840 — *Бурачек С.* <О.> Видение в царстве духов // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 10. С. 53–67.
 - Буренин 1873 — <Буренин В. П.> Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 13 (13 [25] января). С. 1–2 (подпись: Z.).
 - Буренин 1873а — <Буренин В. П.> Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 96 (7 [19] апреля). С. 1–2 (подпись: Z.).
 - Васильев, Жаткин 2021 — *Васильев Н. А., Жаткин Д. Н.* Неизвестная литературная эпиграмма П. А. Вяземского в архиве Я. К. Грота // Русская литература. 2021. № 2. С. 92–104.
 - Вольпе 1941 — *Вольпе Ц. С. Жуковский* // История русской литературы. Т. 5. Ч. 1. М.; Л., 1941. С. 355–391.
 - Вяземский — Полное собрание сочинений Князя П. А. Вяземского. Издание Графа С. Д. Шереметева. Т. 1–12. СПб., 1878–1896.
 - Вяземский 1818 — <Вяземский П. А.> О письме Екатерины II к Сумарокову // Сын Отечества. 1818. Ч. 50. № 49. С. 166–173.
 - Вяземский 1823 — <Вяземский П. А.> Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. Издание шестое, исправленное и уменьшенное. СПб., 1823. Ч. 1. С. I–II (без подписи).
 - Вяземский 1824 — *Вяземский <П. А.>* Разбор Второго разговора, напечатанного в 7 № Вестника Европы // Дамский журнал. 1824. № 8. С. 63–82 (подпись: Князь Вяземский).
 - Вяземский 1830 — <Вяземский П. А.> О Сумарокове // Литературная газета. 1830. С. 222–225 (без подписи).
 - Вяземский 1862 — В дороге и дома. Собрание стихотворений князя П. А. Вяземского. М., 1862.
 - Вяземский 1873 — <Вяземский П. А.> Из старой записной книжки // Русский архив. 1873. № 6. Ст. 1017–1048 (без подписи).
 - Вяземский 1873а — <Вяземский П. А.> Современные темы, или Канва для журнальных статей // Русский мир. 1873. № 121 (17 мая). С. 1–2 (подпись: ***).
 - Вяземский 1873б — <Вяземский П. А.> Мицкевич о Пушкине // Русский архив. 1873. № 6. Ст. 1057–1088 (вместо подписи: Сообщено из-за границы).
 - Вяземский 1874 — *Вяземский П.* <А.> Дела иль пустыки давно минувших лет. (Письмо к М. Н. Лонгинову) // Русский архив. 1874. № 2. Ст. 0536–0549.
 - Вяземский 1874а — <Вяземский П. А.> Из старой записной книжки // Русский архив. 1874. Ст. 467–496 (без подписи).
 - Вяземский 1874б — <Вяземский П. А.> Из старой записной книжки // Русский архив. 1874. Тетрадь 5. Ст. 1337–1357 (без подписи).

- Вяземский 1875 — *Вяземский П. <А.>* Современные темы, или Канва для журнальных статей // Гражданин. 1875. № 15–16. С. 375–377; № 17. С. 404–406; № 18. С. 435–437.
- Вяземский 1875а — *Вяземский П. <А.>* Современные темы, или Канва для журнальных статей. СПб., 1875.
- Вяземский 1875б — *Вяземский <П. А.>* Осень 1874 года (Гомбург. Октябрь) // Гражданин. 1875. № 1. С. 16.
- Вяземский 1875в — *Вяземский П. <А.>* Заметки. По поводу современного зоологического вопроса // Гражданин. 1875. № 5. С. 120.
- Вяземский 1875г — *Вяземский П. <А.>* Графу М. А. К... <орфу> // Гражданин. 1875. № 8–9. С. 222.
- Вяземский 1875д — *Вяземский П. <А.>* С. А. Н... ..<иколаевс>кому (Ответ на письмо) // Гражданин. 1875. № 22. С. 520.
- Вяземский 1935 — *Вяземский П. А.* Избранные стихотворения / Редакция, статья и комментарии В. С. Нечаевой. М.; Л., 1935.
- Вяземский 1963 — *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848) / Издание подготовила В. С. Нечаева. М., 1963.
- Вяземский 1984 — *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика / Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарий Л. В. Дерюгиной. М., 1984.
- Вяземский 2021 — Князь П. А. Вяземский и Н. П. Барсуков. Переписка / Составление, публикация, вступительная статья и комментарий Д. П. Ивинского. М., 2021.
- Гиллельсон 1969 — *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.
- Гиллельсон 1980 — *Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 34–75.
- Горохова 1979 — *Горохова Р. М.* Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс» (К вопросу о заметках Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова) // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 24–45.
- Данилевский 1972 — *Данилевский Р. Ю.* Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 3–95.
- Дмитриев 1869 — Мелочи из запаса моей памяти. М. А. Дмитриева. Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. Издание <<>Руского Архива<>>. М., 1869.
- Екатерина II 1802 — Переписка Российской Императрицы Екатерины II с г.<осподином> Вольтером. Перевел Михаил Антоновский. Ч. 1–2. СПб., 1802.
- Екатерина II 1803 — Переписка Российской Императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Перевел с французского Иван Фабиян. Ч. 1–2. М., 1803.

- Екатерина II 1812 — Переписка Российской Императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1–2. М., 1812.
- Екатерина II 1863 — Письма Екатерины II к Адаму Васильевичу Олсуфьеву 1762–1783. С примечаниями М. Н. Лонгинова. М., 1863.
- Жуковский 1813 — Певец в стане русских воинов. Сочинение В. <А.> Жуковского. Второе, исправленное издание. СПб., 1813.
- Иванов 1815 — *Иванов <Ф. Ф.>* Отшельник. Сказка // Амфион. 1815. № 4. С. 61–65.
- Ивинский 1994 — *Ивинский Д. П.* Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994.
- Ивинский 2003 — *Ивинский Д. П.* Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. М., 2003.
- Ивинский 2020 — *Ивинский Д. П.* Князь П. А. Вяземский. Материалы к историко-литературной биографии. М., 2020.
- Ильина 2008 — *Ильина О. Н.* Изучение личных библиотек в России: Материалы к указателю литературы на русском языке за 1934–2006 г. СПб., 2008.
- Карамзин 1794 — *Карамзин Н. М.* Мои безделки. Ч. 1–2. М., 1794.
- Карамзин 1797 — *Карамзин Н. М.* Мои безделки. Ч. 1–2 / 2-е изд. М., 1797.
- Кошелев 2018 — *Кошелев В. А.* Об одном давнем «парадоксе»: Жанр маргиналий А. С. Пушкина на «Опытах в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 3. С. 7–49.
- Кулжинский 1868 — *Кулжинский И. <Г.>* Н. А. Полевой и В. Г. Белинский (Из рукописи *Литературные воспоминания*) // Русский. 1868. № 114. С. 3–4; № 115. С. 3–4; № 116. С. 2–4 (подпись: И. Кулжинский).
- Курилов 1972 — *Курилов А. С.* В. Г. Белинский и историко-литературные концепции П. А. Вяземского // Русская литература. 1972. № 3. С. 85–89.
- Лавров 2013 — *Лавров В. В.* Шутки ради // Про книги: Журнал библиофила. 2013. № 2. С. 127–134.
- Майков 1899 — *Майков Л. <Н.>* Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 284–317.
- Макаров 1803 — *Макаров П. И.* Критика на книгу под названием: Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка — напечатанную в Петербурге, 1803 года, в 8 долю листа // Московский Меркурий. 1803. Ч. 4. Кн. 12. С. 155–198.
- Мерзляков 1812 — *Мерзляков <А. Ф.>* Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии // Труды Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. Ч. 1. М., 1812. С. 53–110.
- Мерзляков 1815 — *М<е>рзл<я>к<о>в< А. Ф.>* Россияда, Поэма Эпическая Г<осподи>на Хераскова (Письмо к другу) // Амфион. 1815. № 1. С. 34–98.

- Николаевский 1848 — *Николаевский С.* <А.> Несколько слов о Лермонтове и Кольцове (Письмо к Н. А. К.) // Звездочка, журнал для детей старшего возраста. 1848. Ч. 28. С. 5–23, 61–73.
- Новые автографы 1944 — Новые автографы П. А. Вяземского // Литературная газета. 1944. № 6 (1109). С. 4 (без подписи).
- ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1–5. СПб., 1899–1913.
- Одоевский — Сочинения князя В. Ф. Одоевского. Ч. 1–3. СПб., 1844.
- Погодин 1846 — <Погодин М. П.> Николай Алексеевич Полевой. Сочинение В. Белинского. С.-Петербург. В типографии Праца, 1846 г. С. 55 // Москвитянин. 1846. № 5. С. 164–175 (без подписи).
- Погодин 1848 — *Погодин М. П.* Несколько слов по поводу некролога г. <осподина> Белинского // Москвитянин. 1848. № 8. С. 43–45.
- Погодин 1861 — *Погодин М.* <П.> Несколько слов против статьи, помещенной в 75 № <<>Северной пчелы<>> «О юбилее князя П. А. Вяземского» // Северная пчела. 1861. № 83. С. 3.
- Погодин 1873 — *Погодин М.* <П.> К характеристике Белинского: (Справка с объяснением) // Гражданин. 1873. № 9. С. 272–275 (подпись: Старый читатель журналов, М. Погодин).
- Погодин 1873а — *Погодин М.* <П.> К вопросу о славянофилах // Гражданин. 1873. № 11. С. 347–352; № 13. С. 415–420.
- Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: Т. 1–17 <М.; Л., > 1936–1959.
- Пушкин 1813 — *Пушкин А.* <М.> На смерть Князя М. А. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Вестник Европы. 1813. № 9 и 10. С. 188.
- Пушкин 1821 — *Пушкин А.* <С.> Муза // Сын отечества. 1821. № 23. С. 132–133.
- Пушкин 1825 — Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. <Глава первая.> СПб., 1825.
- Пушкин 1826 — Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. <Глава вторая.> СПб., 1826.
- Пушкин 1827 — *Пушкин А.* <С.> К Яз... <ыкову> // Московский вестник. Ч. 3. № 9. С. 4–5.
- Пушкин 1827а — <*Пушкин А. С.*> Цыганы (Писано в 1824 году). М., 1827.
- Пушкин 1828 — <*Пушкин А. С.*> Отрывки из писем, мысли и замечания // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 208–226 (без подписи).
- Пушкин 1828а — Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. <Глава шестая.> СПб., 1828.
- Пушкин 1828б — *Пушкин А.* <С.> Стансы // Московский Вестник. 1828. Ч. 7. № 1. С. 3–4 (без подписи; авторство раскрыто в оглавлении).
- Пушкин 1829 — *Пушкин А.* <С.> К.... // Московский вестник. 1829. Ч. 1. С. 108.

- Пушкин 1829а — // *П.<ушкин> А.<С.>* 26 мая 1828 // Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829. С. 98.
- Пушкин 1829б — Полтава, поэма Александра Пушкина. СПб., 1829.
- Пушкин 1830 — *Пушкин А. <С.>* Зимнее утро // Царское Село. Альманах на 1830 год. Издан Н. <М.> Коншиным и Б.<ароном Е. Ф.> Розеном. СПб., 1830. С. 1–2.
- Пушкин 1830а — *Пушкин А. <С.>* Станцы // Литературная газета. 1830. № 12. С. 94.
- Пушкин 1832 — Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. <Глава восьмая.> СПб., 1832.
- Пушкин 1833 — Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1833.
- Пушкин 1838–1841 — Сочинения Александра Пушкина. Т. 1–11. СПб., 1838–1841.
- Пыпин 1870–1871 — *Пыпин А. Н.* Очерки общественного движения при Александре I // Вестник Европы. 1870. № 2. С. 722–768; № 4. С. 648–726; № 6. С. 645–720; № 9. С. 170–248; № 10. С. 729–805; № 12. С. 681–763; 1871. № 2. С. 705–752.
- Пыпин 1871 — *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.
- Пыпин 1871–1873 — *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки // Вестник Европы. 1871. № 5. С. 233–291; № 9. С. 301–351; № 12. С. 455–514; 1872. № 5. С. 145–206; № 11. С. 47–97; № 12. С. 618–678; 1873. № 4. С. 471–547; № 5. С. 223–274; № 7. С. 222–263.
- Пыпин 1873 — *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1873.
- Пыпин 1874–1875 — *Пыпин А. Н.* Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1874. № 3. С. 205–230; № 4. С. 602–629; № 6. С. 573–625; № 10. С. 469–541; № 11. С. 68–136; № 12. С. 491–572; 1875. № 2. С. 591–650; № 4. С. 449–592; № 5. С. 120–192; № 6. С. 549–594.
- Пыпин 1876 — Белинский, его жизнь и переписка. Сочинение А. Н. Пыпина. Издание «Вестника Европы». Т. 1–2. СПб., 1876.
- Ратнер 2007 — Конспект времени: труды и дни Александра Ратнера / Сост. А. И. Рейтблат и А. П. Шикман. М., 2007.
- Сандомирская 1974 — *Сандомирская В. Б.* К вопросу о датировке помет Пушкина на второй части «Опытов» Батюшкова // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. Вып. 10. С. 16–35.
- Светлов 1983 — *Светлов А. П.* Книги с автографами в адрес Д. Бедного в коллекции Государственного литературного музея // Новые материалы по истории русской и советской литературы: сб. науч. тр. М., 1983. С. 163–195.
- Светлов 1983а — *Светлов А. П.* Редкости из собрания Демьяна Бедного: (К 100-летию со дня рождения выдающегося советского поэта

- и библиофила) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 47. М., 1983. С. 202–212.
- Светлов 1986 — *Светлов А. П.* Библиотека Демьяна Бедного. М., 1986.
 - Светлов 2001 — *Светлов А. П.* Книжное собрание князей Вяземских // Библиофил: люди, рукописи, книги: тайны и открытия: альманах. Москва, 2001. № 2. С. 39–54.
 - Светлов 2008 — Князь Вяземский читает сочинения Белинского / Публикация, предисловие, послесловие и комментарии Александра Светлова // Библиофилы России: Альманах. Т. 5. М., 2008. С. 303–373.
 - Семibrатов 2019 — *Семibrатов В. К.* Имя Н. Г. Чернышевского на страницах ведущего библиофильского альманаха // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук. Сб. материалов XIX Международной научно-практической конференции с международным участием. Киров, 2019. С. 21–27.
 - Сиротинский 1971 — *Сиротинский И. Н.* Историко-литературная концепция П. А. Вяземского // Вопросы русской литературы. Вып. 16. Львов, 1971. С. 24–31.
 - Суворин 1873 — <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 55 (25 февраля [9 марта]). С. 1–2 (подпись: *Незнакомец*).
 - Суворин 1873а — <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 59 (11 [23] марта). С. 1–2 (подпись: *Незнакомец*).
 - Тургенев — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1874). Издание братьев Салаевых. Ч. 1–8. М., 1874.
 - Тургенев 1860 — *Тургенев И.* <С.> Встреча моя с Белинским // Московский вестник. 1860. № 3. С. 40–42.
 - Тургенев 1869 — *Тургенев И. С.* Воспоминания о Белинском // Вестник Европы. 1869. № 4. С. 695–729.
 - Хомяков 1832 — *Хомяков А.* <С.> Иностранка // Европеец. 1832. № 2. С. 257–258.
 - Хомяков 1832а — *Хомяков А.* <С.> Ей же // Европеец. 1832. № 2. С. 259.
 - Хомяков 1839 — <Хомяков А. С.> Отчизна // Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 230. С. 1042 (без подписи).
 - Хомяков 1839а — *Хомяков А. С.* «Гордись!» тебе льстецы сказали // Отечественные записки. 1839. Т. 6. С. 143.
 - Шевырев 1835 — *Шевырев С. П.* // Стихотворения Владимира Бенедиктова. С. П. Б. 1835 // Московский наблюдатель. 1835. Кн. 11. С. 439–459.
 - Языков 1826 — *Языков Н.* <М.> К друзьям // Невский альманах на 1827 год. СПб., 1826. С. 50–54.
 - Chénier 1819 — *Œuvres complètes d'André de Chénier.* Paris, 1819.

В РУССКОМ МИРЕ СЛОВЕСНОСТИ¹

Памятники старины все еще взирают на Москву, сердце старой России, и питают мечты монархистов. Но мало что еще может воодушевить русский старый порядок: его Москва, знакомый ему чистокровный русский город, превратилась в столицу разнородного союза республик, город многих народов. Улицы старой Москвы — эта многим любезная хаотическая смесь соборов, церквей, монастырей и домов в современном европейском вкусе — уставлены длинными рядами красных знамен и исполосованы шествиями красногвардейцев и комсомольцев с красными платками на головах. «Истинно русский» город до революции, полный попов, городских, бородатых купцов, стал городом интернациональным, которому студенты Восточного университета² — китайцы, калмыки, киргизы, татары, персияне, индусы, афганцы — придают дополнительные экзотические нотки. Там и сям на улицах можно увидеть настороженную бородатую фигуру в сапогах, явного лавочника или мелкого кустаря; если вы рядом, то распознаете горланые звуки идиша.

О хозяйственной и политической роли, которую евреи играли в России, известно немало. Но за пределами России немного написано о том, какую огромную роль евреи играют в совре-

¹ *Parnach V. In the Russian World of Letters // The Menorah Journal. 1926. Vol. 12. № 3. P. 302–305.*

² Коммунистического университета трудящихся Востока, действовавшего в 1921–1938 гг.

менной русской художественной жизни. Это немного отведено плодотворному вкладу евреев в музыку, театр, живопись и ваение. Но почти ничего не написано об их крайне значительном и влиятельном положении в русском мире словесности.

Возможно, не будет неуместным, особенно ввиду его недавней кончины, кое-что здесь сказать о великом еврейском литераторе Михаиле Гершензоне, которого можно счесть передаточным звеном, переходной фигурой между старым и новым русско-еврейским литературным миром. В Америке поразительно мало знают этого выдающегося гуманиста, величайшего из русско-еврейских эссеистов и автора множества важных литературных и философских исследований³. Родом из Кишинева, он учился в Москве и стал участником кружка крупных поэтов и ученых, принадлежавших к русской символистской школе. После краха революции 1905 года русская интеллигенция бросилась в пламя мистических идей и страстно посвятила себя вопросам чистой эстетики, былым цивилизациям Греции и Запада, экзотизму и как можно более изощренному индивидуалистическому искусству⁴.

Гершензон, влюблённый в прошлое русской литературы, попытался проследить развитие европейской традиции в России, уклон «на Запад» среди русских мыслителей девятнадцатого столетия, прежде всего у Чаадаева. Гершензон немалый вклад внёс и в критическую литературу трудом «Мудрость Пушкина», написал «Тройственный образ совершенства», эссе о Петрарке и т. п. В нём есть дух ученого раввина, влюбившегося в красоту поэзии гоев. Он чувствует, что в его сердце бьётся кровь великих умов России и Европы.

И всё же в знаменитой переписке с другом, великим поэтом-символистом Вячеславом Ивановым («Переписка из двух углов»), он признается в ностальгии по еврейскому миру. В 1914 году, одному из самых трагических для евреев годов войны, он посвятил примечательную статью Бялику⁵.

³ Книга Гершензона «Ключ веры» недавно выпущена нью-йоркским издательством «Макмиллан». (Прим. авт.)

⁴ Намек на участие Гершензона в знаменитом сборнике «Вехи» (1909), в который включена его статья «Творческое самосознание».

⁵ Очевидно, имеется в виду не 1914, а 1916 год, когда Гершензон опубликовал статью о положении евреев в годы войны, в которой содержалась восторженная характеристика Х. Н. Бялика: «Вот в Бялике уже запела, впервые после Иегуды Галеви, душа еврейского народа, песнь нездешняя, песнь ангельски-зем-

Будучи евреем, Гершензон не получил разрешения читать лекции в государственных университетах царской России. Тем не менее он считался несравненным знатоком истории русской словесности. К сожалению, после революции он не смог в полной мере воспользоваться своими дарованиями, но все же пользовался всеобщим почтением и был членом Московской академии⁶. Умер Гершензон в 1925 году⁷.

Но Гершензон ни в коем случае не был одиночкой. Ни позорные гонения на евреев при царизме, ни война, ни революция не смогли ни смутить вдохновения еврейских поэтов, прозаиков, художников и музыкантов, ни помешать их активному участию в русском искусстве.

Борис Пастернак, сын художника Л. Пастернака, происходит из славного сефардского семейства Аббарбанелей⁸. Борис, в настоящее время находящийся в первом ряду русских поэтов, родился в 1890 году и получил философское образование в Гейдельберге⁹. Глубочайше погруженный в русскую и немецкую литературную традицию, он создал оригинальный жанр — нечто среднее между футуризмом и импрессионизмом. Вопреки трагическим событиям недавних лет Пастернак излучает любовь к человеку и вселенной. Среди бури он слагает лирические стихи вместо революционных гимнов. Он задействует новые технические приемы — ассоциаций идей, основанные на их фонетическом значении, антропоморфную образность и т. п. Среди его сочинений — «Близнец в тучах», «Поверх барьеров», «Сестра моя жизнь», «Темы и вариации», рассказы, прекрасные переводы «Алхимика» Бена Джонсона¹⁰, «Тайн» Гете¹¹, стихотворений Жюль Лафорга и немецких экспрессионистов.

ная! Не предвещает ли она возрождение еврейской души?» (Гершензон М. Народ, испытываемый огнем // Еврейская неделя. 1916. № 1. 3 января. С. 28).

⁶ Государственная академия художественных наук (ГАХН), действовавшая в 1921–1931 гг.

⁷ Михаил Осипович (Мейлих Иосифович) Гершензон скончался 19 февраля 1925 г. в возрасте 54 лет в Москве.

⁸ Семейная легенда рода Пастернаков, отразившаяся в переписке Бориса Пастернака с отцом Леонидом Пастернаком, связывала их происхождение с португальско-еврейским философом Исааком Аббарбанелем (1437–1508).

⁹ В действительности Пастернак летом 1912 г. изучал философию в Марбурге.

¹⁰ Этот перевод был выполнен еще в 1919 г., но опубликован только в 1931 г. и на момент опубликования статьи оставался неизданным.

¹¹ Перевод издан в 1922 г.

Осип Мандельштам, потомок старинного рода курляндских ювелиров¹², родился в Варшаве в 1891 г. В детстве он был перевезен в Санкт-Петербург и помещен в одну из лучших в городе школ. Чары этого прекрасного города, частью напоминающего Рим, Венецию и Лондон, отзывались в нем всю жизнь. В возрасте шестнадцати лет он совершил краткую поездку в Париж. Терзаемый юношескими порывами, Мандельштам вернулся в Санкт-Петербург и занялся романской филологией.

В полном отрыве от социальных движений своего времени¹³, он забавлялся тем, что накануне революции в своих стихах воспевал Россию как будущий Рим, одновременно восхваляя архитектурные красоты католицизма. Обладая умственными качествами талмудического порядка¹⁴ и пламенно любя прошлое Европы, он находил удовольствие в сооружении самых причудливых словесных конструкций, в рекомбинировании различных цивилизаций, в разрешении трудных вопросов эстетической формы. Он направлял свой взор на Древнюю Грецию, на Рим цicerоновский и Рим папский, на Лютера, на Париж и т. д. В Европе он видел один только гигантский музей. Лишенный непосредственного контакта с современной жизнью Запада, он, как истинный петербуржец, искал его в книгах. Его стихи («Камень») высоко ценились и столичными интеллектуалами, и провинциальными. В дни своего ученичества¹⁵ он участвовал в поэтическом направлении, известном под именем «акмеизма» — ответвлении символизма¹⁶. Патетическая манера французского ложноклассицизма, особенно Расина, сильнее всего повлияла на него.

¹² По одной из фамильных легенд, родоначальником Мандельштамов был некий ювелир-часовщик, приглашенный в Курляндию герцогом Э. И. Бироном (1690–1772). При этом, как показано Л. Ф. Кацисом, родословие Мандельштама сложным образом восходит к талмудисту XII в. Раши (*Кацис Л.* Русское слово на земле Израиля. Из еврейских комментариев к биографии и творчеству О. Мандельштама // Еврейский книгоноша. М.; Иерусалим, 2003. № 4. С. 61–68).

¹³ Утверждение об аполитичности Мандельштама совершенно расходится с действительностью; достаточно упомянуть, что в автобиографической повести «Шум времени» (1925) содержатся обширные сведения об участии юного Мандельштама в молодежных организациях эсеров.

¹⁴ Ср. характеристику, данную Мандельштаму его школьным другом Б. Б. Синани: «прекрасный оратор-талмудист» (см.: *Мец А. Г.* Осип Мандельштам и его время: анализ текстов / Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб., 2011. С. 31).

¹⁵ Мандельштам примкнул к «Цеху поэтов» в 1911 г., 20 лет от роду.

¹⁶ К акмеистам Мандельштам окончательно присоединился в конце 1912 г., будучи уже вполне сложившимся поэтом.

Мандельштам выпустил три стихотворных сборника («Камень», «Tristia», «Вторая книга») и прозаическую книгу воспоминаний («Шум времени»). Он переводил из средневековой французской поэзии, а также Барбье, пьесу «Кромдейр-старый» Жюля Ромена (который скоро будет поставлен московским Художественным театром¹⁷), стихи Дюамеля¹⁸, сказки Гофмана¹⁹ и проч. В смысле любви к прошлому Мандельштам — большой европеец, чем сами европейцы. Но, будучи подлинным отпрыском Санкт-Петербурга, он скорее принадлежит девятнадцатому веку, а порою и средневековью. Как бы он ни старался усвоить манеру Пастернака, он всегда отстает от времени. Другой поэт подобного склада, Павел Антокольский, москвич, потомок известного скульптора²⁰, очарован романтическим прошлым и театральными приемами. Его привлекает прежде всего история в своих трагических страницах, например, царствование Павла I (российского императора, мечтателя-деспота, полубезумца, удушенного собственными офицерами), времена английской чумы и т. д.

Более влиятелен и более подлинно революционен Борис Лапин, этот Вениамин²¹ среди русских евреев. Дебютировав в девятнадцать лет небольшим сборником «Молниянин»²², он удостоился похвал Валерия Брюсова, мэтра современной русской критики. Станный и пронзительный тон иронии и смерти господствует в его стихах, хотя там больше спокойствия и мудрости, чем горечи. Лапин соединяет живую поэтическую выразительность с чистотой языка. Он восхитительно пользуется традицией Жуковского, предшественника Пушкина, чей язык, столь девственный и притом столь богатый, оказался совсем чуждым другим юным поэтам. У Лапина есть склонность к неожиданному,

¹⁷ Указанная пьеса в переводе О. Э. Мандельштама была действительно принята МХТ к постановке осенью 1924 г., но в итоге так и не поставлена.

¹⁸ Перевод его «Оды к нескольким людям» вышел в 1923 г.

¹⁹ В рукописи частично сохранился перевод фрагмента одной из гофмановских сказок, выполненный Мандельштамом в юношестве около 1908 года (см.: *Мандельштам О. Э. Начало перевода сказки Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок»* / Публ. П. Нерлера // «Сохрани мою речь...» Вып. 4. Ч. 1. М., 2008. С. 47–48).

²⁰ П. А. Антокольский приходился внучатым племянником выдающемуся скульптору М. М. Антокольскому (1843–1902).

²¹ Т. е. самый молодой (Вениамин, согласно Библии, был самым младшим из сыновей праотца Иакова).

²² В действительности Лапину в 1922 году, когда вышел «Молниянин», едва исполнилось 17 лет.

к так называемому эксцентрическому жанру Тристана Корбье-ра. Он скрывает серьезность своего чувства обреченности, своей любви и горечи за болтовней, которую наивные люди принимают за «дадаизм».

Лапин знает, как примирить немецкий романтизм (Клеменс Брентано, Тик, Гофман) с Жуковским и кое-какими приемами русского футуризма. Его можно было бы зачислить в неоромантики-экспрессионисты. Он воспринимает Туркестан и Кавказ как истинно восточный человек, достойный потомок Пушкина и Лермонтова. Его рано расцветший гений можно сравнить с Рембо — подобно ему, он плодovit в отношении стиха, гармонии и ритма.

Самый недавний отпрыск этой трагически-гротескной тенденции, столь обильной в русской жизни, — Бабель, в настоящее время крайне популярный. Еврейские народные рассказы, столь пронзительные смесью горестного и насмешливого начал, причудливое воображение, напоминающее Марка Шагала, реальность гражданской войны и столкновения Советской России с Польшей (в котором Бабель лично участвовал в 1920 году) — все это отозвалось в воображении этого автора.

Рассказы из жизни одесских евреев — одна из его главнейших удач. Они силой воображения многократно превосходят рассказы Свирского²³, его дореволюционного предшественника в этом жанре. Бабель первым описал малознакомую жизнь еврейских гангстеров Одессы, рабочих и праздных богачей. В его творчестве всюду заметно глубоко личное знакомство автора со своими братьями по расе.

Бабель создал новый жанр. Еврейская жизнь оборачивается у него то анекдотом, то кошмаром в духе Гофмана, то невероятной мелодрамой. Но во всем видна энергия и пыл, которым так богаты сам автор и его раса.

Это обозрение еврейских писателей современной России по необходимости кратко и неполно. Можно было упомянуть и другие важные и многообещающие фигуры литературной жизни. Ограничусь тем, что назову лишь еще одного писателя — Илью Эренбурга, романиста, памфлетиста, иронично-скептический ум, не лишенный сентиментальности. Эренбург дал гротескную картину

²³ А. И. Свирский (1869–1942) был популярен на рубеже XIX–XX вв. как автор многочисленных очерков «из босяцкой жизни».

войны, революции и европейской жизни²⁴. При царизме он долго жил в Париже политическим эмигрантом. Во время гражданской войны его едва не утопил в Азовском море офицер махновских банд, а от рук погромщиков его спасло только заступничество еврея-офицера корниловской армии²⁵. Эренбург написал немало популярных романов и рассказов. Его произведения переводились на французский, немецкий, шведский, чешский, идиш и английский. [Фронтиспис этого номера, «Портрет писателя», представляет собой портрет Эренбурга работы Манэ-Каца. — *Ред.*]

²⁴ Имеется в виду роман «Необыкновенные приключения Хулио Хуренито и его учеников» (1922).

²⁵ По воспоминаниям самого Эренбурга, нечто подобное имело место зимой 1919 г., когда один белый офицер едва не сбросил его с парохода в Азовское море, а другой, «прапорщик, который любил стихи Блока», за него заступился и тем спас ему жизнь (*Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Т. 1. М., 1990. С. 301*). Там же (С. 454) Эренбург иронизировал над французским писателем П. Мак-Орланом, в предисловии к французскому переводу «Хулио Хуренито» (1924) утверждавшим, что инцидент на пароходе произошел в 1921 г. Мак-Орлан действительно «сообщал» следующее: «В 1921 году Эренбурга арестовывают чекисты и сбрасывают в море белые офицеры» (*Ehrenbourg, I. Les aventures extraordinaires de Julio Jurenito et ses disciples ... Paris, 1924. P. 6*).

Михаил Выграненко¹
Галина Петрова²

ПЕТЕРБУРГ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО³

У Иннокентия Анненского совсем немного стихотворений с прямой географической привязкой: «То было на Валлен-Коски» («Кипарисовый ларец»: «Трилистник осенний», 3), «Буддийская месса в Париже» («Кипарисовый ларец»: «Трилистник толпы», 3), «Киевские пещеры» («Кипарисовый ларец»: «Трилистник кошмарный», 2), «Черное море», «На северном берегу». А в отношении Петербурга в его лирических текстах ни одна из значимых культурно-исторических реалий не выявляется непосредственно. Исключением является стихотворение «Петербург», но зато каким! Это в полной мере титульное стихотворение Анненского, соединяющее «петербургскую реальность»

¹ Михаил Александрович Выграненко — независимый исследователь, Новосибирск.

² Галина Валентиновна Петрова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома).

³ Текст представляет собой переработанную и расширенную интернет-публикацию, ранее размещавшуюся в приложении к сайту «Мир Иннокентия Анненского»: <http://ann-society.nsknet.ru/zapiski-sostavitelja>. Первоначально этот материал был подготовлен для экскурсии в рамках Всероссийской научной конференции с международным участием «Иннокентий Анненский (1855–1909): жизнь, творчество, эпоха (к 160-летию со дня рождения)», организованной ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) и прошедшей 12–14 октября 2015 года. За прошедшее после этого время материал существенно пополнился. Последовательность мест и адресов поставлена в зависимость от перемещения по городу на автобусе, поэтому соблюдать биографическую хронологию не приходится.

и «петербургский миф». И сегодня, проходя или проезжая по исторической части города, можно вслед за Анненским попробовать наполниться «отравой бесплодных хотений» и, может быть, её преодолеть, вспоминая:

Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Всё же в лирике Анненского можно выделить некоторые системные петербургские маркёры, «детали» петербургского пространства: «зеленое сукно» карточного стола, «каменный мешок» («Ямбы»), «холодные воды» («Трое»), жёлтое солнце («Пробуждение»), зеркало гранита («Черный силуэт»), мокрый асфальт и мшистые плиты («Пэон второй — пэон четвертый») и др.

В художественной критической прозе Анненского не всегда явная, но крепкая и устойчивая его связь с петербургским пространством замечена ещё современниками. М. А. Волошин, например, в письме Анненскому назвал «Вторую книгу отражений» (1909) «Петербургской книгой»⁴. Однако прямые реалии города возникают в его «отражениях» редко.

Так, в первой «Книге отражений» (1906), в статье «Виньетка на серой бумаге к “Двойнику” Достоевского», встречается:

Колорит ноября. Колорит туманной, мозглой петербургской ночи. (...) Кажется, Фонтанка. Над водой повис плоский и опустелый мост, а ветер то поскрипывает фонарными столбами, где тоскливо мигает что-то желтое, то выше колец взрывает черную воду канала.

И там же: «Фонари тонут в тумане. Глухие, редкие выстрелы несутся из-за Невы, оттуда, где “Коль славен наш господь в Сионе”». (Подразумеваются пушечные выстрелы в Петропавловской крепости и прежний государственный гимн в ежечасном исполнении крепостных часов).

В статье «Господин Прохарчин» из той же книги: «(...) закрытые ставни желтых домишек Петербургской стороны, еще скольз-

⁴ См.: *Волошин М.* Собр. соч. Т. 9: Письма 1903–1912 / Сост. А. В. Лаврова, подгот. текста и коммент. К. М. Азадовского, Н. Ю. Грякаловой, П. Р. Заборова и др. М., 2010. С. 457.

ких от ночного тумана». (Во второй половине XIX в. Петербургской частью называлась часть Петроградского района от Петропавловской крепости и далее.)

Во «Второй книге отражений» (1909), в статье «Мечтатели и избранники» присутствуют «рыхлый берег реки Ждановки», «улицы опустевшего Петербурга», «старые петербургские дома», «жаркий петербургский день», «бульжники темного петербургского двора».

В статье «Искусство мысли» из той же книги: «Петербургские полутемные переходы черных лестниц, <...> мышасть заплеваных серых ступеней, и (...) голубоватость стен, искрещенных непристойностями».

При этом Анненский довольно часто использует определение «петербургский» или «питерский» для характеристики героев разбираемых произведений или среды, в которой они существуют. Так, появляются образы крестьянина-питерщика Анания Яковлева и бывшего питерского маляра Никона, «с кругу спившегося мужичонка» («Горькая судьбина»).

Появление определения «петербургский» (дом, двор, день и т. д.) в «Книгах отражений» вполне закономерно и, казалось бы, предопределено художественным материалом, который подвергнут рассмотрению. Ведь одним из «главных героев» «отражений» Анненского является Ф. М. Достоевский и его произведения, в которых Петербург — основное место действия.

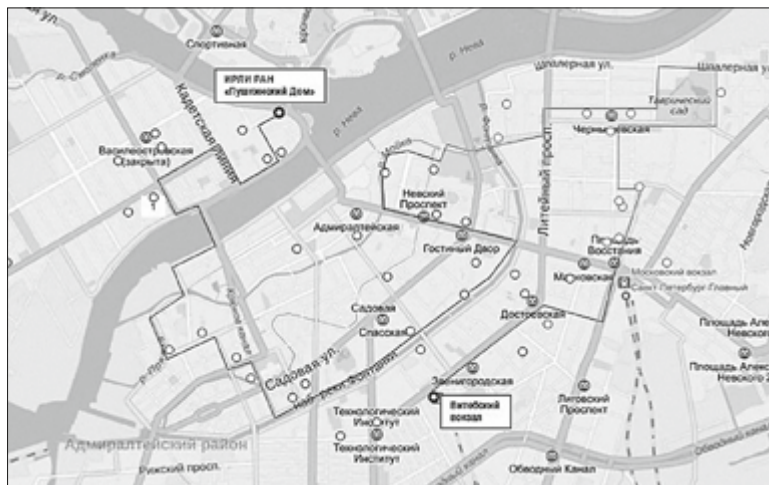
И всё же, несмотря на то, что Анненский так мало писал о Петербурге напрямую, вне контекста его петербургской жизни вряд ли можно понимать его творчество. Петербург Анненского — это феномен и биографический, и литературный, и психологический, причем всё это неразрывно связано друг с другом.

Петербургская биография Анненского условно может быть представлена двумя этапами: первый охватывает период с 1860 по 1895 г. (с перерывом на службу в Киеве); второй — 1896–1909 гг. — это период «сотрудничества» Анненского с Петербургом, поскольку он живет в эти годы в Царском Селе и с Петербургом его связывает только служебная надобность и участие в научных и литературных процессах.

Для краткого непосредственного обозрения Петербурга Анненского можно выделить пять условных ареалов, привязанных к исторической топографии города:

1. Васильевский остров;

2. Коломенская часть;
3. Адмиралтейская, Казанская, Спасская части;
4. Литейная часть;
5. Московская часть⁵.

За пределами обзора — территории современного Выборгского района, где в годы студенчества Анненский отдыхал на дачах (районы Черной речки, Озерки и Парголово), а также «Литераторские мостки» Волковского кладбища, где похоронены брат поэта Н. Ф. Анненский и его жена А. Н. Анненская (двоюродная сестра обоих)

1. ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

1–1. Квартира И. И. Срезневского. Биржевая линия, 8 (особняк В. И. Бирюкова)

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) — выдающийся филолог-славист и палеограф, академик Имп. Академии наук, декан историко-филологического факультета Имп. Санкт-Петербургского университета во время учёбы Анненского. Их отношения выходили за обычные рамки, что выразилось в их переписке, совместном отдыхе и общении с детьми в большой семье

⁵ Поправки в отношении «частей» внесла Н. К. Цендровская.

И. И. Срезневского и репетиторстве с младшим сыном — Всеволодом (Всеволод Измаилович Срезневский (1867–1936) — историк литературы, археограф, палеограф, библиограф, член-корреспондент АН СССР).

Эта фамилия устанавливает связь Анненского с Валерией Сергеевной Срезневской (урожд. Тюльпановой), подругой детства, юности и всей жизни А. А. Ахматовой, оставившей строки воспоминаний об Анненском и его жене. В. С. Срезневская была женой внука И. И. Срезневского, Вячеслава Вячеславовича Срезневского. Думается, не случайно в 1898 г. он сдавал экстерном экзамены в Царскосельской Императорской Николаевской гимназии, директором которой в то время был Анненский. Возможно, не случайно и то, что вдова и дочь сына Анненского, Валентина, обустроились после военной репатриации сначала в Сестрорецке, где В. В. Срезневский до своей смерти в 1942 г. был главным врачом курорта и где продолжала жить В. С. Срезневская.

1–2. Дом Императорской Академии наук. Университетская наб., 5
(ранее Николаевская наб.)

На этот адрес Анненским писались письма Виктору Карловичу Ернштедту (1854–1902), профессору и академику, редактору отдела классической филологии «Журнала Министерства народного просвещения» в 1891–1902). Ернштедт проявил большой интерес к переводам Анненским трагедий Еврипида; 8 из них было опубликовано в журнале благодаря поддержке Ернштедта.

С 1898 г. Анненский состоял членом кружка филологов-классиков под руководством Ернштедта. Заседания кружка проходили в квартире Ернштедта, а иногда в археологическом музее университета.

1–3. Историко-филологический факультет Имп. Санкт-Петербургского университета.

Университетская набережная, 9/11

Учёба Анненского в 1875–1879 гг. на историко-филологическом факультете, по отделению сравнительного языкознания (под руководством профессоров И. И. Срезневского и И. П. Минаева). Осенью 1875 г., уже будучи студентом, Анненский заканчивает единственную свою поэму «Магдалина»⁶. Во время учёбы, испытывая материальные затруднения, занимается репетиторством, в том числе и в семье И. И. Срезневского.

Анненский заканчивает университет с золотой медалью со званием кандидата. Он «был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию, но силою вещей, а отчасти и природными свойствами (склонностью разбрасываться в занятиях) был отвлечен от профессорской карьеры»⁷.

Из письма И. И. Срезневскому от 24.08.1879:

У нас в столице ужаснейшая пальба, и вода выше 7 футов. Галерная Гавань и острова плавают. Берега Невы усеяны народом, опьяневшим от свежего морского ветра и картины бушующей Невы; мосты так искривились, что въезд на них невозможен, местами прорвало водопроводы, и волны гуляют по улицам; вообще Петербург как-то переменял вид⁸.

С 1890 г. Анненский — активный участник Неофилологического общества при университете. Самым известным его докладом в обществе был «Эстетический момент новой русской поэ-

⁶ *Анненский И.* Магдалина : поэма / Изд. подгот. В. Е. Гитин. М., 1997.

⁷ [Автобиография] // *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: (Историко-литературный сборник). СПб., 1904. Т. VI: Дополнения и поправки, присланные разными лицами в редакцию «Критико-биографического словаря». С. 342.

⁸ *Анненский И. Ф.* Письма : в 2 т. Т. I: 1879–1905 / Сост. и коммент. А. И. Червякова. СПб., 2007. С. 25. Далее ссылки на это издание даны в тексте — Письма, с указанием тома и страницы.

зии», читанный 15 ноября 1904 г. Он стал статьей «Бальмонт — лирик» в первой «Книге отражений»⁹.

Бывший историко-филологический факультет — комплекс современного факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. Сегодня во дворе — галерея изваяний, привлекающих внимание студентов и посетителей. Они призваны, видимо, настраивать на культурологические и метафизические размышления. Здесь можно увидеть каменный лабиринт, спираль развития, памятники деятелям культуры, Маленькому принцу, даже единорогу, собаке, коту... Жаль только, что в этой галерее не нашлось места блестящим преподавателям и выпускникам факультета (за исключением скульптуры А. А. Блока), составившим гордость отечественной высшей гуманитарной школы и культуры в целом. Нет и Анненского.

1–4. 8-я Санкт-Петербургская гимназия. 9-я линия, 8. 1893–1896

Гимназия открыта в этом здании в 1882 г. Анненский был назначен сюда после неудачного директорства в Киеве. Это были, пожалуй, самые успешные годы его службы, завершившиеся триумфальной ученической постановкой трагедии «Рес» в собственном переводе и назначением по личному предложению Министра народного просвещения на должность директора гимназии в Царское Село, с присвоением чина действительного статского советника.

Ранее, в 1860–1870-х гг. две квартиры в этом доме снимала семья Поленовых. Учёный-археолог Д. В. Поленов хранил там большую коллекцию античных древностей и редких книг. Его жена сочиняла и иллюстрировала детские книги. Старший из детей Василий с 1863 года учился в Академии художеств и на юридическом факультете Имп. Санкт-Петербургского университета, впоследствии стал знаменитым художником. Нередко бывали здесь его учитель рисунка П. П. Чистяков и соученик по Академии И. Е. Репин. Дома Василий писал портреты под руководством И. Н. Крамского, который давал уроки и сестре Елене — впоследствии тоже известной художнице.

В 8-й гимназии учились сыновья П. П. Семёнова-Тян-Шанского Вениамин, также географ, Валерий и Измаил. В одном классе с Валерием учились будущий поэт М. А. Кузмин и государствен-

⁹ Анненский И. Ф. Книга отражений. СПб., 1906. С. 171–213.

ный деятель Г. В. Чичерин. Они закончили гимназию за два года до прихода Анненского директором, семья Кузмина жила недалеко, на той же 9-й линии. В 1913 г. гимназию закончил писатель М. М. Зощенко. В 1961 году здание передали Василеостровскому Дому пионеров. С 1972 г. это — Дом юного техника.

А в соседнем доме № 6 в 1896–1904 гг. располагалась женская гимназия, воспитанницей которой была Лиза Васильева, будущая поэтесса Е. И. Дмитриева, получившая известность под псевдонимом Черубина де Габриак. Пожалуй, единственным в редакции журнала «Аполлон» и среди ближайших сотрудников, кто не поверил в эту мистификацию, был Анненский, что отразилось в итоговой статье «О современном лиризме». При этом он дал высокую оценку поэзии Черубины де Габриак¹⁰.

Гимназия значится в названиях первого изданного Анненским перевода трагедии Еврипида «Вакханки» и в подготовленном им издании Ксенофонта. Ученик Анненского в 8-й гимназии А. А. Кондратьев, будущий писатель, в своём мемуарном очерке утверждает, что третий этаж с актовым залом был надстроен при Анненском¹¹. Оставил воспоминания об учёбе ещё один ученик гимназии во времена Анненского, Б. Е. Райков¹². О директорстве Анненского в гимназии писал его сын В. Кривич¹³. Особая тема — это постановка трагедии «Рес», освещённая в прессе, письмах и воспоминаниях.

1–5. Елизаветинский институт.

Васильевский остров, 13-я линия, 14

О том, что здесь Анненский «начал службу преподавателем русской словесности», наряду с гимназией Бычкова, свидетельствует А. А. Мухин (в некрологе)¹⁴. Возможно, подразумевает

¹⁰ Анненский И. О современном лиризме: Оне // Аполлон. 1909. № 3. С. 27–29.

¹¹ Иннокентий Анненский глазами современников: К 300-летию Царского Села / Сост., подг. текста Л. Г. Кихней, Г. Н. Шелогуровой, М. А. Выграненко; вступит. ст. Л. Г. Кихней, Г. Н. Шелогуровой; коммент. Л. Г. Кихней, Г. Н. Шелогуровой, М. А. Выграненко. СПб., 2011. С. 209.

¹² Райков Б. Е. На жизненном пути: автобиографические очерки. В 2 кн. СПб., 2011. Кн. 1. С. 149–150.

¹³ Кривич В. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Анненский глазами современников. С. 81–84. Далее ссылки на это издание даны в тексте — Кривич, с указанием страницы.

¹⁴ Иннокентий Анненский глазами современников. С. 192.

это заведение и Б. В. Варнеке в своём некрологе¹⁵. Женское Елизаветинское училище было основано в 1806 г. как Дом трудолюбия. С 1847 г. — Елизаветинское воспитательно-трудоуое училище в честь покровительницы императрицы Елизаветы Алексеевны, с 1892 по 1917 г. — Елизаветинский дворянский институт.

1–6. Высшие женские Бестужевские курсы.

10-я линия, 31–35

Здесь Анненский читал лекции по русскому языку с сентября по декабрь 1890 г. Они сохранились в литографированном виде¹⁶. В письме Анненского к Сергею Федоровичу Платонову (1860–1933) от 10 сентября 1890 г. говорится о первой лекции Анненского на курсах (Письма I, 101–102).

Сегодня здесь размещается географический факультет СПбГУ. Почти напротив, на 11-й линии, занимала квартиру семья Сергея Константиновича Булича (1859–1921), близкого друга молодых лет Анненского, профессора университета. На курсах он не только читал лекции, но и был одним из их организаторов, одно время — директором. Он написал романс на стихотворение Анненского «Notturmo» (1890), которое имеет посвящение: «Другу моему С. К. Буличу». Есть пометы Булича и на других ранних стихотворениях Анненского. Булич присутствовал на похоронах Анненского.

1–7. Квартира Н. П. Бегичевой в 1906 г.

Угол 6-й линии и Среднего пр., 28, кв. 21

Здесь жила Нина Петровна Бегичева (1869–1942), камерная певица, дальняя родственница жены Анненского. О «нежном чувстве» между нею и Анненским, зародившемся к 1906 г., хотя знали они друг о друге и раньше, пишет в своей мемуарной записке её дочь, О. С. Бегичева:

Ин. Анненский прекрасно декламировал, и других, и себя. Тот, кто видел его в эти минуты, навсегда запомнил его высокий лоб, его необыкновенно лучистые синие глаза и особенный тембр голоса. Иннокентий Федорович был страшно чуток к тому, как его слу-

¹⁵ Иннокентий Анненский глазами современников. С. 156.

¹⁶ Лекции по русскому языку И. Ф. Анненского: 1890–1891 гг. Курс II / С.-Петербургские Высшие женские курсы. [СПб., 1891].

шают. Если в комнате находился человек, до кот<орого> не «доходили» слова Ин<нокентия> Фед<оровича>, то он сразу потухал, комкал и быстро бросал чтение. Помню такой случай. Анненский должен был читать свою трагедию «Фамира» в квартире Н. П. Бегичевой на Васил<ьевском> Остр<ове>, уг<ол> 6-ой Л<инии> и Средн<его> Просп<екта> (...). У Ин<нокентия> Фед<оровича> был болезненный страх перед мышами. При виде мыши он бледнел, дрожал и немел. У детей Бегичевой были две ручные белые мыши, и, конечно, в этот день они были старательно запрятаны. Началось чтение. Иннок<ентий> Фед<орович> был в ударе. Звучные строфы сменяли одна другую, слушатели сидели, затаив дыхание, как вдруг на лице чтеца появился ужас, глаза вытаращились: «что это?!» — дрожащим голосом воскликнул он и показал на двух маленьких мышек, кот<орые> явились, как ни в чем не бывало, и нарушили все настроение. «Фамира Кифаред» не прозвучал так, как все ждали¹⁷.

Письма Анненского к Н. П. Бегичевой принадлежат к той его уникальной эпистолярной лирической прозе, которая является и своеобразной поэтической лабораторией.

1–8. 4-я гимназия (Ларинская). 6-я линия, 15

В феврале 1906 г. директором гимназии назначен Аркадий Андреевич Мухин (1867–1942), младший сослуживец Анненского по Николаевской гимназии в Царском Селе. Здесь же находилась служебная квартира директора и его жены Екатерины Максимовны (1871–1942), дружественных ему людей, в которой он часто бывал. А. А. Мухин — автор известной статьи-некролога Анненскому. Именно он прочитал 15 декабря 1909 г. на заседании Общества классической филологии и педагогики (Филологического общества) доклад Анненского «Таврическая жрица у Еврипида, Ручелаи и Гете», который был запланирован на 30 ноября, в день смерти автора.

Е. М. Мухина принадлежала к узкому кругу «жен-мироносиц», по выражению В. И. Анненского-Кривича, и письма Анненского к ней — еще один источник и образец его лирической прозы и биографических сведений. Например, 16 апреля 1906 г. он написал: «Постараюсь заехать как-нибудь на неделе, когда буду на Вас<ильевском> остр<ове>» (Письма II, 1). Или в ноябре то-

¹⁷ Иннокентий Анненский глазами современников. С. 152.

го же года Анненский вспоминал о днях, «(…)когда бы мои глаза могли светиться в Вашем доме радостью видеть Ваши» (Письма II, 71).

В настоящее время здание занимает филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

1–9. Покровская гимназия.

Большой проспект, 85 (в некоторых источниках 77)

За 27-й линией начинается обширная территория Покровской больницы — № 85. Училище для подготовки фельдшерниц в составе больницы с 1878 года преобразовали в женскую гимназию. Анненский в 1895–1901 гг. руководил ее педагогическим советом, разрабатывал для неё учебные планы и даже вёл занятия. В письме к Н. П. Бегичевой от 13 июля 1906 г. он называет её наша «единственная казенная, т. е. дешевая гимназия» (Письма II, 27).

2. Коломенская часть

2–1. Пятая квартира родителей после возвращения из Сибири. Ул. Декабристов (б. ул. Офицерская), 57, кв. 23

В 1876–1879 гг. семья Анненских занимала квартиру № 23 на втором этаже со входом со двора. Адрес хорошо известен тем, что в нём находится Музей-квартира А. А. Блока. Здесь, «в доме сером и высоком у морских ворот Невы» (А. Ахматова), он поселился в 1912 г. в квартире 21 на 4-м этаже с окнами и балконом на ре-

ку Пряжку. А в феврале 1920 г. Блок с женой переехали в «анненскую» квартиру № 23, где с 1918 г. уже жила его мать. В этой квартире Блок умер. Окна квартиры тоже выходят на Пряжку.

Можно добавить, что Офицерскую улицу считал «родиной» и старший брат поэта Н. Ф. Анненский, по воспоминаниям В. Г. Короленко¹⁸.

2–2. Офис Учёного комитета Министерства народного просвещения. Ул. Декабристов (б. ул. Офицерская), 39

С 21 декабря 1898 г. Анненский — член Учёного комитета Министерства народного просвещения, заседания проходили по понедельникам. Анненский присутствовал на заседании и в последний день жизни. Отделы комитета, основной и по начальному образованию, размещались по этому адресу с начала 1900-х годов¹⁹. Именно здесь прозвучали многочисленные доклады и сообщения Анненского как рецензента учебных пособий и книг с целью использования их в учебном процессе. Значительная их часть опубликована А. И. Червяковым²⁰.

2–3. Вторая квартира родителей после возвращения из Сибири. Проспект Римского-Корсакова (б. Екатеринбургский), 47 (ранее 35)

Здесь семья Анненских жила с начала 1870-х до 1874 г. И здесь Анненский готовился сдавать экстерном экзамены за гимназический курс. Первая попытка оказалась неудачной, и он переехал к старшему брату (см. 3–2), который оказал ему помощь в подготовке к испытаниям.

2–4. Гимназия Человеколюбивого общества.

Набережная Крюкова канала, 15

Учебное заведение открыто в 1872 г. Здесь юный Анненский держал экзамены на «испытание зрелости», подготовившись в домашних условиях, и получил аттестат об окончании гимназиче-

¹⁸ Короленко В. Г. О Николае Фёдоровиче Анненском // Короленко В. Г. Воспоминания о писателях. М., 1934. С. 88.

¹⁹ О том, что дом сохранился, сообщила Н. К. Цендровская.

²⁰ Анненский И. Ф. Учено-комитетские рецензии / Сост., подг. текста, предисл., прил., примеч. А. И. Червякова. Выпуск I: 1899–1900 гг. Иваново, 2000; Выпуск II: 1901–1903 гг. Иваново, 2000; Выпуск III: 1904–1906 гг. Иваново, 2001; Выпуск IV: 1907–1909 гг. Иваново, 2002.

ского курса в 1875 г. Это была уже вторая попытка, первая не удалась. В наши дни здесь размещается школа № 232.

Можно отметить, что в 1906 г. руководство гимназией принял Константин Алексеевич Иванов, будущий последний директор Николаевской гимназии в Царском Селе (1914–1917). Анненский был с ним знаком; известно неопубликованное письмо К. А. Иванова 1907 г., в котором он поблагодарил Анненского за присылку книги «Тихие песни»²¹. Иванов и покоится на Казанском кладбище Пушкина (Царское Село) недалеко от Анненского.

3. АДМИРАЛТЕЙСКАЯ, КАЗАНСКАЯ, СПАССКАЯ ЧАСТИ

3–1. Частная гимназия В. И. Беренса.

Вознесенский проспект, 53

Здесь Анненский учился в 1869–1872 гг., как сам указал в «Моем жизнеописании»²². Виктор Иванович Беренс (1814–1884), военный инженер, преподаватель математики в военных учебных заведениях, снимал в этом доме несколько квартир для размещения своей гимназии²³.

3–2. Квартира Н. Ф. Анненского. *Исаакиевская площадь, 9 / ул. Почтамтская, 2, кв. 12 («дом П. В. Мятлева»)*

Анненский жил в семье старшего брата с осени 1875 г. до лета 1876. С его помощью он выдержал экзамены на «испытание зрелости» и поступил в университет.

3–3. Четвёртая квартира родителей после возвращения из Сибири. *Набережная Фонтанки, 133²⁴ (ранее 107), кв. 56*

Проживание в 1874–1875 гг. Из прошения Анненского-подроска 17 апреля 1875 г. на имя попечителя Санкт-Петербургского учебного округа для разрешения сдавать экзамены на получение «свидетельства зрелости»: «Родители мои: действитель-

²¹ Тименчик Р. Д. Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х годов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 680. Блоковский сборник VI: А. Блок и его окружение. 1985. С. 102.

²² Юношеская биография Иннокентия Анненского. / Публикация и комментарии А. В. Орлова. // Русская литература. 1985. № 2. С. 174.

²³ Информационная помощь Н. К. Цендровской.

²⁴ Адрес выявлен с помощью Н. К. Цендровской.

ный статский советник Федор Николаевич и Наталия Петровна Анненские жительствоуют: по Фонтанке, в доме Бруни, № 107, кв. № 56. Жительство имею в квартире моих родителей»²⁵.

3–4. Санкт-Петербургское Литературное общество.

Набережная Фонтанки, 83

Здесь по пятницам проводились собрания Литературного общества, председателем которого был Н. Ф. Анненский. Одному из этих собраний от 12 февраля 1908 г. практически полностью посвящено письмо Анненского к Т. А. Богданович от 6 февраля 1909 г., в котором автор в сердцах написал свою известную теперь фразу: «Искать бога — Фонтанка 83. Срывать аплодисменты на Боге... на совести. Искать Бога по пятницам... Какой цинизм!» (Письма II, 280).

А начинается письмо словами: «Благодарю тебя за присылку мне билета и за желание видеть меня Фонтанка, 83». Скорее всего, это была реакция на собрание от 12 декабря 1908 г., в котором А. А. Блок выступил с рефератом «Обожествление народа в литературе» («Народ и интеллигенция»). О собрании Анненский был подробно проинформирован или, возможно, лично присутствовал, по предположению А. И. Червякова. Эта реакция была связана не только с А. А. Блоком, но и с Д. С. Мережковским, выступавшим на собрании. Из воспоминаний Т. А. Богданович: «В Литературном обществе, где все его знали и ценили, хотя и по-разному относились к нему, он выступал только один раз. Споры он считал совершенно бесплодным занятием»²⁶.

31 октября 1909 г. Анненский при содействии Н. Ф. Анненского был избран в общество и дал согласие прочесть доклад «Об эстетическом критерии». 21 ноября секретарь общества телеграфировал: «Покорнейшая просьба прочитать Ваш доклад в Литературном Обществе в ближайшую пятницу». Ответ Анненский отправил брату, в котором, сославшись на занятость (он готовил в «Аполлон» третью часть статьи «О современном лиризме»), отложил чтение до 11 декабря 1909 г. Но в эту пятницу, 27 ноября, Анненский прибыл в общество. Его доклад был заменен до-

²⁵ См.: Юношеская биография Иннокентия Анненского / Публ. и коммент. А. В. Орлова. // Русская литература. 1985. № 2. С. 172.

²⁶ Богданович Т. А. Повесть моей жизни. Воспоминания. 1880–1909 // Иннокентий Анненский глазами современников. С. 146.

кладом А. Е. Редько об «Анатэме» Л. Андреева. Свидетельство: «(...) председательствовал часть вечера при чтении реферата очередным докладчиком. Но к полуночи ослабел, сошел с председательского места и скоро уехал»²⁷. В следующую пятницу 4 декабря от имени общества за подписью председателя С. А. Венгерова была составлена и отправлена жене Анненского телеграмма с соболезнованиями.

Можно отметить, что на другом берегу Фонтанки (наб. Фонтанки, 86) находилась типография «Труд», где была напечатана первая «Книга отражений» (1906). Здание не сохранилось, участок застроен в 1910 г.

3–5. Высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н. П. Раева. Ул. Гороховая, 20

Здесь Анненский с августа 1908 г. и до последних дней жизни читал курс по греческой драме в звании профессора. О позднем вечере 30 ноября 1909 г. В. Кривич записал:

У траурного вагона, немного в стороне от других провожавших, собралась многочисленная группа молодых женщин в газах и шляхах на головах, в белых и цветных нарядных платьях, пестревших из-под верхних одежд. Это были «Раички», слушательницы отца, узнавшие об его кончине на курсовой вечеринке и приехавшие оттуда проводить тело своего профессора. (...)

Утром и днем — лекция на Высших Женских Курсах Раева (...) отец обещал своим слушательницам-курсисткам побывать перед отъездом в б. Царское, на их вечеринке (Кривич, 44).

В этом же здании с 1871 г. (сразу после его постройки) и до 1917 г. располагалась Александровская гимназия, о которой Анненский писал в письме И. И. Срезневскому от 24.08.1879: «Совершенно неожиданно для меня начинаются с завтрашнего утра мои уроки в Александровской Гимназии, сегодня утром экзаменовал у Бычкова, и вообще вступаю с разных сторон в сан учителя» (Письма I, 24). Но состоялись ли эти занятия, неизвестно.

С улицей Гороховой, пересекающей Фонтанку, видимо, связан еще один примечательный топографический сюжет. 17 сентября

²⁷ Камышников Л. М. Памяти И. Ф. Анненского // Обозрение театров. 1909. № 925. 5 дек. С. 8. Подпись: Лев К.

1907 г. Анненский, освободившись от службы в 8-м часу вечера, не смог побывать в гостях, как хотел, ни у Мухиных, ни у Н. П. Бегичевой. Последней в письме он написал:

Так меня все это огорчило, что я нашел, что мне не прилично ехать на вокзал на извозчике и сел в какую-то стеклянную кукушку, которая додрезжала и догромыхала меня до Сенной. Тут я долго рассматривал в ярко освещенных окнах арбузы, баклажаны и битых кур, а потом пешком побрел на вокзал и шел мимо часовщиков и баб с яблоками и торговых баб, и скверно пахло, а мне это было приятно, а когда пришел в ярко освещенный вокзал, а потом в мягкий угол вагона, то стало томно ... (Письма II, 163).

Почему было неприлично ехать на извозчике — вопрос. А в отношении «какой-то стеклянной кукушки» «Википедия» сообщает, что как раз «в 1907 году через Сенную площадь пролегла одна из первых линий трамвая». Надо думать — по Садовой улице, где линия действует и сейчас. Но тогда это был паровик, предшественник электрического трамвая. «Ярко освещенных окон» Сенного рынка давно нет. Как и окружавших площадь трущоб с притонами и кабаками. А раньше это место было совсем не для гуляния такого человека как Анненский. «Пешком побрел на вокзал» он, скорее всего, по Гороховой, с ближайшим мостом через Фонтанку. Это не рядом с Царскосельским вокзалом (ныне Витебским). Понятно, что в «мягком углу вагона» на Царское Село почувствовал вместе с «томностью» и утомление.

3–6. Здание Министерства народного просвещения.

Площадь Ломоносова (б. Чернышёва площадь), 2 / ул. Зодчего Росси, 5

Это знаменитое здание архитектора К. И. Росси. 14 мая 1901 г. Анненский был на приеме у министра народного просвещения П. С. Ванновского. Из письма И. А. Шляпкину, февраль 1902: «(...)вызван завтра в министерство» (Письма I, 291).

В настоящее время здесь находится Комитет по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга.

Площадь Ломоносова, 1 / Торговый пер., 2

Здесь находилась 6-я мужская гимназия или Гимназия им. наследника цесаревича Алексея Николаевича (с 6 апреля 1912 г.).

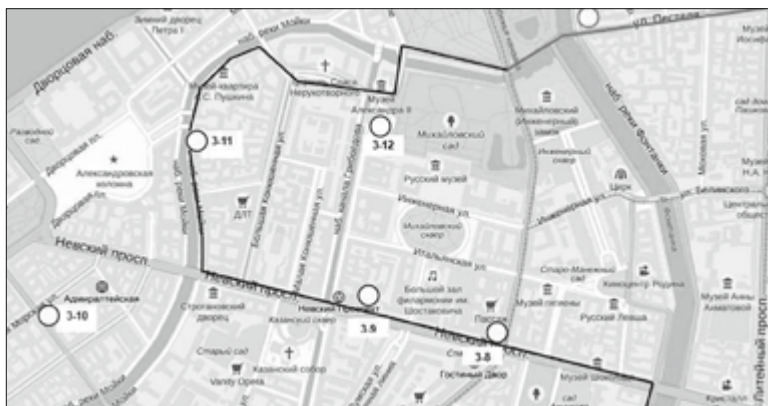
Судя по старым открыткам, гимназия располагалась в том же здании, что и министерство. В 6-й гимназии по пятницам Анненский вел прием в качестве инспектора учебного округа от 3 до 5 часов после полудня. Из письма к А. В. Бородиной от 12.01.1907: «Сегодня я видел Нину (она была у меня на приеме) — не хочет знать ни о какой заразе и зовёт к себе» (Письма II, 106). В 6-й гимназии учились пасынки Анненского.

Уже после смерти Анненского, в 1914–1916 гг., для неё построено было отдельное здание во дворе, Торговый пер., 2А. Сегодня в нём располагается школа № 550 с углубленным изучением иностранных языков и информационных технологий.

А на другом берегу Фонтанки, несколько дальше (наб. Фонтанки, 36), в зале бывшего Екатерининского института, здание которого занимают сейчас подразделения Российской национальной библиотеки (б. Публичной), стараниями С. О. Цыбульского в июле 1919 г. состоялось второе представление школьной постановки еврипидовской трагедии «Ифигения-жертва» в переводе Анненского.

3–7. Российская национальная библиотека (б. Публичная библиотека). Площадь Островского, 1/3

Одно из посещений Анненским библиотеки нашло свое отражение в его стихотворении «Идеал».

3–8. Издательство «Просвещение». Невский проспект, 50

Это издательство выпустило осенью 1906 года первый том «Театра Еврипида» Анненского.

3–9. Редакция журнала «Гермес».

Невский проспект, 32, кв. 59

Журнал был создан при содействии Общества классической филологии и педагогики, членом которого Анненский был с 1898 г. и в котором неоднократно выступал с докладами в последние годы жизни. Здесь же находилась квартира С. О. Цыбульского, редактора журнала. Он был сослуживцем Анненского по Николаевской гимназии в Царском Селе и его дружественным соратником. Неудивительно, что Анненский был близок к редакции в 1908–1909 гг. В журнале были опубликованы несколько важных трудов Анненского, особенно статья «Античный миф в современной французской поэзии».

3–10. Буфет магазина «У Смурова на Невском». *Дом на углу ул. Большая Морская и Гороховая, 25/11*

С. К. Маковский, редактор журнала «Аполлон», вспоминал:

Запомнился мне разговор на религиозную тему, происходивший в 1909 году втроем с Вячеславом Ивановым и Иннокентием Анненским (неверующим, религиозной мистики не признающим). Помню обстановку нашей встречи — у Смурова на Невском, куда мы зашли после того, как подали прошение градоначальнику об учреждении Общества ревнителей. На мой вопрос: «Вячеслав Иванович, скажите прямо: вы верите в божественность Христа?» — подумав, он ответил: «Конечно, но в пределах солнечной системы»²⁸.

Публикаторы воспоминаний С. К. Маковского пояснили, что это был именно буфет по такому адресу. Но указанный перекрёсток находится далеко от Городской управы, располагавшейся по адресу: Невский проспект, 33 (Городская управа создана в 1870 г. одновременно с Городской думой в качестве ее исполнительного органа). Однако троица могла зайти и в сам магазин купца Смурова, располагавшийся на Невском, и при нём вполне мог быть буфет.

Магазин купца Смурова был очень популярен у столичной публики. Именно из него на «башню» Вяч. И. Иванова завсегда приносили ликеры, в т. ч. кюрасо. Последний в начале XX столетия был в особенной моде как из-за своего «экзотизма» (сказыва-

²⁸ Маковский С. Портреты современников / Сост., подгот. текста и коммент. Е. Г. Домогацкой, Ю. Н. Симоненко. М., 2000. С. 176.

лось карибское происхождение), так и в силу относительной новизны напитка — начало его массового производства приходилось на 1880–1890-е гг. Куросао (именно в таком написании) упоминали в своих дневниках М. А. Кузмин, К. А. Сомов и другие.

А недалеко от указанного адреса, в здании 36 по Большой Морской, находился фешенебельный ресторан «Пивато», в котором прошёл обед в честь открытия журнала «Аполлон», на котором Анненский выступил с приветственной речью и читал свои стихи.

3–11. Редакция журнала «Аполлон». *Набережная Мойки, 24*

Здесь Анненский часто бывал с августа 1909 г. как член редакции. С журналом «Аполлон» прямо и тесно связаны последние месяцы жизни Анненского, ее события и его труды.

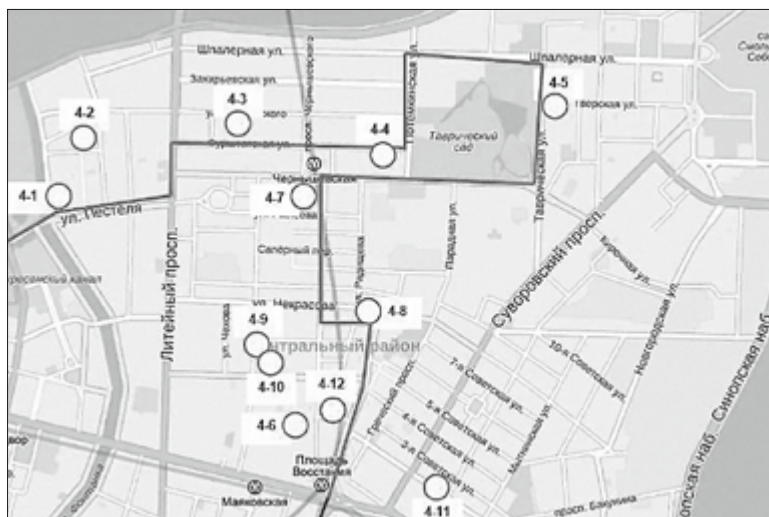
3–12. Михайловский театр. *Площадь Искусств, 1*

25 октября 1909 г. в Имп. Михайловском театре состоялась премьера спектакля «Ифигения — жертва», трагедии Еврипида в переводе Анненского (1898). О постановке он шуточно написал на следующий день Н. П. Бегичевой:

Чем бы мне хоть похвастаться перед Вами, что ли. Ах, стойте. Я попал на Императорскую сцену... шутите Вы с нами. Вчера ставили в моем переводе «Ифигению» Еврипида. Я должен был быть на генеральной репетиции, но увы! по обыкновению моему уклоняться от всякого удовольствия предпочел провалиться в постели (Письма II, 398).

Представление «Ифигении — жертвы» шло вместе с «Эринниями» Леконта де Лиля. К показу этой трагедии Анненский в начале того же месяца написал статью «Леконт де Лиль и его “Эриннии”». Всего состоялось 5 спектаклей, последний — 2 декабря, уже посмертно. В постановке «Ифигении — жертвы» играла В. В. Котляревская-Пушкарева, актриса Александринского театра, ученица Анненского по Высшим женским курсам в 1889–1890 учебном году, жена академика Н. А. Котляревского, организовавшего постановку. В ней, наверное, принимали участие и другие артисты Александринского театра, из-за чего иногда в публикациях возникает разногласие о месте проведения представления.

4. ЛИТЕЙНАЯ ЧАСТЬ

4–1. Общепедагогический отдел учебно-воспитательного комитета Педагогического Музея военно-учебных заведений. Улица Пестеля (б. ул. Пантелеймоновская, в Соляном городке), 2.

А. И. Червяков, поясняя письмо Анненского к И. А. Шляпкину от 15.04.1890, отмечает (Письма I, 60):

(...) с середины 1880 гг. до конца 1890 г. Педагогический музей военно-учебных заведений был одним из главных полей приложения сил Анненского. <...> В различных изданиях Педагогического музея было опубликовано свыше десятка работ Анненского (...), две из которых были выпущены в свет в виде отдельного издания²⁹.

4–2. Соляной пер., 8

Здесь, между улицами Чайковского и Пестеля, в 1887 г. Юрием Эрастовичем Озаровским организуется «Кружок любителей художественного чтения», в котором ставится задача соеди-

²⁹ См.: Анненский И. Ф. Первые шаги в изучении словесности: Два сообщения в собрании преподавателей русского языка при Педагогическом музее военно-учебных заведений. СПб., 1888.

нения слова с интонацией подобно соединению поэзии с музыкой. Кружком была поставлена трагедия Еврипида «Ифигения — жертва» в переводе Анненского, см. 5–3.

В 1902 г. Анненский читал в кружке свой доклад «Античная трагедия». Дом не сохранился.

4–3. Квартира С. Ф. Платонова. Фуришадская ул., 19

В период с 1887 по 1890 г. в доме проживал историк *Сергей Федорович Платонов*, будущий академик. Сначала, он занимал квартиру № 21, а в 1888 г. переехал в квартиру за № 36. В 1888 г. он защитил магистерскую диссертацию и получил должность приват-доцента Петербургского университета. В квартире Платонова часто гостили его друзья по «Кружку русских историков». Членом кружка, хотя и не самым активным, с 1889 г. был Анненский. Собрания кружка проводились по четвергам.

4–4. Квартира А. Н. Ткачева в 1909 г. Фуришадская, 35

Андрей Никитич Ткачёв (1843–1911) — юрист, общественный деятель, депутат III Государственной думы от Псковской губернии, двоюродный брат Анненского. Ткачев присутствовал при венчании Анненского 18 марта 1881 г. Ему посвящен перевод трагедии «Рес» (1896). Здесь он пережил инсульт в 1909 г.

4–5. «Башня» Вячеслава Иванова.

Ул. Таврическая, 35 (ранее 25)

Здесь в угловом пространстве последнего этажа находилась квартира Вячеслава Ивановича Иванова — один из самых известных культурных салонов Петербурга начала XX века. С осени 1909 г. здесь по средам собиралось «Общество ревнителей художественного слова», преобразованное из «Академии стиха» или «Поэтической академии» Вяч. И. Иванова, с официальной программой лекций и поэтических вечеров. В организации общества и его лекционной программе Анненский принял непосредственное участие. Он также написал два шуточных «мифотворения» под общим названием «Мифотворцу — на башню»:

Где розовела полоса,
Там знойный день в асфальте пытан.
Бегут на башню голоса...
А сверху шепот: «Тише — спит Он».

Адрес «башни» обозначился в переписке Анненского и Иванова.

Анненский и Иванов обменялись поэтическими посланиями: Анненский — «Другому», Иванов — «Ultimum vale». Кроме того, они внимательно исследовали творчество друг друга («О современном лиризме», «О поэзии Иннокентия Анненского»).

К «башне» Иванова имеют непосредственное отношение еще два ближайших сотрудника журнала «Аполлон», связанные с Анненским в последние месяцы его жизни. В 1906 г. этажом ниже поселился с молодой женой М. А. Волошин. В 1910–1912 гг. здесь снимал квартиру М. А. Кузмин.

4–6. Павловский женский институт ведомства

Императрицы Марии. Ул. Восстания, 8

Это частное учебное заведение, основанное ещё в 1798 г. императором Павлом I и получившее свое название в 1829 г. Здесь Анненский преподавал русский язык в 1879–1880 учебном году. Институт располагался недалеко от гимназии Бычкова/Гуревича и от первых квартир, которые он снимал, будучи уже семейным человеком. Поэтому ему такое «совместительство» было удобным. Нынче в здании располагается гимназия № 209, а в бывшем преподавательском корпусе размещается Международная школа Российского педагогического университета им. А. И. Герцена.

В воспоминаниях В. Кривича читаем:

Не могу не рассказать к слову — такое трогательное напоминание получил я о Павловском Институте через некоторое время после смерти отца. По служебному моему адресу было доставлено мне письмо от двух бывших «павлушек». Узнав о моём существовании, они слали мне своё сочувствие и с такой исключительной теплотой вспоминали о человеке, который больше чем 20 лет тому назад был их случайным учителем и которого с тех пор они ни разу не видели. — Добавлю, что полученный отцом от Павловского Института жетон он до конца дней своих носил на часовой цепочке (Кривич, 76).

О преподавании Анненского в Павловском институте упоминал и П. П. Митрофанов³⁰.

³⁰ Митрофанов П. П. Иннокентий Федорович Анненский // Иннокентий Анненский глазами современников. С. 175.

В июне 1919 г. в зале Павловского института стараниями С. О. Цыбульского состоялось одно из двух представлений школьной постановки трагедии Еврипида «Ифигения — жертва» в переводе Анненского.

4–7. Первая квартира родителей после возвращения из Сибири. Ул. Восстания, 40, кв. 3 (б. ул. Знаменская)

Здесь пятилетний Иннокентий начал свою жизнь в Петербурге с 1860 по 1868 (?) г. Дом не раз перестраивался, менял владельцев, горел. В 1863 г. в этом доме проживал с семьёй контр-адмирал Г. И. Невельской (1813–1876), знаменитый мореплаватель, гидрограф, ученый. В 1899–1906 гг. квартиру № 33 занимала семья генерала К. В. Комарова (1832–1912), впоследствии коменданта Петропавловской крепости. Его племянницей была О. Д. Форш (урожденная Комарова). В разное время в доме проживали семьи высоких военных чинов.

Более 20 лет в квартире № 24 этого дома жил с семьёй видный русский юрист-профессор Николай Степанович Таганцев (1843–1923) — сенатор, крупный специалист по уголовному праву. Но известна эта фамилия больше по делу о «Петроградской боевой организации» 1921 г., так называемому «Таганцевскому делу», по которому погиб его тёзка, поэт Н. С. Гумилёв, ученик Анненского в царскосельской Николаевской гимназии.

4–8. Гимназия Ф. Ф. Бычкова / Я. Г. Гуревича.

Лиговский проспект, 1/Озерной пер., 14/ул. Некрасова 43

В частной гимназии Ф. Ф. Бычкова, с 1883 — частной гимназии и реальном училище Я. Г. Гуревича Анненский прослужил в 1879–1891 гг. преподавателем древних языков.

Из воспоминаний В. Кривича: «В тот же год <1879 г.> началась педагогическая деятельность отца в гимназии Гуревича (вначале — Бычкова), которая совместилась затем с занятиями в Павловском институте...» (Кривич, 57).

В 1893–1896 гг. в реальном училище Я. Г. Гуревича учился С. К. Маковский и закончил его. Для поступления в университет ему пришлось сдавать экзамены по латинскому и греческому языкам, что он сделал в 8-й гимназии, наверное, когда Анненский уже ее покинул и принимал Николаевскую гимназию в Царском Селе.

4–9. Первая семейная квартира И. Ф. и Н. В. Анненских.

Угол ул. Маяковского (б. ул. Надеждинской) и Ковенского пер., кв. 20

Раньше этот дом имел номер 9 по Надеждинской, теперь 11. Коррективы внесла перенумерация конца 1880-х гг. Во время войны дом был разрушен и в 1951 г. восстановлен в упрощенном виде. А в довоенном здании жил в 1925–1941 гг. поэт Д. И. Хармс, о чем свидетельствует с 2005 г. памятная доска с барельефом. Ещё раньше в прежнем доме в 1873–1877 была квартира известного деятеля В. В. Стасова (1824–1906). В 1899 г. в квартире В. А. Поссе (1864–1940), редактора журнала легальных марксистов «Жизнь», останавливался впервые приехавший в Петербург из Нижнего Новгорода А. М. Горький.

4–10. Вторая квартира Анненских. Ул. Маяковского

(б. ул. Надеждинская), 27, кв. 21

Дом находился между Малой Итальянской и Ковенским переулком и был разрушен во время войны. Последующая застройка не позволяет точно определить его положение. Сегодня на этом месте расположено здание школы № 171.

В 1890 г. Анненским отправлена открытка И. А. Шляпкину с адреса: ул. Малая Итальянская, д. 27. Можно добавить, что совсем недалеко от этих адресов, в д. № 3 по ул. Маяковского, долгое время жил и умер корреспондент Анненского, весьма им почитаемый, юрист А. Ф. Кони (памятная доска на фасаде).

4–11. Вторая прогимназия.

2-я Советская (б. Рождественская) ул., 12

Здесь Анненский учился в 1868 г. (основана в 1867). Здание не сохранилось, весь квартал застроен домами конца XIX — начала XX в.

4–12. Квартира С. К. Маковского.

Пер. Ульяны Громовой (б. Гусев), 6

Здесь Анненский бывал во время подготовки 1-го номера журнала «Аполлон» с августа 1909 года, и почти ежедневно в сентябре, во время болезни редактора С. К. Маковского.

4–13. Смольный институт благородных девиц.

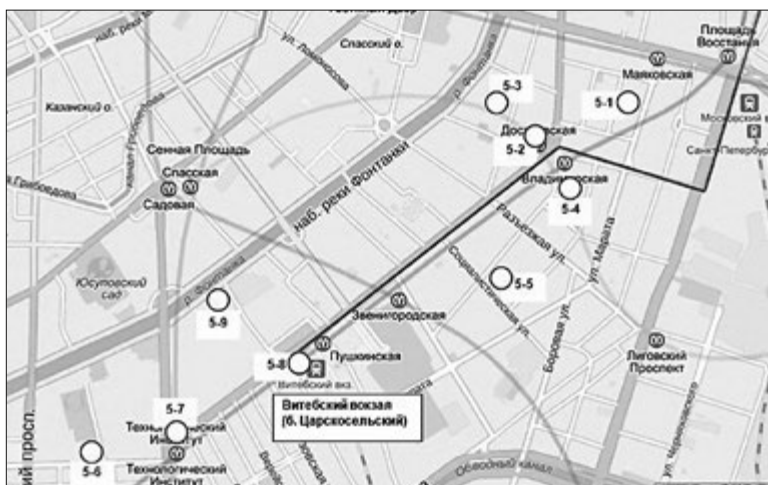
Смольный проезд, 1

Располагается за «башней» Вяч. Иванова, ближе к Неве.

Из письма Н. П. Бегичевой от 22.07.1907:

(...) вот представьте себе, например, что я должен был делать сегодня. Engrandetepue в раззолоченной толпе мундиров 2 ½ часа слушать в Смольном Митрополита — и это называется каникулярным отдыхом. И для этого надо прерывать нити дум, которые может быть, потом не удастся и связать (Письма II, 147). (22 июля — тезоименитство вдовствующей государыни императрицы Марии Федоровны).

5. МОСКОВСКАЯ ЧАСТЬ

Проезжая (или проходя) по Лиговскому проспекту в заданном направлении мимо Московского вокзала слева, можно остановиться в районе остановки транспорта. Здесь было здание с адресом: *Лиговский проспект, 26*. Оно было построено в 1853 г. и снесено в 1998 г. В этом здании находилась домовая **Церковь св. Никанора апостола при Доме призрения малолетних бедных Императорского человеколюбивого общества**. В ней 23 сентября 1879 г. венчались Анненский и Н. В. Хмара-Барщевская. Свидетельствовали со стороны жениха: А. Н. Ткачёв (двоюродный брат) и Н. Ф. Анненский (брат). Свидетельствовали со стороны невесты: профессор университета доктор филологии И. П. Минаев и студент университета А. П. Вигилянский (друг Анненского).

5–1. Шестая квартира родителей Анненского.

Поварской пер., 6, кв. 6

Здесь 27 марта 1880 г. скончался отец поэта — Фёдор Николаевич Анненский.

5–2. Квартира О. П. Васильевой.

Владимирский пер., 19

По свидетельству В. Кривича, 30 ноября был у Ольги Пантелеевны (Александровны?) Васильевой, вдовы учителя 6-ой гимназии Петра Григорьевича Васильева (автора небезызвестной повести «Сиротка»). Таким образом, она — последний близкий Анненскому человек, который видел его живым.

Из воспоминаний В. Кривича:

В промежутке он должен был обедать у одной дамы, близкого друга нашей семьи, жившей неподалеку от вокзала. Уже там, у О. А. Васильевой, он почувствовал себя нехорошо и настолько нехорошо, что даже просил разрешения прилечь. От доктора, однако ж, отец категорически отказался, принял каких-то домашних безразличных капель и, полежав немного, уехал, сказав, что чувствует себя благополучно. А через несколько минут упал мёртвым на подъезде вокзала в запахнутой шубе и с зажатым в руке красным портфельчиком с рукописью доклада о Таврической жрице. Почему приехал он на вокзал, — потому ли, что, чувствуя себя плохо, решил скорее ехать домой, или, может быть, просто с целью привести себя в порядок (в доме, где он обедал, мужчин не было) — осталось не выясненным: о возможности немедленного возвращения в б. Царское он не сказал, а извозчика, привезшего его на вокзал, мне отыскать не удалось (Кривич, 45).

5–3. Зал А. И. Павловой.

Ул. Рубинштейна, 13 (б. Троицкий пер., 15)

16 марта 1900 г. в зале А. И. Павловой состоялось поставленное Ю. Э. Озаровским представление «Ифигения — жертва», евриподовской трагедии в переводе Анненского (1898). Это была первая из трёх постановок этой трагедии.

Сегодня в здании размещается Государственный детский музыкальный театр «Зазеркалье» (с 1987 г.). Зал примечателен ещё и тем, что с 1981 г. и до начала 1990-х в нём размещался Ленинградский рок-клуб.

5–4. Квартира барона Н. В. Дризена.

Большая Московская улица, 8

Здесь 25 ноября 1909 г. Анненский председательствовал на первой «литературной среде» у барона Н. В. Дризена, театрального деятеля, редактора «Ежегодника Императорских театров». Об этом Блок сообщал жене в письме от 09.12.1909 г.³¹ и Л. Я. Гуревич³², присутствовавшие на собрании. Сохранилось и письмо самого Дризена с приглашением Анненскому (Письма II, 365).

В августе 1909 г. Дризен заказал Анненскому статью «Леконт де Лиль и его “Эринни”», в связи с чем они переписывались. Статья была опубликована уже после смерти Анненского, в 5-м номере «Ежегодника» за 1909 год.

5–5. Квартира Н. А. Котляревского.

Ул. Правды (б. Кабинетская), 12, кв. 8

Историк литературы и академик Н. А. Котляревский организовал постановку переведенной Анненским трагедии Еврипида «Ифигения — жертва», см. п. 3–12. Анненский не раз обращался к работам Котляревского в своих служебных рецензиях, присылал ему свою «Вторую книгу отражений», переписывался. Возможно, они встречались. Котляревский присутствовал на похоронах Анненского.

5–6. Духовная семинария Римско-католической архиепархии. Ул. 1-ая Красноармейская

(б. ул. Первой роты Измайловского полка), № 11

В 1907 году Анненский регулярно посещал семинарию и принимал экзамены у воспитанников. Из письма *Н. П. Бегичевой* от 1.09.1907: «В понедельник мне назначили экзамен в Римско-Католической Семинарии, который продлится весь день — желанья мои очевидно были подслушаны враждебной силой» (Письма II, 156).

Римско-католическая семинария размещалась в этом здании в 1902–1918 гг. В 1995 г. здание было возвращено церкви, и сюда переехала из Москвы Высшая католическая семинария «Мария — царица апостолов» — единственная католическая семинария в России.

³¹ Блок А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8: Письма 1899–1921 / Подгот. текста и примеч М. И. Дикман. М. ; Л., 1963. С. 299.

³² Гуревич Л. Я. Памяти И. Ф. Анненского // Иннокентий Анненский глазами современников. С. 244.

5–7. Канцелярия Санкт-Петербургского учебного округа.

Загородный пр., 49

Это известное историческое здание Технологического института. Сопевщения в канцелярии Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа проходили по вторникам. С 5 января 1906 г. и до последних дней своей жизни Анненский исполнял должность инспектора Санкт-Петербургского учебного округа. Кроме того, он был секретарем попечительного совета округа и обязан был присутствовать на заседаниях.

5–8. Витебский (б. Царскосельский) вокзал.

Загородный проспект, 52

Из воспоминаний В. Кривича: «Отец скончался около ½ 8-го вечера.»

Весть о трагической смерти И. Ф. Анненского разнеслась быстро, и многие из друзей и родственников наших уже в тот же вечер приехали к телу отца. А с последним поездом, сломив все препятствия и формальности, связанные с разрешением на вывоз тела без вскрытия, прицепкой траурного вагона и т. п., — мы везли тело отца домой, в Царское (Кривич, 44).

5–9. Обуховская больница. Набережная Фонтанки, 105

Из воспоминаний В. Кривича:

Тусклая, пустая, холодная, проходная комната, — кажется, приёмного покоя, — Обуховской больницы, и у одной из стен, на садовой скамейке нагое, — под короткой, оставляющей не покрытыми ноги, простынёй, — тело отца (Кривич, 43).

Сегодня здание занимает Российская военно-медицинская академия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи часто отмечают, что своеобразие лиризма Анненского определяется тем, что поэт принадлежит одновременно двум культурным эпохам: уходящему XIX столетию и вступающему в силу XX веку. В поэзии Анненский, с одной стороны, сохраняет и органично продолжает развивать «усадебную стихию

русской лирики», которая живёт чувством связи человека с природой, с другой — он предстаёт как поэт уже иного, урбанистического века. Неслучайно Л. Я. Гинзбург в качестве особенности урбанизма Анненского назвала «своеобразный микроурбанизм»³³.

Анненского трудно назвать, пользуясь терминологией К. Чуковского, «поэтом городских фабул», подобно Брюсову, Белому, Блоку, в какой-то степени даже Вяч. Иванову. К нему больше подходит определение, данное в свое время Чуковским К. Д. Бальмонту «поэт городских форм», чьими устами «решительно и властно заговорил город», в лирике которого «движется душа горожанина»³⁴.

В определённой степени и Анненского, не случайно выбравшего поэзию Бальмонта в качестве яркого примера нового творческого отношения к жизни и новых поэтических форм, можно назвать городским поэтом. Анненский такое же «дитя города» как и многие его поэтические современники, а его поэтическая образность³⁵ вырастает на почве речевой и предметной жизни городской улицы, квартиры доходного дома, суеты городского присутствия и городского храма — жизни, за монументальным декоративным фасадом которой скрывается вечно подвижная, неустойчивая, хаотичная, отчасти призрачно-отраженная стихия. И город поэта Анненского совершенно определен — это Петербург.

³³ Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997. С. 312.

³⁴ Чуковский К. От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики. СПб., 1908. С. 10, 30–31.

³⁵ Налгач Н. В. Поэтика городского пространства в лирике И. Анненского // Иннокентий Анненский (1855–1909): Жизнь — творчество — эпоха: Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 октября 2015 г. М., 2016. С. 301–312.

Иоанна Делекторская¹

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ — ЧИТАТЕЛЬ АНДРЕЯ БЕЛОГО

(стихотворение «Не говори никому...», 1930)

Текст О. Э. Мандельштама, о котором здесь пойдёт речь, был написан в октябре 1930 года в Тифлисе, куда поэт приехал из Армении, и это была та самая поездка, в результате которой на свет появилась знаменитая книга «Путешествие в Армению», увидевшая свет в 1933 году. Приведём стихотворение полностью.

Не говори никому,
Все, что ты видел, забудь —
Птицу, старуху, тюрьму
Или еще что-нибудь.

Или охватит тебя,
Только уста разомкнешь,
При наступлении дня
Мелкая хвойная дрожь.

Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал².

¹ Иоанна Борисовна Делекторская — кандидат филологических наук, независимый исследователь, Москва.

² Мандельштам О. Э. Соч. : в 2 т. / Сост. П. М. Нерлера; подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера; вступит. ст. С. С. Аверинцева. М, 1990. Т. 1: Стихотворения, переводы. С. 166.

Самый подробный из существующих комментариев к этому тексту был сделан А. Д. Михайловым и П. М. Нерлером и опубликован в двухтомном Собрании сочинений Мандельштама (1990).³ Со ссылкой на третью книгу мемуаров Надежды Яковлевны Мандельштам комментаторы указывают на то, что обратиться к теме детства Осипа Эмильевича подтолкнуло слово «пенал»⁴, и третья строфа стихотворения — это воспоминание о времени, проведенном будущим поэтом на даче в Вырице в Финляндии, где, как рассказывал он сам, однажды (цитируем Н. Я. Мандельштам) «он вдруг “проснулся и начал жить”»⁵. Комментируя слова о лесной чернике и «мелкой хвойной дрожи», А. Д. Михайлов и П. М. Нерлер обращаются к тексту «Путешествия в Армению», где Мандельштам признается: «В детстве из глупого самолюбия, из ложной гордыни я никогда не ходил по ягоды и не нагибался за грибами. Больше грибов мне нравились готические хвойные шишки»⁶. С ягодами (черникой) тут, в общем, всё понятно и очевидно, а вот по поводу «мелкой хвойной дрожи» и «хвойных шишек» возникают сомнения. Всё-таки «мелкая хвойная дрожь» ассоциируется скорее с иголками, чем с шишками, причем с иголками «мелкими», еловыми, в то время как со слов все той же Надежды Яковлевны Мандельштам известно, что в Вырице лес был сосновым⁷.

Что касается нетривиального сочетания образов (птицы, старухи и тюрьмы) в третьей строке первой строфы, то ему комментаторы находят объяснение в очерке Мандельштама «Феодосия» из книги «Шум времени» (1925), где есть глава под названием «Старухина птица», в которой автор вспоминает о старухе, сдававшей ему в 1919–1920 гг. в Феодосии комнату и относившейся к своему жильцу как к домашней певчей птице⁸: «Старушка жильца держала, как птицу, считая, что ему нужно переменить воду, по-

³ См.: А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера; вступит. ст. С. С. Аверинцева. С. 505.

⁴ См.: «(...)воспоминания, вызванные словом “пенал”. Отсюда — детство, дача (для городского мальчика дача — единственная встреча с природой...)» (*Мандельштам Н. Я.* Книга третья. Париж, 1987. С. 144).

⁵ Там же.

⁶ *Мандельштам О. Э.* Соч. : в 2 т. Т. 2: Проза, переводы. С. 111.

⁷ См.: *Мандельштам Н. Я.* Книга третья. С. 144.

⁸ Впервые замечено К. Ф. Тарановским. См.: *Taranovsky K.* Essays on Mandel'stam. Cambridge, Mass.; London, 1976. P. 124. Ссылку на это наблюдение см. в издании: *Мандельштам О. Э.* Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А. Г. Меца; вступит. ст. М. А. Гаспарова и А. Г. Меца. СПб., 1995. С. 575.

чистить клетку, насыпать зерна. В то время лучше было быть птицей, чем человеком, и соблазн стать старухиной птицей был велик»⁹.

Ну а тюрьма в дополнение к птице и старухе — это воспоминание о том, как летом 1920 года всё в той же Феодосии Мандельштам был арестован¹⁰.

Итак, стихотворение подробно и с опорой на источники прокомментировано. Спрашивается: при чём же здесь может быть Андрей Белый? Как хорошо известно, Белый был значимой для Мандельштама фигурой, но при чём он может быть в данном конкретном случае?

Вспомнить о Белом заставляет третья строка первой строфы, точнее — всё те же птица и старуха.

Дело в том, что в первой части автобиографической повести Белого «Котик Летаев», написанной в 1918 году и изданной в 1922¹¹, старуха и птица являются важнейшими образами. Одна из главок первой главы «Котика...» называется «Старуха». Главки с заглавием «Птица», правда, нет, но старуха и птица в повести периодически сливаются в своеобразный образ-гибрид, символизирующий, с одной стороны, некое inferнальное начало, нечто из иного мира, преследующее автобиографического героя, — с другой же стороны, старуха (она же — птица) в представлении Котика Летаева выступает в роли одного из четырёх апокалиптических существ:

Ярче всего мне четыре образа: эти образы — роковые: бабушка и лыса, и грозна; но она — человек, мне исконно знакомый и старый; Дорионов — толстяк; и он — бык [под фамилией Дорионов в «Котике Летаеве» выведен доктор Дронов, лечивший Андрея Белого в детстве. — *И. Д.*]; третий образ есть хищная птица: старуха; и четвертый — лев¹².

Как видим, символическая птица у Белого разительно отличается от одомашненной «старухиной птицы» у Мандельштама. При этом в тексте «Котика Летаева» встречается также и домашняя

⁹ Мандельштам О. Э. Соч. : в 2 т. Т. 2: Проза, переводы. С. 54.

¹⁰ См. об этом, например: *Нерлер П. М.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 16–21.

¹¹ *Андрей Белый.* Котик Летаев. Пб., 1922.

¹² Там же. С. 49.

птица — курица. Она появляется в той части повести, где герой оказывается на даче в Касьянове, прототипом которой стало имение В. И. Танеева Демьяново в Клинском уезде, где в детстве проводил летние месяцы Андрей Белый¹³. Одна из главок четвёртой главы так и называется — «Курица». И примечательно, что фрагмент, описывающий встречу четырёхлетнего Котика Летаева с курицей, заканчивается словами, созвучными начальной фразе мандельштамовского стихотворения: «Я знаю, что знаю: и — никому не скажу».¹⁴ Позднее те же слова повторяются еще раз и относятся к старухе, бабушке главного героя: «(...)я знаю, что знаю; и — никому не скажу: — Как она [то есть бабушка. — И. Д.] жуёт ртом; и как смотрит она очень злыми глазами: я знаю, что бабушка... это... это... старуха»¹⁵.

Оса и черника — это, очевидно, сугубо личные воспоминания Мандельштама. А вот что касается «еловой» темы (именно «еловой», а не «сосновой», о чем см. выше), то она присутствует у Белого довольно ярко — в виде воспоминаний о рождественской ёлке, напрочь лишённых праздничной слащавости и наполненных символическим, отнюдь не традиционным смыслом (см. главку «Елка» пятой главы «Котика Летаева»). В «Котике Летаеве» рядом с рождественским деревом inferнальные «арапы» разыгрывают вертепное действо, участниками которого становятся в воображении героя повести его мама и папа, а на ёлке живет удивительная игрушка — «рождественский дед» или, как его называет Белый, «Куколка Рупрехт», вырастающая по ходу повествования в некое подобие грозного божества, всевидящего и вездесущего.

Ёлочные ветви с «иглинками» (словечко Андрея Белого), бусами и прочими украшениями ассоциируются с музыкой — важнейшим и для Котика Летаева, и для автора повести видом искусства¹⁶.

¹³ См. об этом, напр.: *Андрей Белый*. Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и сост. В. М. Пискунова. М., 1997. С. 503.

¹⁴ Там же. С. 153–154.

¹⁵ Там же. С. 258.

¹⁶ См.: «Если бы всему тому — смерзнуться, то ретивые ритмы бы стали ветвями; а бьющие пульсы — иглинками; там стояла бы елочка; все мелодийки из нее вырастали игрушкой; из трепещущих, блещущих звуков сложились бы нити и бусы; а из кипящих, летящих аккордов — хлопущки; застрекотали бы ломкими бусами хрустали дишкантов; а басы бы надулись большими шарами из блесков; да, мелодия — елочка» (Там же. С. 197–198).

Так что ёлка в этом тексте — если и не ключевой, то один из весьма значимых образов¹⁷.

И, наконец, ещё одно.

У Мандельштама из контекста стихотворения следует, что то, о чём не нужно никому говорить, тайные видения, которые необходимо забыть, приходят к лирическому герою ночью, как и целый ряд символических видений Котика Летаева у Андрея Белого, — видений, связанных с пробуждением духовной жизни. Вспомним здесь ещё раз процитированные в начале нашей заметки слова Мандельштама о том, как он «проснулся и начал жить».

Конечно, все перечисленные параллели стихотворения Мандельштама с повестью Белого можно при желании назвать простыми совпадениями. Не существует ни одного текста, в котором бы прямо говорилось, что в таком-то году при таких-то обстоятельствах Осип Эмильевич читал «Котика Летаева». Но поскольку даже при скептическом подходе трудно не заметить, что совпадений оказывается подозрительно много, мы всё-таки рискуем высказать предположение, что в стихотворении «Не говори никому...» соединились собственные жизненные впечатления его автора разных лет с читательским (и, судя по всему, довольно сильным) впечатлением от повести Белого. Данное предположение позволяет увидеть мандельштамовский текст в новом ракурсе и обнаружить новые оттенки в содержащемся в нём комплексе смыслов.

¹⁷ См. об этом подробно: *Делекторская И. Б.* Зимние праздники в детских и юношеских воспоминаниях Андрея Белого // Сб. материалов международной научной конференции к 140-летию со дня рождения Андрея Белого (2020). М. (в печати).

КАВКАЗСКАЯ ПЛЕННИЦА

В самом начале романа, в первой же главе, автор раскрывает нам историю семейства Мелеховых:

«В последнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он жену — маленькую, закутанную в шаль женщину. Она прятала лицо, редко показывая тоскующие одичалые глаза. Пахла шелковая шаль далекими неведомыми запахами, радужные узоры ее питали бабью зависть. Пленная турчанка сторонилась родных Прокофия, и старик Мелехов вскоре отделил сына. В курень его не ходил до смерти, не забывая обиды».

Уже самые первые слова вызывают вопрос: «В последнюю турецкую кампанию...» — это когда? На дворе романа 1912 год, следовательно, такой, последней по времени, кампанией автор мог считать лишь русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Началась она в апреле 1877 года, а боевые действия на Балканском фронте прекратились в самом начале 1878 года — 15 января. Вернувшись с войны, Прокофий производит на свет Пантелея и следующие 12 лет проводит на каторге. Главный же герой романа, внук Прокофия — Григорий Мелехов, достигает призывного возраста (21 год) в 1913 году; значит, родился он никак не позже 1892-го. А из этого следует, что отцу его на момент рождения сына не исполнилось и 15-ти. А старшего брата Григория, Петра, Пантелей Прокофьевич родил и вовсе в 8-летнем возрасте! Мало того — называя Григория кучером, генерал Листницкий поинтересовался:

«— Ведь это отец получил на императорском смотре в 1883 году первый приз за джигитовку?» (I.2.21).

И Григорий браво рапортует:

«— Так точно, отец».

Куда там Моцарту! — тот в пятилетнем возрасте лишь клавиесин освоил, а нашему Пантелею и пяти не стукнуло, как он уж и службу царскую ломал, и призы государевы сымал!

Лишь 13 лет спустя — в 1941 году — редакторы наконец спохватились и поменяли «последнюю турецкую кампанию» на «предпоследнюю»¹.

Но и такая редактура не может удовлетворить взыскательно читателя: «предпоследняя» русско-турецкая война случилась аж в 1828–1829 годах — за 63 года до рождения Григория Мелехова. Россия, правда, сражалась с турками и в Крымскую войну 1853–56 гг. Но в дореволюционной России войну эту называли чаще всего Восточной² (по французскому образцу: *la Guerre d'Orient*), хотя можно было встретить и название «Турецкая кампания»³. Крымской же войной называли тогда лишь 2 года боевых действий в Крыму⁴.

И тогда Инга Кулешова предложила оригинальное решение турецкой коллизии.

Дело в том, что хотя «по-улишному» Мелеховых и называли «Турками», бабка их турчанкой не была. Петро Мелехов называет всплывшего брата «черкесюкой истованным», а старый генерал Листницкий, узнав, что Григорий — это сын Пантелея Мелехова, заявляет:

«— Прокофия знал, сослуживец, Пантелея знаю. Хромой такой из черкесов?»

¹ Смысл произведенной замены поняли не все. Напр., редактор издания 1953 г. К. В. Потапов решил, что под последней турецкой кампанией автор разумел сражения Первой мировой войны, и снабдил текст примечанием: «Турецкая кампания — русско-турецкая война 1877–1878 гг., действие которой происходило на Балканах» (*Шолохов Мих.* Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Изд. испр. М.: ГИХЛ, 1953. Кн. первая. С. 5).

² *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. СПб., 1876. Т. 1–4; Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1877. Т. 1–4; *Зайончковский А. М.* Восточная война в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–1913.

³ В редакционной врезке к публикации дневника М. Г. Черняева: «<...> боевое крещение Михаила Григорьевича произошло не на Севастопольских бастионах, а на равнинах Дунайских княжеств, в Молдавии и Валахии, во время первой половины Турецкой кампании, впоследствии перенесенной на берега Черного моря» (*Черняев М. Г.* Во время русско-турецкой войны 1853–1856 гг. // Русский архив. 1906. № 3, С. 449).

⁴ Крымская война (1854–1856): в 2-х чтениях. СПб., 1873. [Чт. 1. Русские под Севастополем; Чт. 2. Как жили и умирали в Севастополе].

А раз так, делает вывод Кулешова, то и жену добыть себе Прокофий должен был там, где черкешенки водятся, — на Кавказе. И, значит, привез он ее не с русско-турецкой, а с Кавказской войны.

Заменой же Кавказской войны на последнюю турецкую кампанию мы обязаны слишком ретивому редактору⁵.

Позволительно, правда, усомниться в утверждении И. Кулешовой, что описание того, как «русские, руководимые националистическими взглядами, убивают хрупкую женщину кавказской национальности», не отвечало советскому канону. Не стоит судить о советской идеологии по постсоветским событиям. А во времена публикации романа разоблачение колонизаторской политики царского правительства и обличение зверств, совершенных верными слугами режима — казаками, было неперменной чертой идеологической доктрины.

И, тем не менее, Кулешова подошла к истине ближе других. Только говорить следует не о Кавказской войне вообще, а о ее результатах. Точнее, об одном из результатов — мухаджирстве.

Победив в войне, длившейся без малого полвека (с 1817 г.), русские власти стремились не допустить ее повторения. А для этого требовалось лишить горцев убежищ, где они скрывались после набегов. Убежищами этими служили не тайные пещеры или сокровенные лощины, а сами горские аулы. И власть предложила побежденным племенам сделать выбор: переселиться на равнину («на плоскость») или покинуть пределы России. И большинство горцев решило стать мухаджирами⁶ — переселиться к своим единоверцам в Турцию. Но в Турции кавказские туземцы быстро убедились, что их родовой уклад никак не вписывается в жизнь обитателей турецких городов и деревень. Ожидать восстания недовольных и воинственных иммигрантов турецкие власти не собирались и предложили им заняться единственным знакомым горцам делом — военным. Но призванные на службу новобранцы очень быстро, прихватив казенную амуницию, сбегали и возвращались к семьям. И тогда было решено поселить горцев на окраинах империи, возложив на них обязанность охраны границ. В частности, губернатор Дунайского вилайета Ахмед Мидхат-паша создал военные поселения (по типу казачьих станиц), которые заселил кавказскими беженцами, сфор-

⁵ Чернов А. Почему бабка Григория Мелехова не турчанка, а черкешенка. <nestoriana.wordpress.com/2017/01/06/td_turchanka>.

⁶ В исламской традиции «мухаджирами» называли мусульман, совершивших «хиджру», т. е. вместе с пророком Мухаммадом переселившихся из Мекки в Медину.

мировав из них черкесские милиции⁷. На самом деле, среди жителей поселений были представители разных племен (например, абазинцы⁸), — но большинство составляли адыгейцы, так что всех кавказцев на Балканах стали звать «черкесами».

В Болгарии в 1865 году проживало 2017 «черкесов», после войны 1877–1878 годов изгнанных с Балкан в Азиатскую Турцию⁹.

Вот и объяснение всем загадкам первого абзаца романа: «последняя турецкая кампания» — война 1877–1878 годов; «черкешенка» проживала в Болгарии, а поскольку черкесы эти были подданными Турции понятно, что побудило станичников звать жену Прокофия «турчанкой».

А теперь несколько слов о текстологии.

«В последнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он жену — маленькую, закутанную в шаль женщину. Она прятала лицо, редко показывая тоскующие одичалые глаза. Пахла шелковая шаль далекими неведомыми запахами, радужные узоры ее питали бабью зависть».

Вчитаемся:

«<...> привел он жену — маленькую, закутанную в шаль женщину. Она прятала лицо, редко показывая тоскующие одичалые глаза».

Не совсем понятно, что значит «прятала лицо»: наклоняла голову, отворачивалась, закрывала лицо руками? В любом случае логично ожидать, что далее речь пойдет о женщине... Но нет: повествователь снова обращается к шали!

Известный читателям вид этого абзаца зафиксирован в двух «беловых» автографах шолоховской рукописи¹⁰. А вот в «черновике» читалось нечто иное:

«В последнюю турецкую к[о]мпанию <sic!> [пришел] вернулся в станицу тогда еще молодой казак Мелехов Прокофий. Изо <sic!>

⁷ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. С. 45.

⁸ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 223.

⁹ Там же.

¹⁰ ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 2/2. Л. 1; Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 2/3. Л. 2.

Туретчины привел он с собой жену, маленькую закутанную в шаль женщину. Она прятала в складках шали смуглое лицо, [и] одичало высматривала оттуда. Пахла шелковая [строгая] шаль далекими неведомыми запахами, [голубые] узорчатые разводы на [шали] *ней* голубели как небо покинутой родины. Пленная турчанка плакала и не показывала ни кому <sic!> лица»¹¹.

Здесь мы обнаруживаем как раз то, что и следовало ожидать. Жена Прокофия закутана в шаль, в складки шали она прячет лицо; затем дается описание шали, и лишь после этого следует рассказ о женщине: она все время плачет и никому не показывает своего лица.

Поэтому то, что мы читаем в «беловике» и печатных изданиях, — это результат *редактуры*. «Соавтор» решил: раз уже сказано, что турчанка прятала лицо, то заключительная фраза о том, что лицо свое она никому не показывала, — лишняя. И фразу эту вычеркнул. А из фразы о том, что лицо она прятала в складках шали, убрал упоминание о шали!

Следовательно, в «черновике» сохранился первоначальный и логически связный — т. е. *авторский* — текст фрагмента.

В пользу этого свидетельствует и другие показания рукописи.

«В последнюю турецкую к[о]мпанию»

Того, что «компания» (от франц. *campagne* «военный поход») это не акающее произношение слова «компания», Шолохов не понимал и в других случаях¹²:

Появление немислимого «*ни кому*» объясняется, видимо, тем, что в оригинальной рукописи на данное слово пришелся перенос («ни-|кому»), а Шолохов, не знавший правил слитного и раздельного написания слов с отрицанием¹³, с этим не разобрался.

Но самое замечательное — это, конечно: «*изо Туретчины*»!

¹¹ ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 2/1. Л. 2.

¹² Кн. 1. Ч. 1. Гл. 19: «Участвовал в турецкой компании 1877 г.» (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 2/1. Л. 39); Гл. 23: «Значица в Кавказской компании пребывали?» (Л. 47); «А я в турецкой компании побывал ...» (Л. 47); Кн. 1. Ч. 3. Гл. 22: «Неужто, Евгений, проиграем компанию?» (Ед. хр. 4/1. Л. 56); «вот тебе аналогичный пример из русско-японской компании» (Л. 57) ... Единичный случай в 3-й части (гл. 1): «Перед турецкой кампанией накликал так вот» (Ед. хр. 4/1. Л. 4) — лишь подтверждает, что знанием того, какое из написаний является *правильным*, Шолохов не обладал.

¹³ *Бар-Селма* 3. Литературный котлован: Проект «Писатель Шолохов». М.: РГГУ, 2005. С. 108.

Единственно возможное объяснение таково: перед нами неправильно понятый предлог «из», точнее ошибочная попытка прочесть слово, написанное по старой орфографии: «изъ».

А из этого следует, что изготовляя свой подложный «черновик», Шолохов механически списывал чужую рукопись.

* * *

В 1915 году Виктор Севский напечатал заметку, в которой рассказал о необычайной судьбе селения Армавир Кубанской области¹⁴.

«Бог роднею обидел молодой Армавир. У всех родня, как родня, а у Армавира — коренное население села Армавир.

Только в прошлом году закончилась борьба за преобразование села Армавира в город. Упорная многолетняя борьба многочисленного пришлого населения Армавира с немногочисленной группой коренных жителей села Армавира.

Многоактная драма молодого Армавира так напоминает обыкновенную драму купеческих “отцов и детей”.

Сын образование получил, товарищи у него врачи, инженеры, учителя — ему бы с ними компанию водить, а родня в длиннополых сюртуках и разноцветных шалях в один голос кричит:

— И не моги. Против отцов идти вздумал.

В прошлом году, когда в порядке восемьдесят седьмой статьи Армавир стал городом, коренные жители решили выселиться из города и уйти на новые места. Где-нибудь вдали основать село и зажить старой жизнью.

Так подается <sic!> старозаветная родня, когда сын на интеллигентной женится.

— Электрические звонки проведет, зубы щеткой чистить будет. Не пристало нам и зазорно все это видеть. Ты уж, Никитушка, нас не задерживай. Только попомни наше слово — не видать тебе счастья с образованной.

Родня уходит, используя все способы расстроить брак. Сначала родня посылает подручного камнем, что-ли, пустить в невесту, во рота дегтем вымазать. Потом отсталого <sic!> предложат невесте:

— Отколдуй, кого заколдовала.

¹⁴ Севский В. Молодой Армавир // Утро Юга. 1915. № 130 (20.05). С. 2.

Приказного пошлют: постращать. Знакомую Марью Степановну зашлют невесте жениха охаять:

— Ты, сударушка, думаешь у него первая. Напрасно: у него в воспитательном доме отдельная комната.

Способы коренного населения отстоять сельское управление — типичные способы родни в длиннополых сюртуках и в шальях <с> турецкими “разводами”.

Депутации от сельского населения обивали петроградские пороги, охаивали Армавир и всех урезонивали относительно сына:

— Дите неразумное, вы ему не верьте.

«Дите неразумное» все-таки женилось.

Армавир стал городом. Предстояли выборы в первую городскую думу.

Родня забилась где-то в задних комнатах и отрещивалась от новшеств. В выборах она не желает участвовать.

— На нашей улице праздник, а мы тут ни <sic!> при чем. Только нога наша не будет в ваших комнатах».

... «родня в длиннополых сюртуках и разноцветных шальях» ...

... «типичные способы родни в длиннополых сюртуках и в шальях <с> турецкими “разводами”» ...

Вот они — типичные приметы старины: длиннополый сюртук и разноцветные шали с турецкими «разводами».

Та самая шаль, в которую куталась бабка Григория Мелехова.

«Пахла шелковая [строгая] шаль далекими неведомыми запахами, [голубые] узорчатые разводы на [шали] *ней* голубели как небо покинутой родины».

И родня, восставшая против брака молодого сына:

«нога наша не будет в ваших комнатах».

Ср.:

«Пленная турчанка сторонилась родных Прокофия, и старик Мелехов вскоре отделил сына. *В курень его не ходил до смерти*, не забывая обиды».

И еще:

«— Электрические звонки проведет, зубы щеткой чистить будет. Не пристало нам и зазорно все это видеть».

Но чужим духом напитался и Прокофий Мелехов:

«Ребятишки, те, что стерегли на прогоне телят чудное гутарили по станице: будто видали они как Прокофий *по вечерам, когда вынет малиновая заря* на руках носил свою турчанку ажник до самого Татарского кургана. А там сажал ее на [макушку] *макушке* кургана спиной к открытой в землю ноздреватой каменной бабе, садился сам рядом и этак подолгу глядели они в степь, пока истухала заря, а потом Прокофий кутал свою [поганую] турчанку в шаль и на руках относил ее домой»¹⁵.

А родня все никак не успокоится и умоляет невесту:

«— Отколдуй, кого заколдовала».

Т. е. родственники жениха убеждены, что невеста — ведьма и навела на купеческого сына порчу.

Ср.:

«Шепотом говорили в станице, что Прокофьева жена ведьмачить¹⁶. Дуняшка сноха из двора Астаховых, [божилась бу] (жили

¹⁵ ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 2/1. Л. 2–2 об. Заслуживающую внимания интерпретацию данного эпизода предложил Г. Малахов в заметке «“Тихий Дон”. Сокровенная тайна каменного идола» <https://nestoriana.wordpress.com/2019/07/20/td_igol/>, процитировавший примечание антрополога А. А. Ивановского к рецензии А. Н. на статью В. Ф. Демича «Очерки русской народной медицины: акушерство и гинекология у народа» (Врач. 1889. № 7): «Причиной бесплодия киргизских женщин в большинстве случаев является ранний выход девушек замуж (нередко 11–13 лет). Сибирские киргизки, чтобы избавиться от этого позорного пятна, дающего мужу право развестись с своею женою, прибегают к двум средствам. В Семипалатинском уезде они толпами стекаются в одну пещеру (в горах “Чингиз”, в верстах 5-ти от зимовки — кыстау — вол-остного, управителя батыря Османа Кунанбаева), пересекаяему по середине обширным водоемом. Здесь они, мутя воду, молятся всесильному Аллаху, прося его о ниспослании чад. В Зайсанском уезде *бездетные киргизки обращались с подобными просьбами (всегда будто бы достигавшими желанных результатов) к фаллической “каменной бабе” находящейся в 2 верстах от Кендерлыкского пос., в ущелье Мошка-сай*» (Этнографическое обозрение. 1890. № 3. С. 172).

¹⁶ Скорее всего, глагольная форма прош. вр. ед. ч. «ведьмачить» — не примета донского диалекта, а неверно прочитанное рукописное «ведьмачить».

Астаховы крайние к Прокофию) божилась будто на второй день троицы перед светом видала, как Прокофьева жена простоволо- сая и босая доила на ихнем базу старую корову. С тех пор высохло у старой коровы вымя в детский кулачок [перест] отбила от моло- ка. и в скорости издохла»¹⁷.

И в заключение — об Армавире и армавирцах.

В своем очерке Виктор Севский свел причины конфликта к дра- ме «отцов и детей». Но корни лежат гораздо глубже — в XVIII ве- ке. В ту пору на Северо-Западном Кавказе начал распространяться ислам, и над поселившимися там столетием раньше армянами на- висла угроза насильственной исламизации. В 1836 году северокав- казские армяне обратились к русским властям с просьбой «при- нять их под покровительство России и дать им средства поселить- ся вблизи русских». И в 1839 году неподалеку от устья реки Уруп армяне основали аул, который называли Армавир — в честь древ- ней столицы Армянского царства¹⁸. Примечательно, однако, дру- гое: обитателей российского Армавира называли не армянами, а — по прежнему месту жительства — «черкесогаями», т. е. *чер- кесскими* армянами.

И совершенно заслуженно — историк Ф. А. Щербина характе- ризовал их так:

«Они до мелочей усвоили весь бытовой уклад черкесов, нравы, обычаи, военную сноровку, семейный уклад, совершенно забыли свой родной язык и стали говорить только по-черкесски и сохра- нили лишь христианскую религию, которая собственно и связыва- ла воедино горских армян как национальную группу»¹⁹.

Но для социального очерка, посвященного борьбе старого и нового, такие этнографические подробности (Севскому, несо- мненно, известные) оказались лишними.

Тем примечательнее, что в очерке подспудная «черкесская» тема отразилась так же, как и в романе: брачный союз сына мест- ных уроженцев с чуждой по происхождению женщиной.

¹⁷ ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 2/1. Л. 2 об.

¹⁸ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — нача- ле XX века. М. : Наука, 1974. С. 200–201.

¹⁹ Щербина Ф. А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916. С. 16.

Леонид Кацис

«ТРИ БОГАТЫРЯ»
ЛИТЕРАТУРНОГО АНТИСЕМИТИЗМА:
«НУТРЯНОЙ», «ПОЛИТИЧЕСКИЙ»,
«ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ»

Максим Д. Шраер. Антисемитизм и упадок русской
деревенской прозы: Астафьев, Белов, Распутин.
СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020.
111 с. (Серия «Современная западная русистика» =
«Contemporary Western Rusistika»)

Небольшая книга Максима Шраера-Петрова, посвященная проблеме антисемитизма в русской деревенской прозе В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина состоит из трёх очерков про каждого из её героев. Все писатели, привлёкшие внимание американского исследователя, рассматриваются им не в привычных стилистических, сюжетных или биографических координатах, а распределяются по типам антисемитизма, присущим каждому из них.

Такого рода традиции в русской науке, насколько мы знаем, нет, тем интереснее читать эту небольшую монографию, задающие совершенно новые координаты рассмотрения общеизвестных фигур, а дифференциация типов антисемитизма, предложенная автором, позволяет увидеть не столько общее и очевидное у трёх русских почвенников, но и понять отчасти то, что их разделяет и, в итоге, разделило в последние годы жизни.

Однако книга эта очень непривычна для широкой даже научной русской аудитории, при этом вполне типична для аудитории американской и «Contemporary Western Rusistika»¹.

¹ Эта рецензия писалась почти два года тому назад по заказу сайта «Горький», где не была опубликована, не будем обсуждать — почему. Здесь добавлены

В нашей ситуации открытое и резкое включение в текст по глубинной и почвенной русской литературе не знакомых русскому читателю методик и определений из области современной теории антисемитизма или разного рода подходов к национализмам, выглядит жёстким выпадом в адрес совершенно другой читательской аудитории, включая славистов зарубежных университетов, которые до сих пор стесняются обсуждать даже антисемитизм Б. Пастернака, открыто себя так называвшего в письмах брату Александру, который от него в этом тоже не отставал; главы «Доктора Живаго» говорят сами за себя. Не будем развивать эту тему и отностительно хотя бы М. А. Булгакова, М. М. Пришвина² и т. д.

Максиму Шраеру отчасти повезло: современные российские исследователи деревенской прозы уже отреагировали на его английские тексты. Однако происходило это тогда, когда русскому читателю не был знаком английский текст автора книги, таким образом, это были просто цитаты из американского исследователя и их обсуждение.

Между тем Шраер не просто исследователь. Приходилось ему беседовать и публиковать интервью хотя бы с С. Куняевым, который сегодня уже в очень почтенном возрасте всё ещё пытается доиграть в мемуарах давно завершённые политические баталии.

Наконец, сам Шраер ещё и писатель, который реагирует на ситуацию не только исследовательски. Отсюда и резкость постановки проблемы, и публицистический пафос книги.

Начинается всё с главы о Викторе Астафьеве, который именуется здесь «нутряным антисемитом», хотя такого рода дефиниции мне, как кажется, в науке не встречались. В таких случаях говорят о «зоологическом», т. е. животном, природном антисемитизме.

Понятно, что Астафьев наиболее удобный объект для анализа: откровенные высказывания в его прозе подкрепляются и печально знаменитой перепиской с Н. Эйдельманом.

А вот здесь надо остановиться. Ибо необходимо помнить, что Н. Эйдельман вовсе не собирался выступать один за всех «еврейчат», как назывались провинциальные интеллигенты в нецензурированном варианте «Печального детектива», не собирался он

лишь несколько более поздних ссылок. Однако сегодня, в 2022 г., ситуация с западной русистикой приобрела такие формы, что её метаморфозам придётся посвящать особые исследования.

² Кацис А. Михаил Пришвин между Маршаком и Гитлером // Лехаим. 2021. № 2: https://lechaim.ru/arhiv/238/katsis_prishvin.htm.

быть, да и не мог, ибо не был он такой еврейской «Царь-рыбой». Пусть кто-то подробно расскажет когда-нибудь о том, как некая либеральная (в тогдашнем советском смысле) кампания решила ответить рядом писем Астафьеву, но сделал это лишь либеральный пушкинист.

Странно, что никто, насколько мы знаем, не заметил, что Астафьев отчасти просто процитировал А. П. Чехова и его рассказ «Ионыч»: «Она, как почти все с — ие девушки, много читала (вообще же в С. читали очень мало, и в здешней библиотеке так и говорили, что если бы не девушки и не молодые евреи, то хоть закройвай библиотеку); это бесконечно нравилось Старцеву, он с волнением спрашивал у нее всякий раз, о чем она читала в последние дни, и, очарованный, слушал, когда она рассказывала».

Наверное, никому не хотелось встраивать сюда и Чехова — символа интеллигенции разных изводов, однако в этом ряду автор «Иванова» вполне пригодился не им, а Астафьеву, который лучше знал отношение автора пьесы к читателям провинциальной библиотеки рубежа XIX–XX веков...

Эйделману было труднее и горше других получить ответ разъяренного красноярского почвенника, т. к. трудно было не помнить об отце-сионисте, чьи «Письма к сыну» были классикой сионистского самиздата.

И тут придется вспомнить уже личное: нам пришлось рецензировать дневники Н. Эйделмана, из которых были выкинuty именно куски этого рода (<https://lechaim.ru/events/natan-eydelman-istorik-na-grani-vekov>). Но не стал Эйделман в ответ на оскорбления в адрес отца поднимать этот вопрос — в условиях активности васьильевской «Памяти», либо очень близкого по времени шабаша другой разновидности этой публики, устроившей хулиганский скандал 18 января 1990 года в Центральном Доме литераторов с участием массы членов либерального же «Апреля», если кто их ещё помнит.

По этому делу нам пришлось давать показания в московской прокуратуре, а в «Литературной газете» появилась фотография с подписью типа «Вот они незваные гости», где рядом с нами и был знаменитый тогда и покойный уже К. Асташвиани. Этого умерший 29 ноября 1989 г. пушкинист уже не увидел, но такие события способствовали существенному обострению ситуации вокруг «переписки».

И ещё один момент позволяет нам продолжить обсуждение очередного эпизода книги Шраера, когда Астафьев вспоминает

поездку в круиз по Средиземному морю с, как он считает, еврейскими писателями.

Здесь хотелось бы сказать, что А. Битова, Б. Окуджава, Олеся Николаева³, ансамбль Лундстрема, актрису Наталью Гундареву, далекого от семитофилии проф. Б. Ф. Егорова⁴, литератора и журналиста А. Архангельского, художника П. Бунина, проф. П. А. Николаева и т. д. назвать еврейскими писателями было трудно. Говорю об этом, ибо «... и я там был, мед-пиво пил...». Поэтому помню, как стояли поодаль ото всех и с ужасом взирали на Стену Плача с сотнями молящихся евреев В. Солоухин, которого очень не хватает в этой книге, и В. Астафьев. Понятно, что и визит в Иерусалимский литературный клуб, ради чего и гоняли специальный писательский автобус из Хайфы в Иерусалим, удовольствия указанным лицам не доставил... А там были не столько еврейские писатели, сколько просто евреи...

Если уже хотеть искать символику, то ехали наши писатели с делегацией от «Нового мира» во главе с З. Залыгиным, не меньшим борцом за экологию, чем В. Распутин, ехал автор готовящихся книг о критиках-космополитах и деле Еврейского антифашистского комитета «Обвиняется кровь», сам критик-космополит А. Борщаговский.

А мы с проф. А. Б. Ковельманом и доктором Е. М. Сморгуновой представляли как раз-библейстику и иудаику, но писателей среди нас не было.

А вот что было, так это то, что писатели из разных лагерей практически не общались и сидели за разными столами. Впечатление незабываемое.

Раскол тогда произошел абсолютно полный. И переписка Астафьева с Эйдельманом здесь лишь симптом, а не болезнь.

На наш взгляд, надо ещё удивляться, что в художественных вещах Астафьева так мало текстов, являющихся предметом рассмотрения автора книги.

Оценивать эту главу книги, как кажется, пока ещё рано, здесь только начинается реальный сбор материалов, ведь томов личной переписки самого автора «Деревенского детектива» и близких

³ Её мемуары об этом см.: *Николаева О.* Тайник и ключик на шее. М., 2022.

⁴ Сознательно не даём точную ссылку на его ответ нам на статью о двухтомнике П. Дружина о космополитизме в Ленинграде 1940–1950-х, опубликованную в журнале «Лехаим».

ему критиков, которые используются Шраером, явно недостаточны для окончательных выводов. В конце концов, Астафьев никак не скрывал своих убеждений, а вот какие процессы происходили в среде т. н. либеральных и часто этнически не русских критиков, считавших своим долгом замалчивать проблему, поставленную Шраером, по принципу «но любим мы его не только за это» в диапазоне от Достоевского и братьев Аксаковых до наших героев, еще предстоит осмыслить.

Причём осмыслить на уровне сложного взаимодействия с властями, когда, как мы недавно узнали из книги В. Огрызко об А. Л. Дымшице, он курировал одновременно и А. А. Вознесенского, и П. В. Палиевского⁵.

По-видимому, здесь непаханое поле работы, чтобы избавиться от дихотомии «Русская партия» — «Либеральное крыло»: ЦК, М. А. Суслов, А. Н. Яковлев и Ф. Ф. Кузнецов с И. Черноуцаном у всех были общие, а разного рода А. Байгушевы⁶ и Дымшицы — свои...

Не хочется обсуждать позднее творчество В. Белова и его отражение в книге, но делать нечего, из книги главы не вырубить!

Правда, здесь хочется сказать словами одного знакомого врача: «Распад мы не лечим!». Но и нельзя забыть бессмертного рассуждения из «Все впереди» о поисках соответствующим доктором места наибольшего женского удовольствия у горожанок применительно к дояркам в деревне, которые от этого могут перестать доить и рожать! Честное слово, это шло и городской, и сельской прозе жизни, как «корове седло» ... Недаром глава о Белове называется «Политический антисемит на белой лошади».

К концу жизни бывший когда-то неплохим стилистом писатель, опустился до многостраничных цитат из узнаваемой бульварной антисемитики, такой, что даже не надо, как это делает Шраер, соблюдающий правила приличия в западной научной среде, указывать, что перед нами фальшивка об очередных паранояльных (сионских, понятно!) мудрецах с Пражского кладбища. У нас пока это можно делать без оговорок. Вспоминаю, что когда-то о беловской олеографической книге «Лад», посвящённой ностальгии по деревенской гармонии и ушедшему традиционному быту, бы-

⁵ Огрызко В. Держись на одной идеологии. М., 2017.

⁶ Байгушев А. Русский орден внутри КПСС: Помощник М. А. Суслова вспоминает. М., с2021.

ло написано чуть не в «Советской России», сейчас не помню, что «Лад через лак превращается в разлад». Жаль, что неравная борьба с некоторыми особенностями «лада» привела к разладу личности писателя.

Другое дело, что здесь мы имеем случай очень интересной дефиниции, предложенной Шраером: «политический антисемит» применительно к писателю. Имеется в виду, что в отличие от крайнего антикоммуниста Астафьева, Белов был коммунистом, им и остался, найдя виновных во всех бедах России в троцкистах-сионистах. Шраер приводит цитаты из ранних коммуно-колхозных стихов Белова, и это правильно. Однако стоит помнить, что более всего эти стихи похожи на графоманию Н. М. Грибачева «Флаги над сельсоветом», а тексты не «стильного», а просто бесстильного, но очень уж бесстильно-советского, позднего Белова лучше сопоставлять не с «благородным» В. Кочетовым, который знал даже В. Страду и американских славистов, руководил столичным журналом, а с его упрощенным клоном И. Шевцовым, кстати, важной организующей фигурой «русской партии». Пожалуй, идея о влиянии на «городского» разлаженного Белова ладной городской прозы Ю. Трифонова или В. Каверина, предложенная Шраером, неплоха, но здесь закономерный результат оказался такой же, какой бы получился у Трифонова, решившись он написать «Плотницкие рассказы», глядя из окна своей дачи на окна «соседа»⁷ А. Твардовского...

А вот о Валентине Распутине надо поговорить подробнее. Дело в том, что писатель он наиболее крупный из представленных Шраером. Говорить о нём надо серьёзно, но он очень уж со своим, как говорится в книге, «экологическим антисемитизмом», не вписался в свой же художественный мир и структуру своего таланта.

Будь ситуация иной, будь он вписан в европейский контекст политики «зеленых», его «экологический антисемитизм» нашёл бы себе давнюю и подходящую нишу в массе книг о мифологии леса в европейской, особо немецкой, идеологии, включая и гитлеровскую, и «фёлькишистскую». Но здесь, похоже, помешал как раз крайний национализм, приведший, как сказано в подзаголовке книги «упадку русской деревенской прозы».

Даже откровенно антисемитская сцена может потонуть в вещи уровня «Живи и помни», или читая рассказ «Уроки фран-

⁷ Записки соседа: https://modernlib.net/books/trifonov_yuriy/zapiski_soseda/read.

цузского», когда ты вдруг вспомнишь «Уроки английского» Пастернака, явно звучащие в названии, и подумашь, а что если вслед за Офелией душе писателя («экологического», а не «нутряного» и не «политического» антисемита) пришлось «петь» в переломное время, а:

... жить так мало оставалось, —
Всю сушь души взмело и свяло,
Как в бурю стебли с сеновала.

В другой какой-то ситуации, могло сработать и другое душевное движение из того же стихотворения:

Дав страсти с плеч отлечь, как рубищу,
Входили, с сердца замираньем,
В бассейн вселенной, стан свой любящий
Обдать и оглушить мирами.

Не получилось, к сожалению. Впрочем, до самого последнего времени Пастернака как типичного Jewish self-hatred никто не упоминал. Но Распутину это уже не поможет.

Наверное, не так легко переживать ситуацию, когда твой мир уходит под воду не фигурально, а натурально, и делается это руками твоих соплеменников, а обвинить так хочется пришлых еврейских инженеров-поворотчиков рек. Штраер предлагает считать, что зловещий и чернявый Жук-затопитель у Распутина восходит к вполне русскому однофамильцу из «Цемент» Ф. Гладкова⁸.

⁸ Здесь не место обсуждать творчество куда более мелких писателей интересующего нас направления, но рано умерший П. Паламарчук, автор знаменитой книги о московских разрушенных храмах «Сорок сороков» в своей прозе «Един Державин» заменял державинских «жидов» из его записки о поездке в Западный край, на «жуков». М. б. и Распутин делал тоже самое: просто жида-затопителя назвал «жуком». И здесь созвучие с прославленным академиком только помогло решить вопрос само-цензуры и приличий. Более того, похоже, Распутин знал одну особенность жизни реально и вполне русского С. Жука. Вот цитата из «Прощания с Матёрой»: «Все станут читать и завидовать Петрухе — Никите Алексеичу Зотову. При рождении его действительно назвали и записали Никитой, а при жизни за простоватость, разгильдяйство и никчемность перекрестили в Петруху». Ведь и в жизни Жука-гидростроителя был момент, когда арестованного канальца Андрея Жука наградили и освободили, назначив важным помощником начальника Беломорстроя, то именно тогда стал он Сергеем: «Архивы госбезопасности сохранили дело Жука Андрея Яковлевича, родив-

Однако это не так! Здесь лучше быть не писателем или литературоведом, а инженером, как мы, и знать, что институт «Гидропроект», находившийся в районе станции метро «Сокол», носил имя Сергея Яковлевича Жука (4 апреля 1892, Киев — 1 марта 1957, Москва), который, для кого-то к счастью, для кого-то к сожалению, идём просто по Википедии:

Окончил 2-ю Киевскую гимназию и Орловский кадетский корпус. После окончания корпуса поступил в Петроградский институт гражданских инженеров, но после окончания первого курса перевёлся на второй курс Института инженеров путей сообщения в Петрограде, который с отличием окончил в 1917 году. По другим данным, в декабре 1916 года окончил Алексеевское военно-инженерное училище в Киеве. С 1917 года служил в сапёрном батальоне в Сибири. Во время гражданской войны оказался на стороне Белой армии. В конце 1919 года при разгроме армии А. В. Колчака подпоручик С. Я. Жук попал в плен. В 1921–1922 годах работал в Севзапводе, затем был зачислен в Красную Армию, преподавал инженерное дело в Объединённой Киевской военной школе имени С. С. Каменева, в Сумской артиллерийской и в Полтавской пехотной школах.

10 января 1931 года был арестован органами ОГПУ СССР по делу «Весна», обвинен в причастности к контрреволюционной офицерской организации и осужден судебной коллегией ОГПУ. Был направлен на строительство Беломорско-Балтийского канала, проявил себя там в качестве инженера и 14 июля 1932 года условно-

шегося 4 апреля 1892 года в Киеве в семье приват-доцента Киевского университета (братьев у него не было)!. 14 июля 1932 года А. Я. Жук был условно-досрочно освобожден для более эффективного использования на строительстве. Он стал заместителем главного инженера Беломорстроя, вторым человеком на строительстве канала. Если же учесть, что начальником работ был Н. А. Френкель — бывший зек, совершивший преступление по партийной линии, но совершенно не разбиравшийся в строительстве, то можно смело утверждать, что реальным руководителем стройки являлся Жук, только уже Сергей Яковлевич, назначенный замом через несколько дней как освобожден был Андрей (больше вы не найдете о нем упоминаний в архивах!). Впрочем, у Френкеля (это и есть «любимый герой Солженицына, тот самый что «лагеря придумал Френкель». — Л. К.) кроме Андрея — Сергея Яковлевича был целый штат второстепенных помощников и советников. Причем почти все — из осужденных военных инженеров» (*Орсикин Г.* Секретная история академика Сергея (Андрея) Яковлевича Жука // <https://ekogradmoscow.ru/sreda/ekologija-kultury/sekretnaya-istoriya-akademika-sergeya-andreya-yakovlevicha-zhuka>).

досрочно освобожден «для более эффективного использования на строительстве.

В октябре 1932 года был зачислен в кадровый состав ОГПУ СССР, назначен на должность заместителя главного инженера Беломорстроя. С 1933 года — заместитель главного инженера и главный инженер по строительству канала имени Москвы. С сентября 1935 года — главный инженер строительства Угличской, Рыбинской и Ивановской ГЭС (Рыбинский и Угличский гидроузлы). С сентября 1937 — временно исполняющий обязанности начальника строительства и главный инженер Управления строительства Куйбышевского гидроузла, с июня 1939 года — первый заместитель начальника Управления строительства Куйбышевского гидроузла. С сентября 1939 — главный инженер и первый заместитель начальника Главгидростроя НКВД СССР.

Мы привели эту длинную цитату, чтобы закончить обсуждение одним важным для истории уже не трёх разного рода антисемитов, а главного обоснователя и обустроителя деревенской прозы и автора «Матрениного двора», равно как и «Случая на станции Кочетовка» (sic!) вопросом: почему когда-то А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» назвал шестерых, как он был уверен, евреев, главными убийцами на Беломорканале, почему он отказался в разговоре с историками «Гидропроекта» обсуждать этот вопрос, и почему теперь этих убийц в его главной книге «пять»?

Вот цитата прямо из истории «Гидропректа»:

Своей книгой «Архипелаг Гулаг» А. И. Солженицын потряс мир, отразив практически неизвестный до этого пласт жизни общества, только настораживала безапелляционная позиция автора: ответственность за гибель тысяч людей он возложил прежде всего «на шестерых наемных убийц, записав за каждым тысяч по сорок жизней», и среди этих фамилий назвал С. Я. Жука. Очевидные противоречия между выявленными документальными материалами об С. Я. Жуке и этим утверждением заставили нас обратиться к А. И. Солженицыну с просьбой ознакомиться с имеющимися данными и внести коррективы в новом тираже его книги. Обмен информацией проходил через сотрудников Фонда Солженицына и завершился телефонным разговором непосредственно с Александром Исаевичем. Суть его ответа сводилась к следующему: книга написана 30 лет назад, переведена на 35 языков мира. Она вы-

полнила свою задачу. Теперь эта тема для автора закрыта, и он не собирается к ней возвращаться. Да, он сидел в лагере в Экибастузе, на Беломорканале никогда не был, в архивах не работал, его книга — это «опыт художественного исследования» и так к этому и следует относиться. Возможно мы правы, ошибки возможны, их много — у него по этому поводу — большая почта. Много жалоб на то, что искажены некоторые фамилии: пропущены мягкий знак, дефис (аналогия!). Свои материалы мы можем опубликовать, сдержанная форма и стиль наших писем ему понравились»⁹.

И ещё одна цитата:

Но надо отметить, что Александр Исаевич Солженицын, при всем нашем уважении к нему (за то, что он, открыв для нас и для всего мира такой незнакомый для основной массы людей пласт жизни, заставил более трезво относиться к реальной действительности), все-таки в своем художественном произведении «Архипелаг ГУЛАГ» совершил большую нравственную ошибку, используя реальные фамилии без тщательного исследования фактического материала.

Наверное, каждый человек несет в какой-то степени ответственность за свое время: мы — за свое, современники С. Я. Жука — за свое... При этом объединяет всех, видимо, одно: если не можешь изменить ситуацию в целом, то хотя бы хорошо делай свою собственную работу. С. Я. Жук всегда был замкнут, немногословен и глубоко предан своей работе»¹⁰.

Ответ в том случае очевиден: случай Жука символически сложен и неоднозначен, тут даже Солженицыну в сослужении всей деревенской прозы всех названных и не названных в книге видов антисемитизма не справиться. Ведь идея поворота рек родилась еще до советской власти, а начала безумно реализовываться много после смерти символического «Жука».

А мы, в заключение, благодарим автора книги Максима Штраера за открытую постановку уже все-таки отболевающего постепенно вопроса. Но это и залог его нормального и длительного

⁹ История Гидропроекта, 1930–2000 [/ Ред. В. Д. Новоженин]. М., 2000. С 92.

¹⁰ Сергей Яковлевич Жук. Штрихи к портрету: <http://moskva-volga.ru/sergej-yakovlevich-zhuk-shtrihi-k-portretu>.

научного осмысления. Без книги Шраера это теперь сделать невозможно.

А отболевает этот «вопрос» потому, что Россия вновь экспортирует зерно, вновь появляются писатели новых и новых поколений и любых взглядов, но не придавленные плитами советского образа мышления и письма, все уже давно говорят свободно, в том числе и о нашей проблеме, а русские паломники сколько хотят поклоняются Святым местам в Израиле, не отводя глаз от Стены Плача.

Сегодня изменилась и научная ситуация. Никого не смущают больше любые определения творчества евреев на русском языке, сам Максим Шраер активно участвует в проекте «Русско-израильская литература», которая становится частью большой еврейской литературы на не-еврейских языках. А герои его книги вошли, каждый по-своему и по реальным заслугам, в историю русской литературы. Поэтому пионерская книга американского слависта и писателя никак не может никому из них повредить в истории почвеннического крыла русской литературы советского периода, а истории и социологии литературы она сослужит очень полезную службу.

И. В. Назаров, Н. Г. Филиппенко

УРОКИ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИДЕАЛИЗМА: ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

(о книге М. А. Колерова

«Манифесты русского политического идеализма»)

Фундаментальное исследование М. А. Колерова¹ посвящено уникальному по своей насыщенности, по словам автора, историческому мгновению 1905–1922 годов, в течение которого основные общественные силы, столкнувшиеся на русской политической сцене, не найдя компромисса, «последовательно похоронили самодержавие, монархию, Российскую империю и Историческую Россию вообще, чтобы затем уже на идеократической основе создать имперскую Советскую Россию» (с. 7). Книга открывает нам и делает понятным, что непримиримость общественных сил, многие из которых «сгорели» в это краткое мгновение вместе с исторической Россией, коренилась в их политическом идеализме, готовности действовать «сначала во исполнение своих идей и лишь во вторую очередь — во исполнение каким-то образом своих понятых интересов» (с. 7). И ключевую роль в нагнетании революционных настроений в стране сыграла русская интеллигенция, идеологически обеспечившая формирование абсолютного консенсуса народного большинства относительно социалистического будущего России.

¹ М. А. Колеров. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск, 2020. 499 с.

Печатной формой идейной мобилизации общественных сил стали особого рода издания, которые М. А. Колеров предложил назвать идейными сборниками. В условиях политической цензуры, гасившей голоса левой интеллигенции в толстых журналах, эти сборники стали тем звеном в инфраструктуре русской мысли, посредством которого осуществлялось проектирование и пропаганда идейных направлений в их политических, философских и литературных изводах. Главным объектом исследования книги является генетически связанная мировоззренческой эволюцией их авторского ядра (П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Гершензон, С. Франк, П. Новгородцев, А. Изгоев) цепь идейных сборников — «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918), получивших в литературе наименование изданий «веховской традиции». Именно эти авторы, попытавшиеся в начале 1900-х годов инициировать формирование максимально широкой коалиции общественных сил, выступающей единым фронтом против самодержавной монархии, учтя опыт 1905–1907 годов, нашли в себе мужество выступить против неодолимой леворадикальной инерции русского революционного движения, влекущей Россию к катастрофе 1917 года и Гражданской войне.

На наш взгляд, главным достоинством книги является стремление М. А. Колерова интеллектуально проникнуть внутрь того самого судьбоносного исторического мгновения 1905–1922 годов, дабы оказаться в гуще плотно переплетавшихся исторических, политических, религиозно-культурных и иных трендов, в тесноте которых мыслили и действовали авторы сборников. Подобно тому, как режиссер А. Ю. Герман с «параноидальной», как казалось многим, скрупулёзностью пытался передать мельчайшие детали обстановки, атмосферы, бытового фона тех лет, в которых разворачиваются сюжеты его фильмов «Мой друг Иван Лапшин», «Проверка на дорогах» и других, М. А. Колеров стремится стереоскопически воссоздать смысловую, социально-политическую, религиозную многослойность момента, в котором рождалась та или иная формула общественного идеала, важная установка или реплика, зафиксированная в сборниках, полемике, переписке. Нам представляется, что такой подход автора противодействует опасности ретроспективного искажения исторических фактов, затемняющего внутреннюю логику событий прошлого позднейшими интерпретациями.

Угроза ретроспективного искажения возникает всякий раз, когда отдельные деятели и коллективные политические субъекты, их идеи

и решения, вплетенные в контекст конкретной исторической драмы, оцениваются задним числом наблюдателями, умудренными знанием её развязки. Когда история в режиме реального времени прокатывается по хребтам и головам живых людей, полных привязанностей, амбиций и надежд, она никак не укладывается в однозначную схему, которая позднее будет навязана ей историками. Так, в период относительного затишья между октябрьским переворотом, краткой Гражданской войной (декабрь–январь 1918 г.) и большой Гражданской войной (июль 1918 — 1922 г.) выдающиеся русские мыслители, оценивая текущий момент и исторические перспективы России, обдумывают свои статьи для идейного сборника «Из глубины». Еще никому неизвестно, каким будет для России XX век. И, глядя в эту неопределенность, люди питают надежды, создают некие социальные проекты, облачают их в форму статей для сборника, которому не суждено увидеть свет. Но исторический «эон» русской революции завершается победой «красных», «враги народа» расстреляны и утоплены живьем в Крыму, а авторы «веховских» сборников высланы за границу. Новые «красные» герои возносятся на пьедестал, чтобы в 1930-е годы также быть расстрелянными. А затем настанет черёд быть проклятыми сначала для Сталина и его соратников, а затем и для всех «красных» вообще. И в этой череде бесконечных прочтений истории «задом наперёд» всякое событие или его участник, исторический выбор, воззвание, идейный сборник или иной документ эпохи будут видится большинству «гостей из будущего» в свете уже, казалось бы, необратимо состоявшегося на данный момент результата. Но совсем не так они воспринимались в своё время самими участниками исторической драмы, сюжет которой не обрел ещё однозначную завершенность, и процесс её разворачивания был чреват неопределенностью, непредсказуемостью, поливариантностью перспектив своего исхода.

О подобных ловушках ретроспективного искажения пишет в своей работе М. А. Колеров, предваряя рассмотрение первого из идейных сборников «веховской» традиции — «Проблемы идеализма»: «Но в истории русской мысли следы того, что на самом деле хотели и делали “Проблемы идеализма”, затмлены антиинтеллигентской сенсацией, которую произвели “Вехи” (1909), генетически наследующие “Проблемам идеализма”. В ещё большей степени эти следы

истреблены телеологической схемотворческой чисткой, которой подверглась история русской мысли начала 1900-х годов как со стороны торжествовавшего коммунизма, так и со стороны отодвинутой в эмиграцию и исторические катакомбы русской независимой философии. Происшедшее в русской мысли после и из-за “Проблем идеализма”, действительно, во многом закрывает от нас картину тех обстоятельств, в которых родился сборник» (с. 60).

«Проблемам идеализма», как чувствуется, значимому для самого М. А. Колерова тексту, посвящено около трети объема авторского исследования. К основным мировоззренческим посылам сборника он подходит издалека, начиная с «необозримого горизонта их контекста, коннотаций и спровоцированной полемики» (с. 8), отслеживая идейную и политическую родословную каждой зафиксированной в сборнике знаковой мысли или идеократической установки, реакцию на них определенных референтных групп, призванных составить социальную базу антимонархического движения. Эта кропотливая работа с закулисным фоном истории становления достаточно известных идеократических формул позволяет автору обнаружить «вовсе не очевидное русло развития русского политического идеализма» (с. 8). И тогда оказывается, что М. А. Колеров открывает читателю «иные исторические миры». И мы, поколение 1960-х, воспринимавшие диалектический и исторический материализм как нечто непреложное, наподобие закона всемирного тяготения, с удивлением обнаруживаем, что могли бы жить и в другом социализме, где каждому советскому студенту не пришлось бы сдавать в конце четвёртого курса экзамен по научному атеизму, отказ от сдачи которого в то время был равнозначен для верующего молодого человека запрету на профессию.

Итак, М. А. Колеров разворачивает перед читателем широкую панораму русской социогуманитарной мысли конца XIX — начала XX в., настойчиво подчеркивая, что в ней «несомненным фактом был консенсус вокруг социализма как неперменного будущего России» (с. 66). Социалистическая модель общественного переустройства постепенно набрала популярность в Западной Европе и была перенесена оттуда на русскую почву, где дала неожиданно пышные и весьма разнообразные всходы. Так или иначе, но вся общественная мысль России фокусировалась вокруг задачи политического и социального освобождения (ликвидации самодержавной монархии), практически неотделимой от требований более или менее последовательного социалистического переустройства

экономики. И вот, готовясь к очередному идейному и политическому конфликту с властью, лучшие умы из среды «прогрессивной» интеллигенции пытались изобрести общий идеологический знаменатель, способный объединить в единый антимонархический фронт и русских социал-демократов, и террористов-эсеров, и умеренных правовиков-либералов, и религиозных диссидентов (типа последователей Льва Толстого), и широкие народные массы, преимущественно приверженные Православной Церкви и иным традиционным конфессиям. Однако, поскольку социализм был воспринят в России в его вульгарно-материалистической марксистской редакции, социалистический консенсус резко нарушался в пункте несовпадения мировоззренческих позиций либерально-социалистической интеллигенции, преобладающему атеизму и материализму которой противостояла религиозность (церковность) народных масс (с. 67). К неудобству революционеров, в глазах этих масс понятия «материализм» и «социализм» стали почти синонимами, и придерживающиеся утилитарно-инструментального подхода к религиозной проблематике революционные демократы, будучи непримиримыми противниками официальной Церкви, считали возможным использовать религию в качестве общественной силы, противостоящей самодержавию (с. 68).

Намереваясь «разлегендировать» материализм как единственно возможную философскую базу русского революционного движения, М. А. Колеров вводит нас в идейную лабораторию середины и конца XIX века, демонстрируя яркие исторические прецеденты соединения элементов идеалистического, а иногда и христианского мировоззрений с национально-освободительными и даже социалистическими императивами. Перед глазами авторов сборника «Проблемы идеализма» стояли примеры европейских политических лидеров, сумевших в какой-то момент осуществить синтез религиозно-философского и политического мировоззрений, — Д. Мадзини и Ф. Лассаля. Крайне важной в этом контексте оказывается констатация М. А. Колеровым идеологической ситуации на рубеже XIX–XX веков: «Ортодоксальной марксистской философской программы (...) не существовало. Вернее сказать, (...) считалось, что она ещё только должна быть построена в синтезе с одной из философских систем. (...) В час внутримарксистских разногласий и размежеваний апелляциям ортодоксов к авторитетам Маркса и Энгельса противопоставлялась апелляция к авторитету основателя германской социал-демократии и идеалиста

Ф. Лассалья» (с. 99–100). Ф. Лассаль был последователем И. Г. Фихте с его романтическим пафосом национального возрождения немецкого народа. И вот, опасаясь, что революционное движение в России попадёт, вслед за Европой, в плен к духовному мещанству, примером которого был для русских революционеров бескрылый материализм Э. Бернштейна, авторы сборника (прежде всего, Н. Бердяев, С. Булгаков и П. Струве) пытались «воспламенить» русское революционно-освободительное движение идеалистической философией. М. А. Колеров в качестве примера приводит строки из письма Н. Бердяева к П. Струве в марте 1900 года, в котором тот указывает на недопустимость оставлять идеалистическую философию в арсенале реакционных сил: «... именно мы, люди прогрессивных социальных стремлений современной эпохи, должны объявить борьбу за идеализм (нравственно-общественный, философско-религиозный и эстетический); мы должны отнять у реакционных сил права на идеализм» (с. 109).

В разделе, посвященном «Проблемам идеализма», М. А. Колеров не ограничивается анализом попыток П. Струве, С. Булгакова, Н. Бердяева и др. облечь социально-экономические воззрения русских марксистов идеалистическим куполом смысла. Проведенный им весьма тонкий анализ показывает, что «скрещивание» социализма с идеалистической философской платформой открывало и весьма широкие перспективы для сближения леворадикального крыла русских революционеров с более умеренными либерально-антимонархическими силами русского политического спектра начала XX века. Дело в том, что либерально-демократическое крыло борцов с самодержавием в лице своих наиболее философски продвинутых теоретиков П. Новгородцева и кн. Е. Трубецкого горячо отстаивало идеалистическую по сути теорию «естественного права» в жёсткой полемике с адептами позитивистской концепции «исторического права», преобладавшей в официальной научной среде. М. А. Колеров показал, что революционный западник П. Струве сделал решительный шаг навстречу ранее уничтожаемому им славянофильству, взяв на вооружение его трактовку национализма, опирающуюся на идеи И. Г. Фихте. Согласно этой западнической версии славянофильства, истинный национализм есть свободное творчество национального духа, невозможное без свободы индивидуального действия и, следовательно, — без ограничения самодержавия во имя защиты прав личности. Данный теоретический ход позволял П. Струве привить к русскому социализму

идею «естественного права» и религиозное требование свободы совести, грубо попираемое самодержавной властью. Таким образом, идея «естественного права» оказывалась связующим звеном между социализмом и либерализмом: «Либерализму, как и марксизму, требовалось антипозитивистское идеалистическое “воспламенение”. Более того, в единых идеалистических основах социализма и либерализма виделась перспектива и практического объединения полюсов освободительного движения в широкую общенациональную оппозицию» (с. 125) по отношению к самодержавию.

Но, как видно из книги М. А. Колерова, несмотря на усилия инициаторов сборника «Проблемы идеализма», «пазлы» единой антисамодержавной коалиции революционных сил никак не складывались. Так, осуществляя мировоззренческий сдвиг в сторону идеализма и религиозности, С. Булгаков, П. Струве, Н. Бердяев, С. Франк и другие авторы стремительно теряли поддержку в среде позитивистски настроенной разночинной интеллигенции. Как верно отмечал Ю. Айхенвальд, «ополчившись (...) против позитивизма, авторы “Проблем идеализма” выступили против основного течения, против преобладающего философского мировоззрения своей собственной культурно-политической среды» (с. 185) — позитивно-механистического. Идеалистический крен части революционных теоретиков расширил раскол внутри революционно-освободительного движения: социал-демократы, чувствительные к любым отклонениям от материалистической догмы, воспринимали любой шаг в сторону идеализма и религиозности как отказ от научного знания и опасное соседство с официальной церковностью (с. 187). В качестве ответа на «Проблемы идеализма» появился альтернативный марксистский сборник «Очерки реалистического мировоззрения», инициированный большевиком А. А. Богдановым. Даже сочувственные отклики в прессе на «Проблемы идеализма» вызывали незамедлительную реакцию марксистов-ортодоксов. Так, например, А. С. Глинка-Волжский, поддержавший в «Журнале для всех» идеалистическое направление, а затем выступивший против сборника, инициированного А. А. Богдановым, был уволен из журнала в сентябре 1904 года под давлением «прогрессивной общественности» (с. 207).

Заплатив за свой метафизический дрейф в сторону идеализма потерей понимания и поддержки со стороны своей традиционной, прогрессистски настроенной, референтной группы, авторы «Проблем идеализма» рассчитывали восполнить разверзшийся вакуум

социальной поддержки за счет выходцев из стихийно-религиозных народных масс, которым был глубоко чужд атеизм марксистов-ортодоксов. Издание сборника «Проблемы идеализма» имело сверхцелью «достижение идейного лидерства «идеалистов» во главе со Струве, которое консолидировало бы широкую коалицию либерально-социалистической интеллигенции и подчинило бы ей народный социально-религиозный протест» (с. 144). Но по факту коалиция не срасталась — от идеалистов резко оттолкнулись марксисты-ортодоксы и разночинная интеллигенция, в то время как стихийно-религиозные массы пошли за иным, не интеллигентским, но харизматичным лидером — священником Георгием Гапоном.

Небывалый успех проповеди создателя «Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга» Г. Гапона, сумевшего вывести 9 января 1905 года на улицы столицы более сотни тысяч человек, глубоко травмировал революционеров-идеалистов. Как отмечает М. А. Колеров, петиция Императору Николаю II, составленная Г. Гапоном в сотрудничестве с М. Горьким, «была не только ярким агитационным документом, но и документом общенационального освободительного консенсуса, действительно впервые соединившего толстовский этический пафос с требованиями гражданских свобод и социализма, социал-демократическими и народническими идеями» (с. 211–212). Но именно это и было главной целью авторов сборника «Проблемы идеализма», всеми силами стремившихся преодолеть узкую партийность существующих революционных течений и сформировать массовое освободительное движение, консолидированное вокруг религиозных ценностей. Как показало дальнейшее развитие событий, в ходе нарастания революционных настроений эта цель и её реализация была перехвачена у «высоколобых» интеллигентов-идеалистов иными харизматичными лидерами, умевшими увлечь народные массы более простыми и понятными лозунгами. Язык же С. Булгакова и Н. Бердяева, как отмечает М. А. Колеров, совершенно не соответствовал массовой аудитории.

Деятельность Г. Гапона и разгром инициированного им движения после Кровавого воскресенья 9 января 1905 года положили зримый предел развитию «идеалистического направления» в русском революционном движении. Лишённые перспективы найти общественный отклик в широких слоях общества, бывшие союзники-идеалисты разошлись каждый в свою сторону (с. 218). Так, С. Булгаков все больше склонялся к христианскому социализму

и даже участвовал (вместе с В. Свенцицким, В. Эрном и П. Флоренским) в «Христианском братстве борьбы». Н. Бердяев двигался индивидуальным мистическим путём, далеким от канонической церковности. П. Новгородцев, П. Струве и С. Франк, воцерковившиеся намного позднее, в то время ещё не последовали за С. Булгаковым по его пути стремительного воцерковления. Как известно, этот путь привёл С. Булгакова к принятию им в 1918 году священного сана и к становлению его в качестве крупного религиозного мыслителя и богослова.

Очень важно отметить, вслед за М. А. Колеровым, что неудача идеалистического направления в русском революционном движении сопровождалась раскультуриванием основных политических сил, смысловым обеднением их идеократических установок. Говорить о марксистах-ортодоксах и их философской программе не имеет смысла: все, кто изучал «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ульянова (Ленина), знают, насколько узок и примитивен мировоззренческий горизонт этого текста, базового для революционеров, а затем и для всех получавших высшее образование в советское время. Однако смысловое оскудение затронуло и остальные социально-политические течения: «в 1905–1907 годах хорошо чувствовалось, сколь одиноко и “не сомасштабно” положение Булгакова в кругу его новых христианско-социалистических союзников Эрна и Свенцицкого, но иных союзников религиозная эволюция “идеализма” не предполагала. Было очевидно, сколь практически невыгодна философско-идеологическая сложность Новгородцева и Струве для их работы в Центральном комитете конституционно-демократической партии, но задачи политической агитации даже в среде интеллигенции категорически исключали кабинетную “сложность”» (с. 220). Последующее течение русской истории показало, чем может обернуться такое нравственно-интеллектуальное оскудение основных политических трендов эпохи.

Революция 1905–1907 годов была первым реальным опытом масштабного столкновения самодержавной власти с разношерстным революционно-освободительным движением, возглавляемым интеллигенцией, своего рода «разведкой боем», выявившим уязвимые места обеих сошедшихся в этой схватке сил. По её итогам обеим сторонам необходимо было провести коррекцию поли-

тического курса, организационно перестроиться, перегруппировать свои программные цели и политические приоритеты. Самодержавие сказало свое веское слово, осуществив «тектоническую подвижку» в политической структуре управления российским обществом: был издан царский манифест от 17 октября 1905 года, даровавший народу гражданские права и свободы и по сути запустивший процесс превращения российского государства в конституционную монархию. И в этот ответственный исторический момент, когда власть пошла на значительные уступки, развязывающие руки для сложной созидательной работы по формированию новой политической инфраструктуры общества, стоявшая во главе протестного движения интеллигенция продолжала раскачивать хрупкое социальное равновесие все более радикальными действиями и лозунгами. «В эту борьбу с исторической русской государственностью и с “буржуазным” социальным строем, которая после 17 октября была поведена с еще большей страстностью и в гораздо более революционных формах, чем до 17 октября, интеллигенция внесла огромный фанатизм ненависти, убийственную прямолинейность выводов и построений и ни грана — религиозной идеи»², — с горечью констатировал П. Б. Струве. Интеллигенция и дальше продолжала терроризировать власть всеобщими стачками и вооруженными восстаниями, чем вызвала ответные репрессии: «Явились военно-полевые суды и бесконечные смертные казни. И затем государственный испуг превратился в нормальное политическое состояние, в котором до сих пор пребывает власть (...) — теперь потребуются годы, чтобы сдвинуть страну с этой мертвой точки»³.

Идейный сборник «Вехи», как следует из предисловия к нему его главного инициатора М. О. Гершензона, вырос из необходимости неотложной переоценки «тех ценностей, которые более полувека как высшую святыню блюла наша общественная мысль»⁴. Именно эти мировоззренческие установки, обретшие в сознании представителей революционной интеллигенции силу догматов, сбили их «политический прицел», зачеркнули для них возможность, воспользовавшись уступками власти, направить ход исторических событий в конструктивное русло. Как отмечает далее М. О. Гер-

² П. Б. Струве. Интеллигенция и революция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой; Предисл. В. Шелохаева. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 145–146.

³ Там же. С. 149.

⁴ М. О. Гершензон. Предисловие // Вехи; Интеллигенция в России. С. 22.

шензон, поражение интеллигенции: «во-первых, глубоко потрясло всю массу интеллигенции и вызвало в ней потребность сознательно проверить самые основы ее традиционного мировоззрения, которые до сих пор принимались слепо на веру; во-вторых, подробности события, т. е. конкретные формы, в каких совершалась революция и её подавление, дали возможность тем, кто в общем признавал ошибочность этого мировоззрения, яснее уразуметь грех прошлого и с большей доказательностью выразить свою мысль»⁵.

Этими мужественными мыслителями, взявшими на себя неблагодарный труд до конца додумать и публично обнародовать историю духовной болезни русской интеллигенции, выходцами из среды которой были они сами, стали авторы «Вех». Как отмечает М. А. Колеров, в текстах, написанных для «Вех», они решились на критический «анализ идейных, исторических и политических оснований безграничного интеллигентского социализма» (с. 222) и сразу оказались изгоями в собственной социальной среде, были заклеймлены как соглашатели и ренегаты, предавшие высокие идеалы интеллигенции. Степень отторжения «Вех», практически обструкция авторов сборника, позволила М. А. Колерову сделать вывод о том, что последние «явно недооценили консенсуальность (...) “течения”, солидарно выступившего против них» (с. 235).

М. А. Колеров выдвигает весьма тонкое и точное объяснение эффекта «разорвавшейся бомбы», произведенного вышедшими в свет «Вехами» на заангажированную социалистическими идеями общественность. Анализируя упреки в неоригинальности идейного генофонда «Вех», исследователь приводит многочисленные ссылки на источники «довеховской» поры, подтверждающие, что все темы, поднятые авторами сборника, были не новы. М. А. Колеров подчёркивает, что «главные тезисы “Вех”, будь то критика интеллигенции, или утверждение религиозных принципов жизни и общественной деятельности, или поиск оптимального соотношения полюсов свободы и власти, “духа” и “учреждений”, вошедшие в историю русской мысли под именем *веховства*, были хрестоматийны ещё до их появления. (...) И многочисленные их критики, указующие на полное отсутствие идейной новизны сборника, были правы. Но в таком случае общественный “скандал”, сопутствовавший выходу сборника в свет, следует признать либо искусственным, либо лицемерным. Но вряд ли это так» (с. 241).

⁵ М. О. Гершензон. Предисловие // Вехи; Интеллигенция в России. С. 22.

Автор книги «Манифесты русского политического идеализма» видит причину этого «скандала» в том, что, выйдя в риторическое пространство публичной полемики, оперирующей сложившейся системой образов и формул, авторы «Вех» не учли, что здесь «важна оказывалась именно определённым образом сориентированная (политическая) направленность целого, а не верность деталей. “Детали”, то есть общепринятая совокупность устойчивых формул-образов, — сами по себе составляли плоть социально-политического языка 1900-х, на котором изъяснялись “Вехи”. Интеллигентская самокритика была обыденной частью этих “деталей”. Об этом и говорили, собственно, недоброжелательные разоблачители банальности “Вех”. Однако *цель и задача* интеллигентской самокритики (как то верно почувствовали противники “Вех”) в сборнике была подчинена не традиционному антибуржуазному, антимищанскому пафосу разрушения status quo, а новому по политической и общественной задаче *разрушению самого антибуржуазного пафоса как ограниченного и непродуктивного*. (...) Налицо было нарушение негласной конвенции, согласно которой любая самокритика, “укреплявшая ряды борцов с самодержавием” была хороша, а сомнение в самодостаточности “борьбы с самодержавием” как главной и предельной цели социальной философии — предательством» (с. 243).

«Взять на вооружение язык, но предать цель языка — значило совершить особо извращённую измену» (с. 243), — резюмирует суть совершённого веховцами интеллектуального деяния М. А. Колеров, объясняя этим одновременно и непреходящее значение «Вех» в истории русской мысли и бурную негативную реакцию на них бывших соратников по революционно-освободительному движению. Опираясь устоявшимися в интеллигентской среде понятиями, авторы «Вех» (каждый по-своему) ценностно «умножили на минус единицу» основные сакральные смыслы, вокруг которых десятилетиями выстраивалась жизнь тысяч русских революционеров и сочувствующей им интеллигенции.

Главным смысловым стержнем мировоззрения русской интеллигенции П. Б. Струве назвал «отщепенство от государства»: «Идейной формой русской интеллигенции является её *отщепенство*, её отчуждение от государства и враждебность к нему»⁶. Другие авторы «Вех», прежде всего, С. Н. Булгаков и С. Л. Франк, выдвигали в качестве главной черты интеллигенции её резко отри-

⁶ П. Б. Струве. Интеллигенция и революция. С. 139.

цательное отношение к религии, т. е. «отщепенство» от веры. «Атеизм есть общая вера, в которую крещаются вступающие в лоно церкви интеллигентски-гуманистической и не только из образованного класса, но и из народа»⁷, — отмечал С. Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество». Несколькими иными словами, но по сути о том же пишет в статье «Этика нигилизма» С. Л. Франк, подчёркивая, что «Характер мировоззрения русской интеллигенции может быть выведен с совершенной отчётливостью из её нигилизма. (...) Под нигилизмом я разумею отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей»⁸. Вытесненный из интеллигентского мировоззрения теоцентризм восполняется относительной, земной ценностью — «благом народа», служению которой подчиняет жизнь интеллигента его нигилистическая, а по сути неоязыческая мораль. «Религия служения земным нуждам и религия служения идеальным ценностям сталкиваются здесь между собой, — отмечает С. Л. Франк, — (...) в сфере интеллигентского сознания их столкновение приводит к полнейшему истреблению и изгнанию идеальных запросов во имя цельности и чистоты моралистической веры»⁹.

Таким образом, и «веховцы», и борцы за светлое будущее говорили об одних и тех же чертах интеллигенции. Но, если государственное и религиозное «отщепенство» считалось в русской интеллигентской среде нормой и было своего рода паролем, удостоверяющим приобщенность человека к ордену «воинов прогресса», то авторы «Вех» указывали на глубочайшую извращенность этой нормы, самой мировоззренческой парадигмы, на которой базировалась вся субкультура, кодекс чести и программа практических действий интеллигенции. Поэтому ссылки на П. Я. Чаадаева и Л. Н. Толстого несколько не реабилитировали авторов «Вех» в глазах революционного лагеря, от которого они сознательно отделились, и мировоззренческие устои которого попытались взорвать изнутри посредством его же языка. Анализируя хрестоматийные черты типичных представителей радикального лагеря, которые никто и не оспаривал, «веховцы» понятными для интеллигенции словами выразили диаметрально противоположный её

⁷ С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи; Интеллигенция в России. С. 49.

⁸ С. Л. Франк. Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи; Интеллигенция в России. С. 159.

⁹ Там же. С. 161–162.

чаяниям смысла. Там, где, глядяваясь в свой портрет, интеллигенция, даже снисходительно подмечая в себе отдельные недостатки, в целом считала, что «сосуд наполовину полон», авторы «Вех» вынесли беспощадный оценочный вердикт о том, что «сосуд наполовину пуст», и неполнота эта страшная, злокачественная, гибельная и для самой интеллигенции, и для России. Имя этой неполноте было «отщепенство», и оно было многоликим — отщепенство от Церкви, от государства, от подлинных философии и культуры, основанных на исповедании абсолютной истины.

Таким образом, «отщепенство» оказалось ключевым понятием, раскрывающим отрицательную природу русской интеллигенции. Революционная интеллигенция являлась для авторов «Вех» отрицательным классом, пребывающим в состоянии «недо-» — неисполненности, некой агрессивной неполноты, и пытающимся восполнить себя, утвердиться путём опрокидывания всех традиционных институтов общества: государства, Церкви, культуры. Состояние «недо-» неудержимо влекло её в революцию, к разрушению общественных устоев, и сборник «Вехи» стал своего рода «стоп-краном», который его авторы не побоялись сорвать, пытаясь воспрепятствовать распространению захватившего интеллигенцию (а через неё и всю страну) соблазна.

Однако обличаемая «веховцами» ущербность интеллигенции не воспринималась революционерами как болезнь, напротив, она ощущалась как печать некой сверхчеловечности. Суть этой прелести блестяще вскрыл С. Н. Булгаков. «Отбрасывая христианство и устанавливаемые им нормы жизни, вместе с атеизмом или, лучше сказать, вместо атеизма наша интеллигенция воспринимает догматы религии человекобожества в каком-либо из вариантов, выработанных западноевропейским просветительством (и при том ещё в упрощённой азбучной форме), — отмечал С. Н. Булгаков в исключительно важной для расставления смысловых акцентов и называния вещей своими именами статье «Героизм и подвижничество». — Основным догматом её, свойственным всем её вариантам, является вера в естественное совершенство человека, в бесконечный прогресс, осуществляемый силами человека, но вместе с тем механическое его понимание»¹⁰. Исходя из этого крайнего антропоцентризма, интеллигенция оказывалась в состоянии ино-

¹⁰ С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции). С. 54.

родности и отщепенства по отношению к слишком тесным для неё реалиям исторической России. Для обозначения подобной личностной позиции С. Н. Булгаков избрал слово «героизм», противоположное по содержанию христианскому термину «подвижничество», под которым понимается активность личности, основанная на духовном самоотречении и подчинении Промыслу Божию. «Интеллигенция стала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы, опираясь при этом на свою самооценку. *Героизм* — вот то слово, которое выражает, по моему мнению, основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, притом героизм самообождения»¹¹, — заключает С. Н. Булгаков.

В своей монографии М. А. Колеров рассматривает, вслед за авторами «Вех», некоторые «болевые» точки интеллигентской субкультуры. Так, он акцентирует внимание читателей на подмеченном С. Н. Булгаковым феномене переворачивания пирамиды наследования идейно-культурной идентичности, приводящей в интеллигентской среде к перманентному идейному конфликту «отцов и детей». Автор «Манифестов русского политического идеализма» цитирует С. Н. Булгакова, отмечавшего в статье «Героизм и подвижничество»: «И если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководства, то среди нашей интеллигенции такую роль естественно заняла учащая молодёжь. Духовная педократия — есть величайшее зло нашего общества (...)» (с. 244). М. А. Колеров обращает внимание на связь духовной педократии с идейной разобщённостью разных поколений русских революционеров, отмечая: «Преимственность в условиях “педократии” становилась трудно исполнимой задачей, ибо сталкивалась с мощной инерцией вторичности, провинциализма, подражательства в отношении всё новых и новых умственных мод» (с. 248). В «Вехах» неоднократно проводится мысль о несамостоятельности духовных поисков и идеологических увлечений всё новых поколений интеллигенции, об их «духовном пленении» Западной Европой. М. А. Колеров приводит очень яркую оценку этого явления Н. А. Бердяевым, данную им в «Вехах»: «Общим источником всех наших теоретических направлений остаётся до сих пор Западная Европа. (...) Судьба этих господствующих направлений довольно оригинальна: они быстро распространяются, господ-

¹¹ С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество... С. 55.

ствуют деспотически, но затем бросаются так же легко, как и были усвоены. (...) У нас Канты, Шеллинги, Гегели, Милли и Конты являются без отцов, как не помнящие родства, потому и умирают беспотомственно. Но зато в период своего кратковременного владычества они царят безраздельно, диктаторски, повелевают умами (...)» (с. 250). Это вечное пленение модными поветриями, приходящими из Европы, приводит к тому, что каждое новое поколение пренебрегает заветами поколения из предыдущего десятилетия, а их дети, в свою очередь, «анафематствуют» их идеи.

Ещё одним симптомом мировоззренческой ущербности революционной интеллигенции, на который обращает внимание М. А. Колеров, является её отчуждённость от подлинной философской культуры, ставшая предметом исследования в «веховской» статье Н. А. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда». «С русской интеллигенцией в силу исторического её положения случилось вот какого рода несчастье: *любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине (...)*»¹², — отмечал Н. А. Бердяев, поясняя эту аберрацию сознания следующим образом: «Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. Она шла на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей»¹³. Таким образом, в русской интеллигентской среде, особенно в марксистской, восторжествовало стремление отыскать свою, «удобную» философию, приспособленную к интересам народа или отдельного класса, пригнуть объективную истину до классовой точки зрения. «Деление философии на “пролетарскую” и “буржуазную”, на “левую” и “правую”, утверждение двух истин, полезной и вредной, — всё это признаки умственного, нравственного и общекультурного декаданса, — полагал Н. А. Бердяев. — Путь этот ведёт к разложению общеобязательного универсального сознания, с которым связано достоинство человечества и рост его культуры»¹⁴. Настаивая на необходимости радикальной

¹² Н. А. Бердяев. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи; Интеллигенция в России. С. 30.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 32.

реформы интеллигентского сознания, он признаёт положительную ценность стремления интеллигенции к синтезу теории и практики, «правды-истины» и «правды-справедливости», однако не считает возможным поступиться универсальностью истины ради достижения такого синтеза. «Но сейчас мы духовно нуждаемся в признании самоценности истины, в смирении перед истиной и готовности на отречение во имя её»¹⁵, — заключает Н. А. Бердяев. М. А. Колеров дополняет бердяевские размышления сильным смысловым аккордом из высказываний С. Н. Булгакова 1903 года, помещающим данный дискурс в религиозный контекст: «Та двуединая правда, о которой так задушевно говорит г. Михайловский, правда-истина и правда-справедливость, есть ли, вместе с тем, и правда-мощь, всё побеждающая и преодолевающая? *Есть ли Добро, есть ли Правда?* Другими словами, это значит: есть ли Бог? Вот вопрос всех вопросов, в ответе на который разрешаются все они» (с. 252). Таким образом, М. А. Колеров видит основной посыл бердяевской статьи в обращённом к революционной интеллигенции призыве облечься в подлинную философскую культуру, отказавшись от попыток оценивать философские воззрения, руководствуясь узкоклассовыми критериями. На этом пути интеллигенции предстоит смириться перед Истиной, которая может быть только абсолютной, т. е. религиозной. И задача состоит в том, чтобы принять её, не выставляя Богу свои условия, пожертвовав своим пониманием справедливости — того, что полезно или вредно для народа.

Как Н. А. Бердяев и С. Л. Франк, С. Н. Булгаков видел истоки расщепления истины в интеллигентском сознании в отказе от теоцентрического мировоззрения, однако говорил об этом резче, чем они, сравнивая русскую интеллигенцию «с евангельским бесноватым, который был исцелён только Христом и мог найти здоровье и восстановление сил лишь у ног Спасителя»¹⁶. Возвращение интеллигенции в Церковь он считал универсальным и единственным средством врачевания всех её изломов, однако опасался, что такое ре-воцерковление интеллигенции может оказаться фальшивым. Эти опасения разделял и С. Л. Франк, обеспокоенный необычайной миссионерской активностью Д. С. Мережковского в молодёжной среде, проповедовавшего «новое религиозное сознание» и пред-

¹⁵ Н. А. Бердяев. Философская истина и интеллигентская правда. С. 42.

¹⁶ С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции). С. 83.

лагавшего христианизировать мировоззрение русской интеллигенции несколько упрощённо и механически. В письме к М. О. Гершензону от 16 ноября 1908 года (проанализированном в монографии М. А. Колерова) С. Л. Франк писал: «Мережковский думает, что стоит только вместо Маркса поставить Христа, и вместо социализма — царство Божие, чтобы реформа интеллигентского мирозерцания и духовного типа была готова (...). Но нам в противовес этому чрезвычайно важно подчеркнуть необходимость внутреннего, культурно-нравственного и религиозного перевоспитания интеллигенции» (с. 226). В связи с этим он предлагал М. О. Гершензону попросить С. Н. Булгакова высказаться по этому поводу, что и было сделано последним в статье «Героизм и подвижничество», написанной для «Вех». Соответствующие места из этой булгаковской статьи М. А. Колеров цитирует в своей книге ввиду их особой важности: «В настоящее время можно наблюдать особенно характерную для нашей эпохи интеллигентскую подделку под христианство, усвоение христианских слов и идей при сохранении всего духовного облика интеллигентского героизма... Легче всего интеллигентскому героизму, переоблачившемуся в христианскую одежду и искренно принимающему свои интеллигентские переживания и привычный пафос за христианский праведный гнев, проявлять себя в церковном революционаризме, в противопоставлении своей новой святости, нового религиозного сознания неправде “исторической” церкви» (с. 226). Такой несмиранный неопит привносит в Церковь революцию, ощущая себя по меньшей мере «Мартином Лютером или, ещё более того, пророчесственным носителем нового религиозного сознания, призванным (...) создать (...) чуть ли не новую религию. (...) Это интеллигентское христианство, оставляющее нетронутым то, что в интеллигентском героизме является наиболее антирелигиозным, именно его душевный уклад, есть компромисс противоборствующих начал, имеющий временное и переходное значение и не обладающий самостоятельной жизненностью. Он не нужен настоящему интеллигентскому героизму и невозможен для христианства» (с. 227). Подлинное возвращение русского интеллигента в Церковь требует преодоления «героической» установки и начаться оно должно с покаяния. «“Нужно покаяться”, т. е. пересмотреть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь в её глубинах и изгибах, чтобы возродиться к новой жизни, — писал С. Н. Булгаков. — (...) Для русской интеллигенции предстоит медленный и трудный путь перевоспитания лич-

ности, на котором нет скачков, нет катаклизмов, и побеждает лишь самодисциплина. Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной — для осуществления “реформ”, экономической — для поднятия народного хозяйства, культурной — для работы на пользу русского просвещения, церковной — для поднятия сил учащей церкви, её клира и иерархии»¹⁷.

Подводя, вслед за М. А. Колеровым, итоги «веховской» критики русской интеллигенции, мы можем согласиться с ним, что, не сказав о ней по сути ничего, что ранее не обсуждалось бы публично, авторы «Вех» тем не менее своими оценками поставили интеллигенции такой исчерпывающий диагноз, который последняя никак не могла принять. Взрыв негодования был неизбежен. И своеобразным «капсюлем-детонатором», особо распалившим страсти вокруг «Вех», как указывает автор «Манифестов русского политического идеализма», стала фраза М. О. Гершензона, вырванная из контекста его статьи «Творческое самосознание»: «*Каковы мы* [интеллигенция] *есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной» (с. 253). М. А. Колеров отмечает, что, хотя в оригинале смысловой акцент был сделан не на оправдании антинародной власти, а на покаянной критике «каковы мы есть», это осталось всеми незамеченным, и фраза была истолкована как оправдание карательных институтов власти. Вся революционная, либеральная, антиправительственная среда яростно ополчилась против М. О. Гершензона, а у его соавторов по «Вехам» не хватило мужества солидаризоваться с ним (с. 253–261).

Поразительна была предвзятость критиков М. О. Гершензона, их полная глухота к содержанию его статьи, нежелание исследовать смысловой или хотя бы текстуальный контекст его фразы. Смысл статьи состоял вовсе не в оправдании самодержавной власти, а в глубоком и, как оказалось в свете событий, последовавших за 1917 годом, почти «пророческом ошущении “метафизической розни”», «глубокого *качественного* различия между душевным строем простолюдина и барина»¹⁸, характерных лишь для России. Называя

¹⁷ С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции). С. 74–75.

¹⁸ М. О. Гершензон. Творческое самосознание // Вехи; Интеллигенция в России. С. 101.

русских интеллигентов «калеками» (не выводя «за скобки» это определение и самого себя), М. О. Гершензон видел корень болезни во всецелой поглощённости их сознания внешней социальностью, в утрате ими религиозного стержня и душевной цельности: «Этот распад личности оказался роковым для интеллигенции в трёх отношениях: внутренне — он сделал интеллигенцию калекою, внешне — он оторвал интеллигенцию от народа, и, наконец, совокупностью этих двух причин он обрёк интеллигенцию на полное бессилие перед гнетущей её властью»¹⁹. Таким образом, метафизическая рознь между интеллигенцией и народом, превращающая ненавистную самодержавную власть в крепостную стену, за которой только и возможно существование интеллигенции, — вот основной лейтмотив статьи, дающий «ужасной фразе» М. О. Гершензона совсем не то значение, которое ей приписывали недобросовестные критики. Но и сам текстуальный контекст показывает, что для трактовки её в качестве апологии власти не было никаких оснований. «Между нами и нашим народом — иная рознь, — писал М. О. Гершензон. — Мы для него — не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно, с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. *Какovy мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной»²⁰.

Мы уже приводили слова М. А. Колерова о том, что авторы «Вех» «явно недооценили консенсуальность того “течения”, против которого они пошли», и вот теперь в истеричной реакции всего лагеря интеллигентов-монархомахов на фразе М. О. Гершензона эта консенсуальность проявила себя во всей полноте. Это была цепная реакция по принципу «не читал, но знаю», с огульным навешиванием ярлыков, без попытки проникнуть в смысл написанного автором. И она напугала других участников «Вех», оказавшихся не готовыми принять на себя удар волны «праведного» гнева: у коллег М. О. Гершензона по сборнику не хватило мужества проявить солидарность с ним.

¹⁹ М. О. Гершензон. Творческое самосознание. С. 93.

²⁰ Там же. С. 101.

М. А. Колеров характеризует позицию публично высказавшихся по этому поводу П. Б. Струве и С. Л. Франка очень жёстким словом «лжесвидетельство». Так, П. Б. Струве в качестве оправдания ссылался на то, что формирование сборника было пущено на самотёк, он никем не редактировался, и некоторые участники ознакомились с содержанием других статей лишь после его выхода в свет. На это М. А. Колеров замечает, что объяснение П. Б. Струве было «осознанной публичной ложью» (с. 254): сборник редактировался Гершензоном, а Струве знакомился с корректурой статей. Похожей была и реакция С. Л. Франка, возложившего всю вину за «ужасную фразу» на «чудаковатого и капризного» Гершензона (с. 254).

Сам М. О. Гершензон, указывает М. А. Колеров, был вынужден объясниться по поводу «ужасной фразы», что он и сделал во втором издании «Вех»: «Смысл моей фразы тот, что всем своим прошлым интеллигенция поставлена в неслыханное, ужасное положение: народ, за который она боролась, ненавидит её, а власть, против которой она боролась, оказывается её защитницей, хочет она того или не хочет. (...) мы собственными руками, сами не сознавая, соткали эту связь между собою и властью, — в этом и заключается ужас, и на это я указываю» (с. 256). М. А. Колеров обращает внимание на то, что «ужасная фраза» М. О. Гершензона имела более ранний литературный аналог: Л. Н. Толстой в «Письмах к фельдфебелю» (1902) приписывает царской власти в России те же карательные атрибуты как свидетельство её антихристианской, а, следовательно, изначально аморальной сущности. В своём объяснении, по словам М. А. Колерова, М. О. Гершензон солидаризовался с этой оценкой власти как антихристианской, констатируя позорный вынужденный союз с нею (с. 257). Думается, наступившая через десять лет семидесятилетняя эра советской, т. е. глубоко «народной», власти заставила многих доживших до неё критиков Гершензона (и не исключено, что и его самого) несколько изменить свои оценки прежней русской государственности.

К сожалению, в историю русской мысли казус «ужасной фразы» вошёл в интерпретации врагов М. О. Гершензона и тех его коллег, которые отказались «от морального бремени понять сказанное им, от политического испуга перед её недобросовестными толкованиями. Хуже всего, что эта фраза стала символом предательства — но не Гершензона его коллегами, а Гершензоном

и другими веховцами русской революционной интеллигенции ради капитуляции перед властью» (с. 260).

Подводя итоги разбора идейного сборника «Вехи», М. А. Колеров пишет о двояком толковании его названия современниками. Одни понимали его ретроспективно — как «вехи» уже пройденного пути, оказавшегося тупиковым. Другие писали о проективном, целеполагающем значении заглавия сборника, видели в «Вехах» попытку очертить перспективы участия русской интеллигенции в грядущих исторических событиях (с. 261–262). Сам М. А. Колеров придерживается второй точки зрения, обращая внимание на то, что при оконтуривании этой перспективы «особый смысл приобрела скрытая внутривнутрипартийная (...) полемика авторов «Вех» о методах революции, (...) о революционном действии вообще» (с. 263). В этом смысле точку зрения «веховцев» на революцию 1905–1907 годов и на роль интеллигенции в ней довольно резко резюмировал в своей статье «Интеллигенция и революция» П. Б. Струве: «Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация. Это обстоятельство, однако, только ярко иллюстрирует поразительную неделовитость революционеров, их практическую беспомощность, но не в нём суть дела. Она не в том, как делали революцию, а в том, что её вообще *делали*. Делали революцию в то время, когда вся задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании»²¹. П. Б. Струве считал, что после царского манифеста от 17 октября 1905 года революцию делали уже «против её естества». Ошибка была в том, что возглавившая революцию левая интеллигенция продолжала по инерции мобилизовывать массы на разрушение русской государственности (имеется в виду московское восстание 1905 года), когда уже надо было приступать к интенсивному созиданию новых политических институтов российского общества. Когда пришло «время собирать камни», очерчивая контуры модернизированной русской государственности, революционная интеллигенция продолжала их разбрасывать, направляя под откос историческую Россию. Ибо «собирать камни» она не умела и не хотела: это было против её традиционных мировоззренческих установок, на необходимости радикального пересмотра которых так настаивали авторы «Вех».

²¹ П. Б. Струве. Интеллигенция и революция. С. 148.

В уникально спрессованном по конфликтной насыщенности и тектоническим сдвигам в общественной жизни России «историческом мгновении» 1905–1922 годов идейный сборник «Из глубины» стал попыткой творчески мыслящей части либерально настроенной, но не поддержавшей октябрьский переворот 1917 года интеллигенции переформатировать идейную парадигму интеллигентского сознания с учётом радикально изменившихся политических реалий. Принявшие в нём участие, большинство из них были авторами «Вех» (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, П. Б. Струве, С. Л. Франк), попытались в новых условиях ответить как на старые вопросы — об отношении интеллигенции к государству и Церкви, так и на новые, связанные с самосохранением этой тонкой мыслящей прослойки русского общества в условиях большевистской диктатуры. Подчёркивая преемственность проблематики сборника «Из глубины» по отношению к «Вехам», Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская справедливо отмечают: «“Вехи” были не только призывом к смене парадигмы интеллигентского сознания и общественной мысли в целом, но и предостережением, основанным на предчувствии той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась в 1905–1907 гг. и разразилась в октябре 1917 г. Революция 1917 г. нашла отражение в другом сборнике — «Из глубины. Сборник статей о русской революции», написанном по её горячим следам в 1918 г. (...) Связь двух сборников очевидна, различия обусловлены лишь тем, что в первом проблематика, связанная с новым мировоззрением, рассматривалась в свете уроков 1905 г. (её поражения), во втором — в свете уроков революции 1917 г. (её победы)»²².

М. А. Колеров одной ёмкой фразой очень точно очерчивает исторический контекст написания сборника «Из глубины»: «Содержательно сборник полностью принадлежал недолгой эпохе ещё в целом мирного перехода власти к большевикам, которые сами поэтапно, захватив власть в столицах, от имени России отступали перед германской армией и перед быстрым строительством под протекторатом Германии и их союзников национальных “государств” на окраинах бывшей Российской империи» (с. 274). Инициатором и составителем сборника был П. Б. Струве, взгляды

²² Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. Русская философия истории: Курс лекций. Изд. 2-е, доп. М., 1999. С. 299.

и оценки которого во многом повлияли на формирование идейной канвы сборника. Как отмечает М. А. Колеров, «революционным образцом Струве считал мирную и верхушечную британскую “славную революцию” конца XVII века, а главным содержанием русской революции считал утверждение политической свободы и частной собственности на землю» (с. 274). Поскольку оба государственных переворота 1917 года, наложившихся друг на друга, явно выходили по уровню своего радикализма за рамки социально-политических преобразований, которые П. Б. Струве считал оптимальными для русского общества, он объединил их друг с другом, вписав в контекст всей революционной истории России начала XX века под одним именем: контрреволюция (с. 274).

Как следует из цитируемых М. А. Колеровым замечаний П. Б. Струве по поводу статьи И. О. Левина, сам П. Б. Струве полагал, что русская революция, содержанием которой было движение широких народных масс, устремлённое к обретению собственности, прежде всего, земельной, началась ещё в 1902 году. Исходя из этого, Струве признавал аграрный результат большевистского переворота (контрреволюции), выразившийся в «Декрете о земле». По логике П. Б. Струве, непреодолимый процесс формирования буржуазного собственнического сознания в широких народных массах окончательно сметёт уродующий это движение, напыленный на него большевиками «погромно-социалистический костюм». Параллельно с этим процессом будет происходить и духовное отрезвление интеллигенции, которая придёт в себя, окончательно преодолев социализм как антигосударственную и антикультурную погромную идеологию, контрреволюционную по своему существу (с. 275).

Таким образом, весной 1918 года, когда большевики выиграли у белых краткую гражданскую войну (декабрь 1917 — январь 1918 г.) и перешли от прямого репрессивного давления на русское общество к более компромиссным методам, П. Б. Струве выдвинул программу эволюционно-экономического преодоления большевистской «контрреволюции» на путях реализации её основного аграрного результата — «Декрета о земле» и примирения с её главным политическим институтом — диктатурой (с. 276). «Прочитированной программе Струве (...) уже в широком церковном и культурном применении соответствовал организованный Струве сборник “Из глубины”» (с. 276). За в целом примирительным по отношению к большевистской власти тоном авторов его статей стояла иллюзия мирного сосуществования с этой властью са-

моорганизованных в братства (в церковном и культурном измерениях) антибольшевистски настроенных интеллигентских кругов в надежде на то, что спонтанная эволюция частной собственности «растворит» большевистскую диктатуру в обществе частных собственников, лишив её социально-экономической базы.

Отсюда вытекала и двойственная гражданская позиция П. Б. Струве, которую, как полагает М. А. Колеров, в целом разделяли и его коллеги по намечавшемуся сборнику — Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др. Суть её состояла в одновременном движении в двух направлениях: предпринимать шаги по легализации своего общественного положения в качестве аполитичных, притворно-лояльных к советской власти культурных деятелей, одновременно проводя подпольную работу по религиозному и интеллектуально-культурному противостоянию большевистской диктатуре. Эта двойственность наложила неизгладимую печать на все тексты, помещенные в сборнике «Из глубины», что и отмечает в беглом анализе его статей М. А. Колеров.

Так, статья Н. А. Бердяева «Духи русской революции» проникнута соглашательством и полна уклончивых оценок «синтетического снятия», среди которых М. А. Колеров выделяет и такие прямо конъюнктурные высказывания: «Ныне водители русской революции поведали миру русский революционный мессианизм, они несут народам Запада, пребывающим в “буржуазной” тьме, свет с Востока» (с. 281). А. С. Изгоев фактически ведёт в своей статье торг с большевиками о создании коалиционной власти с привлечением просоциалистически настроенной интеллигенции, тактически не согласной с ними. В статье С. А. Аскольдова превращение революции в диктатуру обосновывается как органический и закономерный, а, следовательно, исторически оправданный процесс. Несмотря на то, что в феврале 1918 года в Киеве неизвестными солдатами и матросами прямо у стен Киево-Печерской Лавры был расстрелян митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский), и, таким образом, гонения на Церковь уже начались, Аскольдов посчитал для себя возможным выдвинуть в такой момент обвинения в адрес предреволюционной Русской Церкви, инкриминировав ей бездействие, что способствовало апологии революционного радикализма.

Да и сам организатор сборника, а впоследствии непримиримый деятель белого движения, П. Б. Струве продемонстрировал в своей статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» «несомненно, притворное, подполь-

ное, но публично вполне ясное, однозначное смирение перед политической диктатурой большевиков, претендуя лишь на её исподвольное перерождение» (с. 282). В этой статье он поместил события 1917 года в контекст «смутного времени» XVII века и изложил свою программу, в которой провозглашал (вполне лояльно в отношении большевистского «Декрета о земле») необходимость утверждения массовой крестьянской собственности и буржуазной свободы хозяйственной жизни, резко отрицая при этом большевистские утопии коммунизма и мировой революции. Как отмечает М. А. Колеров, тон статьи был в целом примирительным, и эта примирительность объяснялась убежденностью П. Б. Струве в недопустимости возобновления Гражданской войны, в которой должна была быть поставлена точка, хотя бы ради внешней безопасности России. Он призывал узурпировавших власть большевиков к внутреннему гражданскому миру ради внеклассового и внеполитического созидания нации. Эта иллюзия возможности гражданского мира, предопределившая примирительную тональность статьи Струве (и не только его), опиралась «на смену политики большевиков весной 1918 года, перешедших от планов прямого коммунистического управления к более компромиссным методам, что получило своё яркое выражение в известной статье Ленина “Очередные задачи советской власти” (март-апрель 1918)» (с. 287).

Примирительное отношение к политической диктатуре большевиков весьма ощутимо и в диалогах «На пиру богов», написанных для сборника «Из глубины С. Н. Булгаковым. В диалогах С. Н. Булгакова (где он вкладывает свои мысли в уста «Светского богослова» и отчасти «Беженца») прослеживается «церковно-центрический» взгляд на происходящие в России революционные события, более характерный для него, чем для других авторов сборника. Он меряет русскую историческую катастрофу церковными мерками, в связи с чем текущая политическая турбулентность, крушение самодержавия, диктатура большевиков и т. п. события рассматриваются им как периферийные по отношению к церковной жизни, не затрагивающие её сердцевины. Именно в Русской Церкви, сбросившей ярмо цезарепапизма и прошедшей через Поместный Собор, восстановившей патриаршество, зревают, по мнению С. Н. Булгакова, предпосылки восстановления государства, возрождения народного хозяйства и культурной жизни России, даже без прямого свержения большевиков.

Политически примирительный тон статей, вошедших в сборник «Из глубины», сам его организатор П. Б. Струве (как отмечает М. А. Колеров, ссылаясь на его воспоминания) позднее объяснял тем, что все русские государственники (в том числе и левого спектра) в начале 1918 году «жили в иллюзии, что русская государственность несокрушима, жили в этой иллюзии даже тогда, когда уже явственно появилось чудовище большевизма, думая, что это чудовище есть не реальная историческая сила, а случайное “наваждение”, которое само перейдёт и пройдёт» (с. 287). Этот тон оказался неуместным в условиях резко изменившегося в июле-августе 1918 года общественно-политического контекста. Подавление большевиками мятежа левых эсеров, убийство посла Германии Мирбаха и неудачное покушение на Ленина запустили маховик «красного террора». После этих событий издание сборника «Из глубины» стало невозможным. М. А. Колеров полагает, что задержка выхода сборника в свет (он датирован августом 1918 года) произошла по вине П. Б. Струве, который злоупотребил властью организатора проекта и допечатал свою статью позже остальных (хотя сборник был готов уже в июне) (с. 288). В силу изменившихся политических обстоятельств сборник не получил никакого общественного резонанса: до 1921 года он пролежал на складе, затем самовольно распродался типографскими рабочими, но был изъят властями из обращения и был переиздан только в 1967 году в Париже с единственного экземпляра, вывезенного из России Н. А. Бердяевым.

Стремительное крушение русской государственности, казавшейся незыблемой исторической константой, и погружение России в хаос Гражданской войны заставили все национально ответственные силы, включая и интеллигенцию, изменить свое отношение к ней. Люди, ещё десятилетие назад направлявшие свои усилия на борьбу с самодержавием, теперь, ощутив весь ужас вакуума власти, Гражданской войны и фрагментации России, были готовы признать ценность любого государства, предпочтя его хаосу «войны всех против всех». «Государственность, государственная мощь, перед которой должны были смириться и прекратить раздоры все национально ответственные силы, становились в центр и сугубо церковных поисков авторов сборника, — пишет М. А. Колеров. — В качестве формы консолидации тех, кто готовился выживать в условиях большевистской диктатуры, рассматривалось церковное братство» (с. 292).

Таким образом, бывшие антимонархисты и противники авторитаризма, почувствовав горький привкус вакуума власти и хаоса Гражданской войны, в 1918 году уже были готовы смириться перед любым государством и сосуществовать с ним. Предощущая, что это «любое государство» будет, скорее всего, более авторитарным и свирепым, чем поваленная только что царская власть, авторы «Вех», «Из глубины» и их единомышленники пытались нащупать некую форму самоорганизации русской интеллигенции, которая позволила бы ей самосохраниться в качестве независимого и активного «генератора» общественного самосознания и субъекта социального действия. Более того, над инициаторами духовного сопротивления диктатуре довели исторические параллели с опытом русской смуты XVII века, когда внегосударственная воля русского народа, объединённого вокруг Православной Церкви, позволила выдвинуть из исторического тела Руси элементы чужеродной государственности, насаждаемые интервентами, и воссоздать снизу централизованную русскую государственность. Исходя из этих задач, ими и было задумано церковное Братство св. Софии, весьма жестко структурированное по принципу католического ордена или масонской ложи. Как отмечает М. А. Колеров, в окончательном тексте устава, принятом уже в 1923 году в эмиграции, ссылки на орденские градации Братства были удалены (вероятно, под давлением критики со стороны евразийцев, обвинявших «братчиков» в копировании католических образцов), однако из преамбулы следовало, что в 1918 году орденский замысел Братства был одобрен церковным священноначалием — Патриархом Тихоном и митрополитом Петроградским Вениамином (с. 296).

Умные «задним числом», мы всё же позволим себе заметить то, о чём, конечно, не могли знать инициаторы сборника «Из Глубины» и Братства св. Софии в 1918 году: они недооценили «звериный» инстинкт власти создателей большевистского государства, готовых бороться за власть до последнего его гражданина. Они недооценили претензии большевиков на тотальный контроль над всеми сферами общественной деятельности граждан, включая и их религиозную жизнь. Они и не предполагали тогда, что новое государство никому не собиралось предоставлять возможность самоорганизоваться, тем более вокруг Церкви, которая в силу своей мировоззренческой несовместимости с агрессивным материалистическим большевизмом и своей независимости рассматривалась как прямо враждебный государству институт. Государство дикта-

туры пролетариата ревностно следило за тем, чтобы нигде в обществе не возникало альтернативных ему центров влияния и потенциальных очагов противостояния. Любая «самоорганизация народа», кроме компартийной, либо осуществлялась под контролем «партии и государства», либо объявлялась вне закона. Ответом этого государства на любую попытку несанкционированной самоорганизации кого бы то ни было являлся расстрел или, в лучшем случае, высылка за границу на «философском пароходе».

Обращает на себя внимание смыслоёмкое резюме М. А. Колерова, в котором он оценивает перспективу дальнейшего исторического бытия русской интеллигенции, как она виделась в 1918 году авторам сборника «Из глубины» и создателям Братства св. Софии: «Была ли церковная орденская перспектива выживания антисоветской интеллигенции в братстве перспективой открытой антибольшевистской борьбы? Нет. Была ли проповедь “Из глубины” о культурном пересоздании государства проповедью даже цензурно затушёванной вооружённой борьбы против большевизма? Нет. Это была перспектива подполья. И весной-летом круг социал-либеральных врагов большевизма, (...) несомненно, готов был остаться в подполье, во внешней, легальной части своей жизни оставаясь неполитическими культурными деятелями, если бы не началась Гражданская война. Но Гражданская война началась — и подпольно-культурные намерения были отброшены» (с. 298–299).

Не менее ёмкими представляются нам и обобщения, содержащиеся во вводной статье М. А. Колерова «Введение. Два политических идеализма и Новое Средневековье». В ней автор заявляет, что стержневая для русской либеральной интеллигенции начала XX века идея максимально широкого общественного единства, направленного против самодержавия, за полтора десятка плотно насыщенных политическими событиями лет «сменила позвоночник и кожу», перестав быть освободительной (с. 9). В условиях государственных переворотов 1917 года, политического хаоса и Гражданской войны произошла переоценка русской интеллигенцией государства, которое стало рассматриваться в качестве института абсолютно необходимого для защиты национальных интересов и единственной альтернативы разрухи и беспорядка. «Таков был круг русского политического идеализма — от проекта общенациональной идеалистической революции до согласия на орден узкого круга идеалистов вокруг диктатора или монарха. Это и было добровольным погружением в Новое Средневековье» (с. 14), —

отмечает, суммируя «приобретения и потери идеократического взрыва» начала XX века, М. А. Колеров.

Завершая обзор чрезвычайно интересной книги М. А. Колерова, которая, вне сомнения, не оставит равнодушной читателя и заставит перечитать тексты С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, П. Б. Струве, М. О. Гершензона и других авторов, опубликованные в начале XX века в идейных сборниках «веховской» традиции, хочется поделиться теми вопросами, которые оформились во время чтения «Манифестов политического идеализма». В чём причина неуспеха проповеди авторов «Проблем идеализма» и «Вех», обращенной к русскому обществу? Почему их призывы остались не услышанными? Почему идеи этих нравственно и интеллектуально честных людей так и не удалось «конвертировать» в политический результат, в отличие от марксистской, вульгарно-материалистической редакции социализма или от его национал-социалистической версии в Европе? Почему идеи С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, Н. А. Бердяева и других авторов этих сборников не попали в резонанс с эпохой пробуждения масс и, вызвав негативную реакцию в интеллигентской среде, так и не оказались в фокусе внимания широких общественных слоёв, почему не они стали идейным «ферментом» политической эмансипации народа? Приглашая читателей книги М. А. Колерова к дискуссии по этим вопросам, хочется высказать и свои мысли по этому поводу.

Думается, главная причина неуспеха одарёнейших авторов «веховских» сборников состояла в том, что эпоха «восстания масс», в которую им довелось жить и творить, имеет свою железную логику и свой, достаточно узкий, диапазон идей, доступный для восприятия и рецепции широкой аудиторией. Они вошли в реку истории в период, когда и Европа, и, в меньшей степени, Россия как особые культурно-исторические миры уже прошли высшую точку своего развития, вступив в стадию инволюции. К. Н. Леонтьев называл её стадией «вторичного упростительного смещения», в то время как испанский философ Х. Ортега-и-Гассет характеризовал её как эпоху «восстания масс» или «вертикального нашествия варваров». Этот этап, начавшийся ещё до рождения авторов идейных сборников «веховской» традиции, продолжается по сей день: точка ещё не поставлена. Он предполагает не только длинную череду народ-

ных восстаний против социальных иерархий (монархической и церковной властей, крупной земельной собственности и т. п.), но и перманентное культурное восстание «человека массы» против теоцентрической вертикали смыслов, ожесточённую борьбу за упрощение мировоззренческой панорамы бытия посредством вынесения за её скобки краеугольных христианских понятий — Бог, грех, Спасение, благодать и других. В результате изъятия из культуры теоцентрического стержня происходит её «уплощение». Эрозия культуры развивается постепенно, проходя разные стадии. Просвещение, романтизм, либерализм, материализм и, наконец, постмодернизм — лишь станции, которые неизбежно проходит поезд клонящейся к закату культуры. И даже описанный в «Вехах» и в книге М. А. Колерова конфликт поколений в революционно-либеральной среде, когда каждое последующее поколение безжалостно умножает на ноль наследие предыдущего — то, чем жили и за что умирали их предшественники, есть лишь один из признаков этой болезни цивилизации.

Так случилось, что личная духовная эволюция наиболее ярких авторов «веховской» традиции — С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. Б. Струве, С. Л. Франка, П. И. Новгородцева и других шла вразрез с этой общей тенденцией цивилизационной инволюции. Не желая поддаваться миметическому гипнозу скоротечных идейных мод, деспотически повелевающих умами целых поколений, эти люди не боялись задавать себе глубокие и неудобные вопросы и самостоятельно искать ответы на них, подвергая безжалостной переоценке многие догмы, которые они исповедывали в начале своего жизненного пути. Так, в сборнике «Проблемы идеализма» они выступили против низкого материалистического «потолка» социалистического учения в его русских изводах, попытавшись соединить социализм с идеалистической философской традицией. Затем, пережив опыт революции 1905–1907 годов и остро ощутив, что духовно больная революционная интеллигенция неумолимо влечёт народ к новой смуте, эти мужественные мыслители попытались стать поперёк быстро набирающей силу радикально-социалистической тенденции, транслировав через сборник «Вехи» свой бесценный духовный и интеллектуальный опыт образованным слоям русского общества. Понимая, что именно интеллигенция выступает катализатором зарождающейся смуты, они поставили нелицеприятный диагноз её духовно-культурной немощи и оказались «пророками без чести» в своём Отечестве, в особенности — в своей социальной среде. Народ, традиционно верующий, в силу обычая, предпочитал

С. Н. Булгакову Георгия Гапона и Илиодора. А народ «культурно продвинутой» — материалистически-марксистский извод социалистического учения, вскоре воплощённого большевиками в грандиозном проекте тотального переустройства исторической России.

В «Манифестах политического идеализма» М. А. Колеров не раз делает акцент на том, что глубоко продуманные и теоретически обоснованные идеи авторов «веховских» сборников не вмещались в слишком «тесные» головы их соратников — революционных и партийных активистов, над которыми всегда довлела практическая целесообразность, классовая и партийная. Это объяснялось тем, что события в России разворачивались в ускоренном темпе, индустриализация проходила быстро, население мигрировало в большие города, проходило фабричный вышкоч, осваивая «матчасть» индустриальной цивилизации (в том числе, автомобиль, современные средства связи, пулемёт «Максим», винтовку Мосина и т. д.). Разжигаемые революционной пропагандой, подхлещываемые нерешённостью земельного вопроса, нищетой и, в особенности, затянувшейся войной, массы стремительно теряли меру в своих притязаниях, причём теряли её гораздо быстрее, чем окультуривались. Высокие и сложные идеи, которые проповедывали авторы «Проблем идеализма» и «Вех», никак не укладывались в очень маленькие, но гордо посаженные головы выходцев из разночинцев. Дети учителей и священников, торговцев и кухарок, рабочих и крестьян, научившиеся грамоте и освоившие «матчасть», внезапно ощутили в себе силу, став победителями грозных монархий, подобно Ленину, Сталину и Пилсудскому, или героями Первой мировой войны, подобно Гитлеру, Муссолини и Ататюрку. Все они (как и указывали авторы «Вех») боролись за счастье своего народа и «честно» выступали против несправедливости, которую каждый понимал по-своему. Ленин и Сталин делали упор на ниспровержении несправедливости социального строя, в то время как Гитлер, Муссолини и Ататюрк поднимали свои народы против несправедливости Версальского договора. Эти победившие на краткий исторический миг герои (а культ героев входил в идеологическую программу интеллигенции в качестве обязательного звена) были наделены исключительным инстинктом власти и все они были необычайно талантливы «вширь», но «без царя в голове»: они не чувствовали, что ходят под Богом, и на «свято место» ставили самих себя. Расцеркованные, раскультуренные массы радостно принимали их в этом самозванном сакральном статусе.

Ранее мы уже акцентировали внимание на том, что авторы «Вех» говорили о мировоззренческих изъянах интеллигенции, о её полупустоте. Самым страшным в этом диагнозе было то, что смысловые лакуны находились в самой сердцевине интеллигентского самосознания: они зияли там, где веками в душе человеческой сиял Свет Христов. Согласно Евангелию, это место в человеческой душе не пустует: рано или поздно в него вселяются бесы. В диалогах «На пиру богов», написанных для сборника «Из глубины», С. Н. Булгаков устами одного из персонажей — «Общественного деятеля», говорит о том, что народ уподобился стаду одержимых бесами гадаринских свиней, как известно из евангельского повествования, ринувшихся с крутизны в море и в нём утонувших. Вначале эти бесы революции овладели полуобразованным и расцерковлённым интеллигентским сословием, представители которого конвертировали свою энергию в программу разрушения исторической России — во всем понятные и привлекательные лозунги типа «Долой самодержавие!», «Мир — народам!», «Земля — крестьянам!». А затем народ обоготворил героев и вождей, надевших на него «железную смирительную рубашку» диктатур, в условиях которых он долгие годы боялся шелохнуться в социальном, политическом и религиозном плане.

Не услышавшая «веховские» голоса, в чём-то пророческие, ставшая «капсюлем-детонатором» трёх русских революций, их интеллигентская элита, сама того не ведая, подготовила и свою трагедию. Её представители пали жертвами «красного террора», строили Беломорканал, прошли через ГУЛАГ, были расстреляны в 1937–1939 годах. Это была страшная школа отрезвления от дионисийского опьянения революцией, хорошо описанная Б. А. Пастернаком в романе «Доктор Живаго». Многие из них физически погибли, но не безвинно: бумеранг ложных идеалов, безоглядно брошенный ими в народ и повергнувший его в «праздник непослушания», вернулся к ним в виде коммунистической диктатуры и погубил их, заставив таким образом расплатиться за свои столь фанатично исповедуемые заблуждения.

После 1937 года русская интеллигенция (в её классическом. «веховском» понимании) сходит с исторической арены, вытесняемая слоем неплохо, но узко образованных исполнителей, названных А. И. Солженицыным словом «образованщина». Непокойная эпоха 1930-х годов предьявляла спрос именно на таких людей. Наростающее предгрозы новой мировой войны, ситуативные со-

языз всех со всеми против кого-то диктовали новый, гораздо более прагматичный, чем в 1900-е годы дискурс, где главную роль играли уже не столько идеи, сколько интересы — экономические, военно-стратегические, геополитические. В то же время идеи, утратив свою самооценку, все больше превращались в культурный «фиговый листок», необходимый для того, чтобы прикрыть срамоту циничных голых расчётов и ситуативных договоров, за которыми уже не стояло никакой религиозной, культурной и исторической традиции. Культура мысли, всё чаще опускаясь до уровня обслуживания сиюминутных политических интересов, стремительно вырожда-лась в идеологию, и находились образованные люди, готовые за хо-рошую заработную плату и «социальный пакет», предоставляемые государством, транслировать её в массы. С виду эти люди пытались копировать старую революционную гвардию, однако в массе своей они были образованными сытыми циниками с партбилетами в кар-манах. Это были не герои, а приспособленцы. В отличие от той ин-теллигенции, к которой обращались авторы «Вех», у большинства из них не было идей, за которые они были бы готовы положить жи-знь. Тот героизм, которому С. Н. Булгаков в «Вехах» противопостав-лял христианское подвижничество, был не про них.

После смерти И. В. Сталина циничный прагматизм стремитель-но нарастал в номенклатурной среде. В конце концов эти люди по-хоронили СССР, КПСС и на обломках советской империи стали ревностно отстраивать точечные оазисы «рая в отдельно взятой семье». На окраинах бывшего СССР всё это прикрывалось на-ционалистическими, русофобскими лозунгами, которые бывшие аппаратчики, «красные» директора и интеллигенция «новой во-лны» щедро скармливали нищающему и тупеющему, обезкульту-ривающемуся народу, превращающемуся в толпу. Сейчас на «пе-риферии» бывшего СССР уже и «образованщина» в дефиците: профессионалы бегут из несостоявшихся государств-лимитрофов, стараются перебраться в страны ЕС, кажущиеся более стабильны-ми и сытыми. Бегут все, кто способен работать, — от квалифици-рованного айтишника до профессионального строителя и медсе-стры, не говоря уже о талантливых студентах. У этих людей «Ве-хи» уже не вызвали бы возмущения, они просто не поняли бы, о чём там идёт речь, что обличали авторы сборника, на какие про-блемы указывали. Всё это не волнует пришедший на смену интел-лигенции «креативный класс». Раскультуренными массами вир-туозно рулят «слепые вожди слепых».

Означает ли это, что проповедь авторов идейных сборников начала XX века была тщетной? Немногим, ещё сохранившим способность думать и оценивать происходящее, меряя его христианской «меркой», она представляется крайне важным свидетельством не только того времени. Горстка мыслящих людей, отказавшихся сдавать наивысшие, заповеданные Христом Спасителем на все времена богочеловеческие горизонты мирозерцания, воспротивилась набирающей силу гравитации атеизма и культурного упрощения, пригнувшей интеллигенцию к земле, заставившей многих из её рядов отказаться от перпендикулярного миру измерения Истины и жить лишь в параллельных земле измерениях пользы и справедливости. В условиях кренящейся к закату культуры они не могли стать кумирами толпы, мегазвёздами, как в своё время Ленин, Муссолини, Сталин, Гитлер и им подобные. Последние, живя в эпоху «восстания масс», ни во что не ставящих интеллект и поклоняющихся лишь грубой силе, хорошо понимали, в какие лозунги необходимо было упаковывать свою необузданную жажду власти, чтобы восставшая толпа вручила её им, позволив повелевать собой.

Но задача «веховцев» была иной: она состояла в том, чтобы свидетельствовать об Истине, либо указывать на отклонения от Неё, быть личностными островами Истины в беснующейся толпе, людьми, бросающими с тонущего корабля культуры послание для тех немногих, кто выполнят ту же работу для других поколений. Смысл этого подвига — являть альтернативу лжи, так часто торжествующей в истории.

Читатель книги М. А. Колерова, разбивающей кромку непонимания вокруг сборников «веховской» традиции, актуализирующей их идеи в современном дискурсе, приглашается к диалогу с ними на высокой смысловой ноте. Задача состоит в том, чтобы длить этот разговор вопреки рассеивающему нас хаосу исторических обстоятельств. Только благодаря этим усилиям история не схлопывается до дешёвых постановок политехнологов, продолжает быть территорией, на которой сохраняется возможность встречи человека с Воплотившимся Богом.

Е. А. Руденко, Е. А. Терентьева¹

Джерми Скейхилл. *Blackwater*. Самая могущественная наемная армия в мире / Пер. А. Ю. Колгашкина. М., 2015

В рамках серии «Реальная политика» вниманию русскоязычного представляется книга американского журналиста-расследователя Джерми Скейхилла о печально известной частной военной компании *Blackwater*. Написанная и изданная в 2007 году, до российского читателя книга добралась лишь спустя 8 лет. Однако это нисколько не уменьшает ее злободневность.

Автор книги был репортёром американской теле- и радиопередачи “*Democracy now!*”. В 1999 году Скейхилл освещал конфликт в Косово, делая прямые репортажи из Белграда и Косово, а в период с 2001 по 2003 год вёл репортажи из Багдада для той же передачи. Также он писал заметки и статьи для *The Times*, *The Sunday Telegraph*, *BBC*, *The Independent*, *The Guardian* и других крупных западных изданий. Когда началось вторжение в Ирак, Скейхилл стал часто появляться в программе «Демократия сейчас!».

В своих статьях и выступлениях он резко критиковал частных военных подрядчиков, в частности *Blackwater* (2009–2011 — *Хе сервисес*; ныне *Academi*). Скейхилл является членом организации *Хе Уотч*, созданной группой энтузиастов с целью мониторинга деятельности вышеупомянутой ЧВК. Наконец, в 2014 году Скейхилл

¹ Е. А. Руденко — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича; Е. А. Терентьева — кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и регионоведения, Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

совместно с несколькими коллегами из числа журналистов основал независимое новостное агентство *The Intercept*, финансируемое соучредителем *eBay* — Пьером Омидьяром.

Как и все книги серии, «*Blackwater*. Самая могущественная наемная армия в мире» предваряется несколькими краткими отрывками и предисловием директора организации-инициатора публикации — ИНВИССИН, которое вписывает работу Скейхилла в современный на момент издания международно-политический контекст. В аннотации к книге упоминается присутствие и участие анализируемой ЧВК в конфликте 2014 года на Украине. Книга была написана за 7 лет до украинских событий, в то время, когда информационное поле американских СМИ было сосредоточено вокруг одиозного случая убийства нескольких мирных граждан Ирака бойцами *Blackwater* на площади Нисур, а затем расследованием и несколькими судебными процессами. Следует отметить, что слово «Украина» в книге встречается лишь дважды: первый раз — непосредственно в самой аннотации; второй — при перечислении стран-членов ГУАМ (при этом речь идет об Азербайджане). Тем не менее, анализируемая проблематика позволяет без затруднений вписать труд 2007 года в современные события. Читатель и сегодня, спустя семь лет после публикации уже русского перевода книги, сможет углубить и сделать более многомерным своё представление о текущих международно-политических процессах.

В книге упоминается о финансируемом США строительстве трубопровода «Белый поток», который должен был пролегать по территории блока ГУАМ и стал бы альтернативным газопроводом в Евросоюз, в обход России, что, несомненно, ставило под угрозу стратегические и экономические интересы последней. А для защиты проекта и подготовке локального охранного контингента, американцы вновь обращаются к частному подрядчику, присутствие которого не даст Москве поводов для обвинений.

Композиционное решение книги представляется весьма удачным: сперва Скейхилл подробно останавливается на инциденте на площади Нисур, а затем излагает ход судебных процессов Конгресса США над главой *Blackwater*, Эриком Принсом — которые, впрочем, оказались безрезультатными.

Особое внимание автор уделит событиям 2005 года. Тогда, после привлечения правительством ЧВК к устранению последствий урагана Катрина разразился скандал, когда компания выставила счет. Далее он останавливается на действиях *Blackwater* в Багда-

де и Эль-Фаллуджа; подробно рассказывает о том, как компания старательно пыталась обелить себя, прибегая к различным рекламным акциям и даже ребрендингу. Наконец, Скейхилл переходит к итоговым выводам, завершая свою работу рассуждениями о том, почему участие в конфликтах частных подрядчиков пагубно сказывается на восстановлении отношений между сторонами после его окончания, и о том, почему преступные действия наемников остаются без должного наказания.

Книга на момент своего выхода вызвала огромный резонанс. Во многом именно она подтолкнула Конгресс провести доскопальное расследование о правомерности действий *Blackwater*. Для многих читателей из остального мира работа Скейхилла стала шокирующим в своей прямоте открытием, описывающим мир контрактных войн, привилегии частных военных подрядчиков, а также снисходительность — или же нарочитую слепоту — по отношению к совершаемым ими военным преступлениям.

Если у гипотетического читателя и существовал романтизированный образ солдата-наёмника западных ЧВК, то после прочтения этой книги ему (читателю) будет о чём подумать, особенно в вопросе расстановки своих приоритетов.

Л. И. Владимирова, Е. А. Терентьева¹

Э. Блант. Теории искусства в Италии. 1450–1600 /
Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина под ред. Е. В. Гориной.
М., 2016

Предлагаемая книга привлекает внимание читателя в первую очередь своим названием: солидное заявление об исследовании теорий в итальянском искусстве за указанный период, да ещё вышедшем в 1940 году, но впервые переведенном на русский язык в середине 2010-х годов. При этом публикация обобщающего и абсолютно, на первый взгляд, искусствоведческого труда Энтони Бланта в серии «Реальная политика» представляется вполне оправданным сразу по двум причинам: первая — идейно-содержательная основа произведения, вторая — личность его автора.

Как известно, в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени были заложены фундаментальные основы той цивилизации, которую мы сегодня называем западной. Прекраснодушные гуманистические идеи Эразма Роттердамского и циничный политический рационализм Макиавелли и кардинала Ришелье — с одной стороны, и рождение нового искусства и новой науки, тесно связанных с социально-политической реальностью, с другой — всё это явления рассматриваемой эпохи. В своей работе «Теории искусства» Блант целиком сосредотачивается на зависимости изобразительного искусства от изменения поли-

¹ Л. И. Владимирова — искусствовед, Научная библиотека Государственного Русского Музея; Е. А. Терентьева — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.

тической обстановки того времени. Интерес автора к политической стороне вопроса объясняется тем, что он был членом так называемой «Кембриджской пятерки», которую позднее Аллен Даллес назовет «самой сильной разведывательной группой времен Второй мировой войны». Примечательно, что решение работать на Советский Союз, противостоявший нацистской Германии, принял британский аристократ, занимавшийся исследованием итальянского искусства эпохи Возрождения. Вдвойне примечательно, что он принял это решение, чувствуя неразрывную связь с историей развития гуманистических ценностей в западной культуре.

Его относительно небольшая по объему работа разделена на девять глав, причем композиционное деление решено весьма интегрально: главы, посвященные творчеству отдельных деятелей Возрождения, перемежаются главами-очерками о положении художника в ренессансной Италии и роли религиозного фактора в развитии изобразительного искусства.

Уделив значительное внимание трактату Альберти, в остальных главах автор рассматривает творчество трёх гигантов Возрождения: Леонардо, Рафаэля и Микеланджело. В книге Э. Бланта прекрасно сопоставлены фрески Микеланджело «Сотворение Адама» и «Страшный суд», и это сопоставление, на наш взгляд, можно было бы опубликовать отдельной работой.

Хотя это и общеизвестно, но для связного рассказа, на наш взгляд, не помешало бы повторить, что художники эпохи Ренессанса обозначили смену парадигмы. Человек для них был не мелкой пылинкой, которая своей земной жизнью готовится к последующему бытию, а значит должна вести скромный и аскетичный быт, нисколько не покушаясь на религиозный, мировоззренческий и интеллектуальный диктат церкви. Напротив, деятели эпохи Возрождения вдохновлялись, в первую очередь, идеями веры в человека и его разум. И утрата этой веры в первую очередь, осложнённая изменяющейся в это время политической обстановкой, приводит к изменению эстетических идеалов.

Безусловно, во все времена художник при выполнении своих работ связан с заказчиком, в первую очередь, а затем уже сложившейся обстановкой. Автор уделяет много внимания, по сравнению с остальным материалом, периоду Контрреформации. Не умаляя ее значения для жизни того времени, включая и искусство, отметим также и роль политического фактора на художественное ис-

кусство. Ведь каждый князь заказывал художникам многочислен-
ные триумфы и аллегории, прославляющие его правление. Под-
рыв католических устоев накладывает на общество того времени
рефлексию, которая сказывается и в искусстве, и прежде всего ре-
лигиозном, которое становится догматичным и сдержанным в пе-
редаче тем.

Превалирование политического аспекта в рассматриваемой ра-
боте объясняется личностью автора, а также временем написания.
Это тридцатые годы двадцатого столетия. В тот период в Герма-
нии нацисты проводят выставку «Дегенеративное искусство»,
где политические амбиции рейха не совпадают с художественны-
ми задачами искусства. Для нацистов это означает, что художе-
ственные произведения и их создатели должны быть уничтожены.
Автор книги — яростный противник гитлеризма, и его неприятие
нацистского диктата в искусстве наглядно проступает в рецензи-
руемой книге.

В связи с этим нам кажется очень мягкой оценка Блантом дея-
тельности Савонаролы, обоснованная тем, что последний не был
против искусства в целом. Бланту можно возразить, что Савонаро-
ла был противником искусства, которое не отвечало его аскетиче-
ским требованиям, категорически не принимая манеру изображе-
ния и темы в современном ему итальянском искусстве. И именно
в результате деятельности Савонаролы мы понесли невосполни-
мые потери памятников античной мысли и неведомого числа со-
жжённых работ, включая Боттичелли.

Книга Э. Бланта, несмотря на то, что ей без малого сто лет, оста-
ется актуальной. Современные националисты и религиозные фа-
натики тоже выступают против искусства. Они яростно уничто-
жают те произведения, которые идут вразрез с их радикальны-
ми идеями. Это и византийский памятник Софии Константино-
польской, наследие древней Пальмиры, Бамианские статуи Будды
и многие другие всемирно известные памятники культуры, погиб-
шие от рук исламистов.

Наконец, повторим, что данное издание привлекает и лично-
стью автора. Выходец из аристократической среды, близкой ко-
ролевскому дому, и агент советской разведки — казалось бы, не-
совместимые вещи. Одновременно Блант — известный историк
искусства и архитектуры, профессор Лондонского университета,
член Британской академии, создатель каталога королевской кар-
тинной галереи, хранителем которой он был более четверти века.

Несомненен его искусствоведческий багаж и прекрасный язык изложения, который сумел нам передать переводчик.

К настоящему времени опубликовано огромное количество трудов по истории итальянского искусства выдающихся исследователей в области искусствоведения и истории культуры, но труд Энтони Бланта по-прежнему занимает среди них достойное место. И нам хочется поздравить тех, кому ещё предстоит познакомиться с этим увлекательным и злободневным эссе. Ведь борьба гуманизма и антигуманности продолжается.

Д. В. Суржик¹

М. Ли. Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина под ред. Е. В. Гориной. М., 2017. (Серия «Реальная политика»)

Тем, кому сейчас десять, мы не нужны: ни мы, ни наши идеи; они не простят нам голода и бомбежек. А вот те, кто сейчас еще ничего не смыслит, будут рассказывать о нас легенды, а легенду надо подкармливать, надо создавать сказочников, которые переложат наши слова на иной лад, доступный людям через двадцать лет. Как только где-нибудь вместо слова «здравствуйте» произнесут «хайль» в чей-то персональный адрес — знайте, там нас ждут, от туда мы начнем свое великое возрождение!

Ю. Семенов «Семнадцать мгновений весны»

Распад Союза Советских Социалистических Республик стал не только геополитической катастрофой, но и привёл к пересмотру некоторых незыблемых идей. Если в советской системе ценностей фашизм, расизм, нацизм и любые другие проявления радикальных человеконенавистнических теорий считались абсолютным злом, то после падения СССР эти взгляды начали пересматриваться. Как и почему это стало возможным?

Ответить на этот вопрос помогает книга «Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов» американского исследователя Мартина Ли. Она

¹ Д. В. Суржик — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Новой и Новейшей истории Института всеобщей истории РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук.

раскрывает механизмы и персоналии тех, усилиями которых это «наследование» фашизма стало возможным.

Центральной фигурой в послевоенном воссоздании связей между различными эсэсовскими группировками была «связка» Отто Скорцени и Рейнгарда Гелена. После брака на племяннице Ялмара Шахта гитлеровский диверсант стал также «мостом» между двумя эсэсовскими подпольями: европейским и бежавшим в Латинскую Америку. Эта сеть вскоре после окончания Второй мировой войны оказалась востребованной для шпионажа против Советского Союза, террора против левых и просто независимых общественных деятелей в западноевропейских странах, а также для незаконной торговли оружием. Причём в последнюю был вовлечён ряд особо опасных военных преступников, включая «лионского мясника» Клауса Барбье (с. 69, 206).

В послевоенные годы происходила также легальная инфильтрация нацистов в органы власти Западной Германии, наглядным примером чего стал кабинет К. Аденауэра. На одной из первых встреч с советским министром иностранных дел В. М. Молотовым немецкий канцлер съязвил, что, в отличие от своего советского партнёра, он руки Гитлеру не пожимал. Молотов мог рассказать Аденауэру, насколько система ФРГ зиждется на кадрах и практиках рейха: власть канцлера держится на кулаках «Союза немецкой молодежи» (BDJ), набранного из вожаков «Гитлерюгенда» (с. 88), он пользуется аналитикой бывших подчинённых Риббентропа (с. 99) и шпионской сети БНД из бывших нацистских коллаборантов и военных преступников (например, К. Г. Кромиади)².

Вместе с легализацией бывших нацистов в Западной Европе развивалось сотрудничество американских расистов с недавними коллаборантами в США. Помощь в бегстве им оказывали местные диаспоры (во главе с С. Белосельским-Белозерским³, Л. Добрянски и др.). В этой связи показательно, что беглые преступники получали от ФБР и армейской контрразведки задания по «внутреннему шпионажу» за критиками американских военных интервенций (с. 191). Впрочем, правые радикалы нередко переходили от слежки к запугиваниям и насилию, почти как упомянутый «Союз немецкой молодежи».

² Суржик Д. В. Константин Кромиади: От карателя до начальника отдела кадров радио «Свободная Европа» // Исторический формат, 2020, № 4. С. 93–97.

³ См. Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); Санкт-Петербург (Россия), 2005. С. 50.

После провала многочисленных попыток в «свинцовые семидесятые» раскатать Европу террором «под чужими флагами», правые радикалы решили сменить тактику. Неофашисты середины 1970-х годов оказались более гибкими, чем их предшественники. Они взяли на вооружение идею «анти-атлантизма» и выхода Европы из НАТО — потому что США представляли для них победителя над фашизмом, а НАТО сковывало Европу в демократии, по карйней мере декларируемой. В этой связи, как отмечает автор книги, французские ультраправые Жан Тириар и Аллен де Бенуа не чурались использовать окружение Мао Цзэдуна и даже приветствовали национально-освободительную борьбу Вьетнама против американских агрессоров (с. 203, 227).

Имея опыт колониальных войн, неофашисты 1970-х годов сменили военный камуфляж и высокие ботинки на дорогие костюмы и псевдонаучные книги в дорогих обложках. Как показывает М. Ли, в ответ на борьбу чернокожих американцев за свои права в США и национально-освободительную борьбу в бывших европейских колониях нацистские сети расширили действия военизированных группировок и параллельно стали сочинять «философскую» основу в рамках «элитарных» интеллектуальных клубов.

Одним из «первопроходцев» здесь стал недавний официальный нацистский коллаборант Жан Тириар: он создал молодежно-террористическое движение «Молодая Европа», проповедовавшее идею «единой Европы» по образцу 1944 г. Тогда нацистскому руководству перед лицом очевидного краха требовалось хоть как-то удержать европейских националистов в своих рядах. Для этого Главное управление СС и секретариат «Гитлерюгенда» выдвинули идею европейской конфедерации националистических государств⁴. Собственно, так и произошло «признание» власовского «Комитета освобождения народов России» (КОНР). Таким же образом, указом из Берлина, Леон Дегрелль был назначен бельгийским «фольксфюрером». Эти заигрывания не спасли гитлеровский режим. Но они остались — уже в новой оболочке — популярным «анти-атлантическим» тезисом нового поколения европейских неофашистов, которых вдохновляли рассказы о «рыцарском ордена Ваффен-СС» Леона Дегреля, обосновавшегося во франкистской Испании (с. 223).

⁴ См. «Европейская конфедерация и планы СС». (Рецензия на книгу Ганса Вернера Нойлера «Европа и Третий рейх») // Элементы, 1995, № 6.

Фашисты второй половины 1970-х годов уже не подкладывают бомбы. Они хорошо усвоили советы Ивана Ильина, который ещё в 1952 г. написал: «Франко и Салазар [...] стараются избежать указанных ошибок. Они не называют своего режима «фашистским». Будем надеяться, что и русские патриоты продумают ошибки фашизма и национал-социализма до конца и не повторят их»⁵.

С конца 1970-х годов неофашисты стремятся откеститься от этого определения и сменили самоназвание на «новых правых». Не заявляя открыто о своём фашизме, они активно продвигают составные элементы фашистской идеологии и самих фашистских идеологов, и потому их называют криптофашистами. Основным инструментом пропаганды для них стала культура. В статье «Консервативная культурная революция» Ален де Бенуа, один из теоретиков «новых правых» откровенно написал: «Деятельность интеллектуалов способствует разъеданию сообщества, добавляя к внутренним недостаткам плюралистических режимов деятельность взрывных идеологий [...] власть вынуждена считаться с движителями общественного мнения и, соблазненная [...] талантами интеллигенции, часто сама открывает путь этому процессу замены ценностей, жертвой которого, она, в конце концов, и становится. Именно так, под влиянием культурной власти происходит низложение идеологического большинства»⁶. Логика «новых правых» такова: под обличьем «возвращения к истокам» и «правильного» понимания прошлого в массовое сознание внедряются элементы фашистской идеологии, а затем уже достаточно отравленное этими идеями общество само призовет фашистский режим. Этот метод они называют «метаполитикой».

Криптофашисты 1970-х гг. постарели (нередко — в тюрьмах) и сменили имидж на респектабельных «философов». В поисках «национальной идентичности» они обращаются к (читай: извращают) наследие Античности. Так, ещё в 1968 г. Аллен де Бенуа создал «Группу по изучению и исследованию европейской цивилизации» (*фр.* Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne, GRECE), объединившую «новых правых» (читай: неонацистов) из разных европейских стран. Аббревиатура этой группы, искусственно составленная как «ГРЕЦИЯ», неслучайна, и являет-

⁵ Ильин И. А. О фашизме // Ильин И. А. О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н. П. Полторацкого. М., 1993. С. 70 («Наши задачи», № 157 от 15 августа 1952 г.).

⁶ Де Бенуа А. Консервативная культурная революция // Евразийский союз молодежи (<http://rossia3.ru/politics/russia/conservativecul>).

сы «маркером» для других неонацистов. В застольных беседах Гитлер неоднократно называл древних греков германцами, а своё мировоззрение также лживо отождествлял с древнегреческим⁷. Под видом «исторических» и «культурологических» исследований представители группы переиздавали труды фашистских мыслителей 1920-х годов, а также, обращаясь к язычеству, навязывали ксенофобию и чувство национального превосходства как нормы жизни современного общества. Тем самым они заложили идейные основы французского «Национального фронта» (с. 229, 231).

Неофашистские «интеллектуальные клубы» пытались и пытаются проникнуть и в науку. В «историческом» методе Э. Нольте (раздувание «красной угрозы» для межвоенной Европы и сопоставление нацистского террора с репрессиями других авторитарных режимов) сложно не заметить переложенные на новый лад — для послевоенного поколения — тезисы геббельсовской пропаганды. Она буквально обрела «второе дыхание» в трудах целого ряда европейских ревизионистских «историков» — исследовательских структур тех лет (с. 242). В современной России проповедники евразийского «чёрного интернационала» также стремятся занять кафедры и даже директорские кабинеты весьма авторитетных образовательных и научных центров.

Фашизм сегодня — не уникальное явление какой-то отдельной страны. Современный фашизм отнюдь не ограничивается европейскими границами. Несмотря на внешний антиамериканизм и панъевропеизм, он имеет тесные связи через Атлантику, где поклонники Гитлера и Пиночета обосновались в крайне правом крыле Республиканской партии США⁸. По обе стороны Атлантического океана звучит антииммигрантская риторика и евгенические идеи, а люди другого цвета кожи и мигранты подвергаются унижениям и насилию (с. 366).

В ряде постсоветских стран бывшие нацистские коллаборационисты пользуются почестями на официальном уровне⁹. Есть рост-

⁷ См.: Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова / Общ. ред., вступ. статья и предисл. И. М. Фрадкина. Смоленск, 1993. С. 57, 65, 418. То же самоопределение Гитлера как «древнего грека» повторил бельгийский фашист Л. Дегрель в интервью российским adeptам фашизма (см. Последний фольксфюрер // Элементы, 2000, № 6).

⁸ См. подр. Bellant R. Old Nazis, the New Right, and the Republican Party. Boston: South End Press, 1991.

⁹ См., напр.: Дюков А. Р., Симиндей В. В. Палачи на пенсии. Нацистские преступники из Латвии на службе ЦРУ. Доклад фонда «Историческая память». М., 2021.

ки фашизма и в нашей стране. Они стали возможными в силу совместных усилий: доморожденных националистов и юдофобов — «снизу» и «русской партии» в руководстве КПСС — «сверху»¹⁰. Крах Советского Союза вызвал целую волну нацистской, неонацистски-ревизионистской и эмигрантско-антисоветской литературы, которая захлестнула Россию. Так, в 1993 г. «Воениздат» выпустил сборник статей Ивана Ильина, включающий процитированную ранее статью «О фашизме» с прямой апологией этого политического режима.

С националистами, вышедшими из подполья в нашей стране, сразу же установили контакты представители неонацистской немецкой Социал-имперской партии (с. 318), а также вернувшиеся диссиденты (например, Э. Лимонов). При этом М. Ли отмечает влияние упоминавшихся А. де Бенуа и Ж. Тириара на российских политиков Э. Лимонова и А. Дугина (с. 326). Таким образом, под «русскими названиями» национал-большевизма и евразийства в нашу страну внедрялись идеи европейских «новых правых». Под лживыми обещаниями «нового Рапалло» и «Европы от Лиссабона до Владивостока» в Россию имплантировались самые токсичные идеи европейской праворадикальной мысли. Их цель — превратить всю Европу и Россию в единую территорию фашизма, создать европейско-евразийскую конфедерацию националистических государств, о которой мечтал Дегрелль.

Сегодня в нашей стране «философы», продвигающие фашистский взгляд на мир, в интервью спокойно рассуждают о том, что смена политических режимов «лежит через кровь» и сожалеют, что им не удалось убить десятки миллионов коммунистов в начале 1990-х годов¹¹. Эти самозваные «евразийцы» несут в страну, победившую фашизм, идеи, возвращённые европейскими неонацистами. В условиях международной напряжённости вокруг России после 2014 года, их контакты с европейскими праворадикалами некоторым показались соблазнительными. Они дарили иллюзию, что наша страна не находится в международной изоляции. Но как быть с тем, что в Крым приезжают депутаты от партии, созданной ветеранами эсэсовской дивизии «Шарлемань»? Какой образ России в мире формирует такая неразборчивость в связях?

¹⁰ См. подр. Аврорин С. Д. «Чёрный интернационал» и его война против СССР. Часть I. (<https://blackintl.net>).

¹¹ Дугин А. Г. «Ла-ла-ла» (<https://youtu.be/pahuy5iidzy>).

Проявления фашизма после Второй мировой войны не случайны. Они, как показывает Мартин Ли, являются звеньями одной цепи транзита фашистской идеологии на протяжении XX века. Рассматриваемая книга на большом фактическом материале показывает, как военные преступники Второй мировой войны не просто избежали наказания, но стали инструментом холодной войны; они создали организации и вырастили политиков, продолжающих их идеи поныне. Уцелевшие фашисты всех мастей при поддержке западных спецслужб объединились «группы глубокого залегания», ставшие террористической основой построения НАТО и удержания новых государств в нем. Одновременно происходил процесс легализации фашистов и фашистской идеологии, которая привлекала в свои ряды молодёжь. Старые фашисты передавали молодой поросли свои ядовитые идеи в новых словесных оболочках. Ими было извращено понятие патриотизма, общим моментом стали их слова о кризисе современной культуры и демократической системы, выходом из которого, якобы, является «консервативная революция». Но что бы они ни говорили о «засилье Ротшильдов» или «духа Ханаана», за этими уловками без особых усилий просматривается антисемитизм. А если внимательно изучить, что они понимают под «консервативной революцией», то окажется, что это те же идеи, на которых в 1920-е годы вырос нацизм.

Сегодня в целом ряде европейских стран к власти пришли силы, не скрывающие свою «правую идеологию». Семена фашизма, использовавшегося как орудие против СССР в годы холодной войны, дают свои всходы уже в нашей стране. Борьба против фашизма — теперь уже в новом обличье («новых правых», «альт-правых», «идентаристов») — продолжается каждый день и зависит от каждого из нас.

«Люди, будьте бдительны!» — написал чешский журналист-антифашист Юлиус Фучик ещё в 1942 году. Сегодня эти слова не потеряли свою актуальность, и книга Мартина Ли — важнейший источник, позволяющий понять мимирию фашизма и его инфильтрацию в современную общественно-политическую жизнь. Понять и противостоять ей.

Д. Ю. Исповедников¹

Э. Ривера, М. Дэвис, Д. Буневич. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина; под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой. М., 2019

Опубликованный в 2019 г. Институтом внешнеполитических исследований и инициатив доклад российских и зарубежных учёных представляет собой краткое введение в историю развития ряда европейских ультраправых движений. За последние 20 лет они пережили подъём и по итогам выборов мая 2019 года в Европарламент сформировали относительно успешную фракцию «Идентичность и демократия». Тем не менее, по убеждению авторов доклада, произошедшие события реальную расстановку сил не изменили. Национал-популисты остались на обочине европейской политики и контакты с ними ничего полезного российской дипломатии не дадут.

Концептуально переговоры на этом фронте не только не служат межгосударственному сближению, но, напротив, данной цели мешают. Основная причина заключается в конъюнктурности европейских партий националистического толка. Конкретный диалог попросту невозможен. Большинство политических программ правого лагеря — и это чётко показано в докладе — симбиоз безнадёжно устаревающих радикальных идей, евроскептицизма и пустых рассуждений на актуальные темы.

Не является исключением и миграционная проблема, обострившаяся в 2015–2018 гг. Ее место в правой риторике обратно про-

¹ Д. Ю. Исповедников — кандидат исторических наук, председатель экспертного совета ГК «Аксиома».

порционально статусу и популярности партии в конкретной стране. Мусульманская/исламская угроза либо нагнетается за счёт запугивания и введения общества в заблуждение (Эстония), либо меркнет в сравнении с экологическим кризисом и влечёт угасание правого движения (Дания), либо остаётся вторичной в амбициозных программах более солидных националистов (Италия, Франция). Не принёс этот лозунг успеха и некогда популярным правым (Австрия, Германия).

Противопоставление «свой-чужой», игра на расовых предрасудках в условиях современной глобализации предсказуемо лишаются эффектности, хотя ещё способны впечатлять избирателей. Это очередное доказательство, что реальная политика сегодня сосредоточена в центре и избегает крайностей, а радикальный национализм и антимигрантские тезисы даже в странах, массово привлекающих иностранных граждан, не способствуют долгосрочной политической карьере.

Отголоски звучащих на западе правых теорий и фобий — о «великом замещении» коренного населения мигрантами, о завозе иностранной рабочей силы в интересах элит и их бизнеса, об антинациональном курсе миграционной политики — повторяются и в России. Градус этих заявлений особенно усилился в преддверии выборов в Госдуму РФ 17–19 сентября 2021 г. В этой связи возникает вопрос о влиянии европейских националистических идей на российских политиков, об их переосмыслении и использовании в информационных войнах, о последствиях состоявшихся встреч с представителями западных правых сил. Данные аспекты в докладе отражения не нашли.

Настоящее исследование наводит на размышления об организации правых движений и методах их борьбы за электорат. Оставаясь явлением преимущественно маргинальным, основная масса участников фракции «Идентичность и демократия» приспосабливалась к политическому ландшафту Евросоюза не только идейно, но и практически. В противостоянии с центристами рождался беспринципный паразитизм. С этой точки зрения буйный расцвет национализма самых постыдных форм в пространстве социальных сетей и декларируемое стремление наладить отношения с Россией можно рассматривать как отчаянные попытки вырваться из европейской консервации.

Таким было положение до распространения коронавируса. Правого поворота в ЕС не произошло. Однако пандемийные

ограничения, исказив привычные формы человеческой мобильности, ударили по экономике, а также нарушили структуру внешней и внутренней миграции. В результате, на протяжении 2020–2021 гг. проблема управления миграционными процессами, несомненно, стала первостепенной и в Европе, и в России.

В 2020 г. к «Идентичности и демократии» присоединилась Нидерландская Партия свободы (Partij voor de Vrijheid) с Гертом Вилдерсом во главе. Ухудшение экономических и миграционных проблем вполне может стать импульсом для дальнейшего укрепления и расширения позиций крайне правого лагеря, при условии, что в этой среде сумеют актуализировать популистские лозунги.

Вне зависимости от того, станет ли судьба европейских национал-популистов объектом нового доклада Института внешнеполитических исследований и инициатив о выборах в Европарламент 2024 г., тема уже сегодня заслуживает специального исследования. В свою очередь регулярная серия таких докладов, основанных на анализе зарубежной периодики и написанных живым языком, может внести важный вклад в развитие российской политической мысли.

Яна Ворожеина, Анатолий Курганский¹

М. Ларуэль, Э. Ривера. Концепция Междуморья:
от Пилсудского до Трампа / Пер. с англ.
А. Колгашкина. М., 2019 (Реальная политика)²

Аналитический доклад американских исследователей Марлен Ларуэль и Эллен Ривера посвящён роли Соединённых Штатов Америки, и в особенности ультраконсервативных военных стратегов в реализации антироссийской концепции Междуморья в регионе Центральной и Восточной Европы. Особое внимание авторов обращено к деятельности центров стратегического планирования США, способствующих продвижению концепции Междуморья.

Регион Центральной и Восточной Европы продолжает оставаться ареной столкновения геополитических интересов ряда государств. Активную роль на этом пространстве играют не только государства географически и историко-культурно связанные

¹ Я. А. Ворожеина — кандидат политических наук, заместитель проректора по научной работе — директор Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; А. А. Курганский — младший научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. А. А. Курганский участвовал в написании статьи в рамках реализации проекта РФФИ по программе «Аспиранты» № 20-39-90 011 «Эволюция концепции Междуморья во внешней политике Польши в межвоенный период».

² Публикация на языке оригинала: *Laruelle M., Rivera E. Imagined Geographies of Central and Eastern Europe: The Concept of Intermarium*. Washington: Institute for European, Russian, and Eurasian Studies (IERES), The George Washington University, 2019: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle-rivera-ieres_papers_march_2019_1.pdf.

с регионом, но и территориально отдалённые геополитические акторы, среди которых наиболее выделяются, безусловно, США. С окончанием полномочий президента США Дональда Трампа внимание Вашингтона к региону не уменьшается. В связи с этим представленный доклад обретает новое значение. Работа М. Ларуэль и Э. Риверы позволяет понять глубинные причины интересов США в рассматриваемом регионе. Более того доклад, исходя из расставленных в нем акцентов, мог бы получить и иное именование — «Концепция Междуморья во внешней политике США».

В российской исторической и политологической литературе традиционно концепция Междуморья XX и XXI в. считается сферой деятельности государственной власти и дипломатии различных стран, прежде всего Польши. Рецензируемая работа расширяет это представление, показывая роль националистических организаций, в том числе ультраправой направленности, в реализации концепции Междуморья на разных исторических этапах. Актуализация польской геополитической концепции Междуморья с 2015 г. после объявления о создании проекта Инициативы трёх морей (Триморья) при поддержке США дало новый толчок исследованию этой темы. Представленная аналитическая работа отражает многовекторность деятельности США по поддержке Междуморья/Триморья.

Авторы продемонстрировали высокую степень владения историческим материалом по теме эволюции международных отношений в Европе и внешней политики США. Особенно ценно, что основными источниками работы стали недавно рассекреченные документы американских специальных служб, частного разведывательного агентства Стратфор, опубликованные благодаря деятельности сайта Викиликс. Представленные документы, исторические свидетельства, биографические сведения деятелей националистических организаций позволяют проследить историческую преемственность в американской военно-политической стратегии в отношении реализации концепции Междуморья в регионе Центральной и Восточной Европы.

Польская геополитическая концепция Междуморья, автором которой являлся Юзеф Пилсудский, заинтересовала ведущие мировые державы ввиду аналогичных интересов по противодействию доминированию СССР/России и/или Германии в регионе Центральной и Восточной Европы. В разные эпохи эта идея получала поддержку со стороны США, Великобритании, Германии (про-

тив СССР). Авторы доклада выделяют шесть инициатив, направленных на реализацию концепции Междуморья при помощи западных держав. На каждом этапе были определённые группы или организации, которые получали содействие в создании блока, направленного прежде всего против СССР/России. Последняя инициатива связана с поддержкой США ультраправых и радикально националистических украинских организаций, среди которых последователи и сторонники реабилитации ОУН и УПА, дивизии СС «Галичина», «Правый сектор», батальон «Азов», политическая партия «Национальный корпус», движение «Реконкиста».

Учитывая сложный историко-политический контекст концепции Междуморья и различные её трактовки в мире, несомненным достижением аналитического доклада стала неангажированная позиция авторов, которые стремятся непредвзято рассмотреть связи консервативно настроенных американских элит с их идеологическими союзниками в Европе. Авторские оценки представляются в высокой степени корректными и взвешенными.

Из дискуссионных положений представленной работы можно выделить анализ деятельности ОУН/УПА как направленной на реализацию концепции Междуморья. Несмотря на упоминания в центрах стратегического планирования США этих организаций и их руководителей в связи с Междуморьем, учитывая антипольскую деятельность украинских националистических организаций в XX в. и лично Степана Бандеры, нам видятся откровенно спорными утверждения об их приверженности концепции Междуморья в классическом её понимании (как польской геополитической идеи регионального лидерства). На наш взгляд для того, чтобы аргументированно обосновать связь этих организаций и лично Бандеры с Междуморьем следует привлечь дополнительные источники личного происхождения (дневники, мемуары и т. д.) лидеров ОУН/УПА, а также официальные документы этих организаций.

Специалистами по теме Междуморья отмечается важная роль как Польши, так и Украины для политики США в этом направлении³. Однако, в аналитическом докладе остались не до конца раскрытыми положения о польско-украинских противоречиях в сфе-

³ Крашенинникова В. Ю. Возрождение Междуморья — американская игра против Евросоюза и России // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. М.: Кучково поле, 2020. С. 163–170.

ре исторической политики и исторической памяти, которые невозможно недооценивать, поскольку они способны сыграть существенную роль в реализации или очередном крахе концепции Междуморья через польско-украинское сближение или политические расхождения⁴.

Изложенное выше позволяет заключить, что доклад Марлен Ларуэль и Эллен Ривера «Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа» подготовлен на высоком научном и аналитическом уровне, представляет неподдельный интерес для специалистов по международным отношениям в регионе Центральной и Восточной Европы. Материал раскрывает множество нераспространенных ранее в научной литературе фактов истории Междуморья, позволяет глубже проанализировать и оценить масштаб геополитических устремлений США в поддержке концепции Междуморья. Рецензируемое исследование способствует расширению исследовательских горизонтов в таких сферах как российско-польско-украинские отношения и фактор США в европейской политике. Однако изменения международно-политической ситуации происходят очень быстро и необходимо учитывать, что ряд положений доклада в заключительной части требует актуализации и развития, в особенности это обусловлено приходом нового президента США Джозефа Байдена и отсутствием в настоящее время однозначной позиции Вашингтона в отношении Междуморья.

⁴ *Найчук А.* Влияние международных процессов на развитие социально-политической ситуации на Украине: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vliyanie-mezhdunarodnykh-protsessov-na-razvitie-sotsialno-po/?sphrase_id=35029586.

Андрей Правов

Неизвестный Филби / Пер. с англ. и болгар.

М. Ю. Богданова и Т. Бояджиева. М. : Издательство
«Кучково поле», 2020¹

Книга «Неизвестный Филби», вышедшая в издательстве «Куликово поле» является настоящей энциклопедией для читателя, интересующегося деталями жизни и работы легендарных разведчиков. Таких, каким, несомненно, являлся Ким Филби. Об этом англичанине, работавшим на советскую разведку, уже написаны сотни книг и исследований, сняты десятки художественных и документальных фильмов. Но особенность именно этой книги состоит в том, что она стала коллекцией редких материалов о личности Филби, многие из которых публикуются впервые.

В книгу вошли шесть уникальных текстов, принадлежащих как перу самого Филби, так и хорошо знавших его людей. В том числе это уникальные подробности оперативной деятельности и малоизвестные эпизоды жизненного пути разведчика. Читатель может найти в книге и ответы на вопросы, которые до сих пор относились к категории тех, отвечать на которые было не очень принято. Скорее ранее на них только намекали, но напрямую говорить на данные темы все же воздерживались — для этого очевидно существует уже специальная литература. Книга «Неизвестный Филби» срывает покрывало недосказанности с ряда не принятых до сих пор для обсуждения тем.

Итак, во-первых, что же это за профессия такая? Чем руководствуется разведчик? Какие личные жертвы приносит, согласившись на столь необычный жизненный путь?

¹ Андрей Правов — журналист АПН, ветеран боевых действий в Афганистане.

Вот несколько наставлений, которые, согласно книге, Ким Филби получил при общении с первым куратором, в двадцать с небольшим лет.

«Не думайте, что ваша жизнь будет состоять из одних головокружительных приключений...». «И не ожидайте, что вам когда-либо посчастливится сыграть большую роль в нашем закулисном деле. Такое может произойти, но, вероятнее всего, не произойдёт...». «Всеобъемлющая картина событий создаётся дома, в Центре, путём сведения воедино множества мельчайших кусочков информации. Эти кусочки поставляем мы, “оперативники”. Работа эта может быть не менее нудной, чем меры безопасности, о которых мы говорили. Она трудна и требует полной самоотдачи...».

«Но однажды, — подытоживает Филби этот список советов “Отто”, — вы можете обнаружить, что попали на что-то действительно важное. Передать такую информацию приятнее, чем... (собеседник долго подыскивал подходящее английское выражение), чем сорвать большой куш на бирже...»

Кто соглашался работать на советскую разведку? И почему? Чем руководствовались часто очень талантливые и образованные иностранцы? Идеиные соображения? Или возможно все же стремление «сорвать куш»?

На мой взгляд, одна из главных ценностей книги состоит в том, что она чётко позволяет читателю самому прочувствовать силу и ценность тех идей, которые вдохновляли его и лучших людей по всему миру в военные годы работать вместе с Советским Союзом.

«Солнечным июньским днём (1934 года. — А. П.), — рассказывает Филби в своей лекции для руководящего состава ПГУ (Первое главное управление КГБ, разведка. — А. П.) в 1977 году в Москве, — меня привели замысловатым обходным путём в один лондонский парк, где представили некоему человеку, — впоследствии я узнал, что он является нелегальным резидентом в Великобритании. Назовём его Арнольдом (советский разведчик Арнольд Дейч, которого Ким изначально знал как “Отто”. — А. П.). От него я услышал предложение, принятие которого и привело после многочисленных зигзагов и изломов судьбы к тому, что я стою здесь перед вами».

И далее, цитирую по книге: «У меня были официальные пропуски в штаб-квартиры семи ведущих спецслужб: четырёх британских — СИС, УСО, МИ-5 и Правительственной школы кодирова-

ния и шифрования; трёх американских — ЦРУ, ФБР и Агентства национальной безопасности. Теперь я могу сказать, что успешно проник в восьмую по счёту крупную разведывательную организацию. (По аудитории проносится гул замешательства, как будто в преддверии надвигающегося скандала. Филби делает ощутимую паузу, испытующе оглядывая напрягшийся зал.) Излишне говорить, что здесь я испытываю совершенно иные чувства. Там я находился в окружении волков; а здесь я знаю, что вокруг меня друзья, коллеги и соратники. (Бурные аплодисменты)».

Вот такие оценки. Надо сказать, что Филби до конца жизни был уверен в правильности своего выбора. Такая же целостность и уверенность в своём выборе была свойственна и другим членам Кембриджской пятёрки — легендарной группы советских разведчиков, в которую вместе с Кимом Филби входил и его товарищи по учёбе в Кембриджском университете: Дональд Маклейн, Энтони Блант, Гай Бёрджесс и Джон Кернкросс.

Все эти люди работали на советскую разведку ещё с 1930-х годов. С годами у многих читателей книг об их деятельности возникали серьёзные вопросы: насколько легендарные разведчики были осведомлены о том, что происходило в те годы в СССР? В частности, их понимания репрессий, особенно против их товарищей-кураторов, с которыми они работали. Как относился ко всему происходившему в СССР в те годы тот же Ким Филби? Как он относился вообще к жизни в СССР? Все ли мог принять в советском обществе? Со всем ли соглашался?

На этот непростой вопрос в книге отвечает его ученик Михаил Богданов — полковник СВР в отставке, исполнительный директор Фонда памяти Кима Филби.

Михаил Богданов рассказывает, что прямые беседы на эту тему с ним Филби не вёл. Тем не менее было ясно, что Ким явно согласен не со всем, с чем столкнулся в СССР. И такие мысли, согласно оценкам Богданова, были для него «очень и очень тяжёлыми». Однако для Филби всегда существовала главная идея — бороться с фашизмом. Он также верил в коммунистическую идею, и это, по мнению Богданова, перевешивало все остальное.

Здесь, конечно же, хотелось бы упомянуть, что в 1930-е годы людей, веривших в СССР, в мире было очень много. Очень многие тогда с большим опасением наблюдали за распространявшимся по Европе фашизмом. И, как известно, многие в те годы влились интербригады, к боровшиеся против фашизма в Испании. Или,

как Филби, стремились оказаться хоть чем-то полезным Москве, осознавая, что СССР — это единственная сила, способная остановить фашизм.

«В то время, в 1934 году, — рассказывает Филби в своей лекции для руководящего состава ПГУ, объясняя своё согласие на работу с советской разведкой, — Гитлер уже был у власти в Германии. Япония уже вторглась в Китай. Шёл процесс формирования “оси” Берлин-Рим-Токио, и наиболее вероятным прогнозом развития международной обстановки было совместное нападение держав “оси” на Советский Союз».

В родной Филби Великобритании многие англичане были глубоко разочарованы Мюнхенским сговором, который сильно уронил в их глазах внешнюю политику Лондона. К тому же, как считает Михаил Богданов, Филби мог и слышать от представителей английской элиты разговоры о том, что «пусть немцы подерутся с русскими, а мы из этого извлечём пользу». И такие разговоры его, как антифашиста, не могли не возмущать. Против «умиротворения» явно восставали его убеждения. Отсюда и искреннее стремление Филби помочь русским.

Кроме всего этого, по многим оценкам, активной работе Кембриджской пятёрки на советскую разведку в военные годы способствовали и исключительно положительные черты характеров советских разведчиков, с которыми они работали. Есть немало данных, что сотрудничавшие с ними англичане хотели брать с таких людей пример. В верности идее и делу, в готовности к самопожертвованию, в стремлении к знаниям и постоянному самосовершенствованию. И, что также немаловажно, эти люди не были фанатиками, какими некоторых из них спустя годы пытаются показывать. В те годы им действительно многие хотели подражать. И это было в порядке вещей.

Вот как описывает в книге своего куратора — советского разведчика Ким Филби: «Это был трезвомыслящий и широко образованный человек... Он свободно рассуждал на философские, политические и экономические темы... Был отлично информирован в вопросах современной политики... Читал множество газет и журналов на английском, французском и немецком языках... Мы вели долгие дискуссии по актуальным проблемам Европы, Америки и Дальнего Востока».

И далее: «Но он бывал также и очень твёрдым. Без конца читал мне лекции о правилах безопасности. Помнится, как-то раз, когда

он наставлял меня в вопросах безопасности, я вспылал и сказал, что слышу одно и то же в десятый раз. — Всего в десятый, — заметил он. — Не волнуйтесь. Прежде чем я закончу с вами работать, вы услышите это сто раз. Возможно, его настойчивости я во многом обязан тем, что стою сегодня перед вами, вместо того чтобы гнить в тюрьме, если не в гробу». Эти слова Филби во время лекции для руководящего состава ПГУ вызвали в зале гул одобрения.

С тех пор прошли годы, и даже десятилетия. Многое изменилось. Очевидно изменились и правила безопасности в работе разведчика, о которых рассказывал Филби в Москве в уже далёком 1977 году. Да сегодня и наша действительность, равно как и многие факторы политики выглядят совершенно иначе.

Изменились и многие оценки происходившего в прошлом. Но тогда, в первые десятилетия XX века, революционная идея государства для трудящихся, реализованная в октябре 1917 года в России, очень быстро и на долгие годы распространилась по всему миру, в том числе по Европе. В той же Великобритании Москве симпатизировали очень многие граждане страны. Идеи социальной справедливости захватывали общество. Будили сознание молодых англичан, стремившихся «помочь русским». Причём бескорыстно.

Возможно сейчас кто-то будет утверждать, что эти люди заблуждались, что их, что называется, «использовали в тёмную». Однако, что бесспорно, в основной массе это были люди высокообразованные, в случае Кембриджской пятёрки — представители высоких кругов британского общества, руководимые стремлением к справедливому обществу и мироустройству. И, на мой взгляд, таких людей в наше время очень не хватает. И именно о таких героях стоило бы в первую очередь писать книги и ставить фильмы. Ведь, как указал в книге Михаил Богданов, «мне кажется, россияне истосковались по герою — идеалисту, активно борющемуся за свои идеалы, причём совершенно бескорыстно...»

Вот разведчики, такие как Филби и другие участники Кембриджской пятёрки, в своё время и стремились чем могли помочь СССР. Например, создать свою атомную бомбу. Ведь, согласно приведённым в книге словам видного советского ученого-физика Юлия Харитона, в разработке нашего отечественного ядерного оружия заслуги советских учёных и разведчиков необходимо поделить поровну.

То есть можно сделать вывод, что именно благодаря деятельности таких людей, как Ким Филби, у нашей страны остаётся серьёз-

ный аргумент для того, чтобы с ней считались на Западе. И даже страшно предположить, что могли бы попытаться сделать с Россией наши недоброжелатели, если ядерной бомбы у Москвы не было бы. Она, несомненно, является серьёзнейшим фактором сдерживания. И в том числе это заслуга советских разведчиков-британцев.

В Советском Союзе легендарный разведчик женился на москвичке Руфине Пуховой. Её воспоминания о жизни с Филби также занимают целую главу в книге. В частности, она приводит письмо мужа его другу, известному английскому писателю Грэмму Грину от 6 июня 1980 года, в котором он даёт своеобразную оценку своей семейной жизни. С присущим юмором Филби пишет: «Полученное воспитание подсказывает мне, что восхвалять свою жену — это дурной тон (наша 10-я годовщина в сентябре — Боже мой!). Так что я просто скажу, что и тёща у меня тоже замечательная».

В. В. Воротников¹

Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020.
Сб. ст. / Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой.
М., 2020

Вывзавшей шумное обсуждение в экспертных кругах книге директора американского аналитического центра «Стратфор» Дж. Фридмана «Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века», опубликованной в 2009 году, особая роль в будущих геополитических трансформациях в Восточной Европе была отведена Польше. Республика Польша — наиболее амбициозный игрок в регионе, располагает необходимыми ресурсами, мотивацией и стратегией регионального лидерства, и в силу этого способна быть важным союзником США в деле реализации их базовых внешнеполитических интересов на этом пространстве. Указанную работу, без сомнения, можно отнести скорее к жанру политической фантастики (если не провокации), чем качественной аналитики. Вместе с тем, польская внешнеполитическая активность последнего десятилетия невольно заставляет с определённой регулярностью вспоминать эти «игры разума» американской разведывательной машины.

В этой связи коллективная монография «Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020», вышедшая в серии «Реальная политика» издательства «Кучково поле» в 2020 г. к столетней годовщине возобновления польского геополитического проекта, впервые в отечественной полонистике делает региональные ам-

¹ В. В. Воротников — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, директор Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

бии Польши центром комплексного исследовательского внимания. Уже своим заголовком книга заставляет читателя окунуться в размышления о прошлом, настоящем и будущем территориально-политического переустройства региона Восточной Европы и роли Польши в этих процессах. Заглавие поставило перед авторами и составителями непростую задачу — провести читателей по вековому пути Польши сквозь перипетии восточноевропейской политики, двигаясь по которому польское государство неоднократно меняло свою политическую форму, социально-экономическое устройство и даже конфигурацию границ. Следует признать, что в целом эта амбициозная задача удалась.

Книга делится на три неравных части-раздела. В первом, посвящённом попыткам Польши стать региональным лидером в первой трети XX века, наибольший интерес представляет статья одного из наиболее авторитетных и заслуженных отечественных историков-полонистов Г. Ф. Матвеева «Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы». Анализируя причины, ход и последствия советско-польского столкновения, автор убедительно доказывает, что ещё в начале 1919 г. ленинское правительство «никакого марша на Варшаву и вообще вторжения в этнографическую Польшу... не планировало» (с. 26) и в последующие месяцы старалось перевести решение противоречий в политическую плоскость. В это же время начальник (глава) польского государства и главнокомандующий вооружёнными силами Юзеф Пилсудский уже имел продуманный план наступления на восток и создания там пояса союзных Польше буферных государств, реализация которого, впрочем, в конечном счёте успехом не увенчалась.

Во втором разделе сборника анализируется содержание и эволюция такого феномена как «прометеизм», центрального для изучения и понимания польской «восточной политики». Особого внимания в этой части книги заслуживает статья Т. М. Симоновой ««Прометеизм» в польском сознании: теория и практика». В материале вводятся в научных оборот новые источники по данной проблематике из фондов Российского государственного военного архива и неизвестной ранее польской исследовательской литературы. Автор предметно изучает деятельность польской разведки по разжиганию сепаратистских настроений в Советском Союзе, что позволяет лучше понять причины столь напряжённых отношений Варшавы и Москвы на протяжении всего межвоенного периода. Несомненный интерес представляет тезис авто-

ра о том, что «реализация доктрины «прометеизма» была переувачена у Польши нацистской Германией» (с. 66); у поляков же немцы позаимствовали «план по переселению евреев на Мадагаскар» (с. 68). Отметим и то, что идея «прометеизма» получила новое звучание в американской «Декларации о порабощённых народах» 1959 г. Вопрос влияния польского опыта на политику западных стран в разные периоды, без сомнения, ещё ждёт своего беспристрастного исследователя.

Третий и наиболее объёмный раздел книги посвящён современной политике Польши в контексте проблем европейской безопасности. В этой части сборника анализируются как чисто военные аспекты, связанные с размещением в Польше элементов военной инфраструктуры США и НАТО, так и сопутствующие политические проблемы. Большой интерес для отечественного читателя представляет также анализ образа России в оценках представителей польских политических партий, предпринятый В. В. Трухачёвым. К сожалению, по его прочтении складывается впечатление, что в современном политическом мейнстриме Польши, несмотря на ранее (в начале 2000-х и затем в 2008–2012 гг.) имевшие место попытки нормализации двустороннего взаимодействия, сложно найти силы, которые готовы были бы выступить в качестве прагматичных и идеологизированных партнёров для диалога с Россией.

Статья В. Ю. Крашенинниковой «Возрождение Междуморья — американская игра против Евросоюза и России» актуализирует на первый взгляд сугубо исторические сюжеты до уровня современной международной политики, перенося разговор, в сущности, далеко за пределы собственно региона Центральной и Восточной Европы. Читателю предлагается взглянуть на польскую внешнюю политику в контексте отношений в треугольнике «Россия-Евросоюз-США». Исследовательский экзерсиз насколько аналитически корректный, настолько и приводящий к неутешительным, трудно оппонируемым выводам: далеко не все сомнительные геополитические концепции, толкавшие в прошлом европейские народы к конфликтам и войнам, остались сферой интересов одних лишь историков. Однако, как отмечает автор, «нельзя допустить, чтобы химеры Междуморья вновь погрузили Европу и весь мир в хаос нового конфликта» (с. 169).

Безусловным положительным моментом является то, что в сборнике на столь сложную и интерпретационно неоднозначную тему, несмотря на известные и отмеченные редакторами-составителями

сложности сотрудничества с польской стороной («Мы готовы были дать слово и противоположной стороне, при условии, что диалог не выльется в перебранку, но поиск квалифицированных польских экспертов оказался трудной задачей» (с. 11)) представлен и польский взгляд. Статья исследователя из Опольского университета Рафала Риделя «Новый рыцарь холодной войны в Центральной Европе — Польша» не оставляет сомнений в том, как в Варшаве видят политический расклад сил в регионе и место в нём Польши и России. Российскому читателю может быть неприятно читать некоторые пассажи из анализа польского исследователя, однако для создания сложной, многомерной картины международно-политической реальности региона ЦВЕ такое знакомство совершенно необходимо.

Из недостатков работы можно отметить, что, несмотря на заявленные в заглавии крайние даты, весь период Народной Польши (1944–1989 гг.) фактически выпал из рассмотрения авторами сборника. Только в статье Д. С. Буневича «“Восточная политика” Гедройца-Мерошевского или “прометеизм 2.0”»? делается небольшой экскурс в вопросы выработки новой внешнеполитической концепции в польской политической эмиграции времён социализма и её влияния на внешнеполитическую доктрину Третьей Речи Посполитой. Вместе с тем, представляется совершенно невероятным, чтобы Польша в этот период просто отказалась от собственных взглядов на судьбу Восточной Европы, полностью перевернув её «товарищам из Москвы». Конечно, эти взгляды могли формироваться и артикулироваться исключительно в рамках линии на развитие и укрепление социалистического содружества. Тем не менее у восточноевропейских стран сохранялась определённая степень автономии и они отнюдь не были бессловесными вассалами СССР, как это иногда пытаются представить сегодня. Пути развития СЭВ, отношения по линии Восток-Запад, реакция на кризисы в Венгрии, Чехословакии и взаимоотношения с титовской Югославией — польская позиция по этим вопросам (в том числе и в контексте исторической традиции стремления к региональному лидерству) также ещё ждёт своего исследователя.

В целом, книга «Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020», представляет несомненный интерес для неравнодушного к вопросам истории и политики российского читателя, который хочет не только разобраться в хитросплетениях политических событий XX века, но и попытаться спрогнозировать возможные шаги Польши на современной международно-политической арене.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

OSTKRAFT

| научное обозрение |

Редакционная коллегия:

Л. Ф. Кацис (главный редактор),

М. А. Колеров,

С. Г. Шиндин.

Оформление *М. Е. Бороздинского*

ISBN 978-5-905040-85-6

9 785905 040856 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 16.02.2023. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Arnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru

| Содержание |